ВИКТОР ДИЗЕНДОРФ

ГЕРМАНИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО НЕМЦА ОЧЕРКИ

РОТТЕНБУРГ
2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. О КАКОМ РОССИЙСКОМ НЕМЦЕ ПОЙДЕТ РЕЧЬ 4
2. ГДР ИЗДАЛИ 6
3. ГДР ВБЛИЗИ 9
На пути в ГДР 9
Восточный Берлин – Потсдам 12
Остров Узедом 15
Лейпциг 16
Эрфурт – Веймар – Бухенвальд 17
Дрезден – Мейсен – Саксонская Швейцария 18
4. СУДЬБА ГДР В РЕТРОСПЕКТИВЕ 19
Последние 20 лет: исходная точка 19
Вальтер Ульбрихт 22
Эрих Хонеккер 23
Последние 20 лет: середина 25
Последние 20 лет: конец 26
5. ФРГ ИЗДАЛИ 27
Футбольный апофеоз 27
Распределение национального дохода ФРГ 29
Концепция собственности германской социал-демократии 34
«Приобщение к собственности» 35
Литература ФРГ: Бёлль и Грасс 38
6. ФРГ: ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ 39
Конрад Аденауэр 41
Людвиг Эрхард 43
Курт Георг Кизингер 44
Вилли Брандт 46
Гельмут Шмидт 49
Гельмут Коль 50
Герхард Шрёдер 52
Ангела Меркель 53
7. ГЕРМАНИЯ ВБЛИЗИ 56
Команда Ваффеншмидта 58
Федералистский союз европейских национальных меньшинств 61
Землячество немцев из России 62
Союз изгнанных 65
Боннский художественный музей 66
Подготовка к выезду 67
8. ГЕРМАНИЯ ИЗНУТРИ 69
Дневник запоздалого переселенца 69
Домодедово – Фридланд 71
Спецслужбы не дремлют 73
Вайльхайм 75
Роттенбург 77
Дела квартирные 78
Личные документы 80
Job-Center 80
Курсы для переселенцев 81
Медицина 83
Транспорт 85
Почтовая служба 86

Продовольственное снабжение и кухня …… 87
Книготорговля, библиотеки и литературный процесс …… 90
Центральный военно-исторический архив …… 91
Образование и наука …… 92
Религия и церковь …… 94
Телевидение …… 96
Немецкий язык …… 97
9. ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ РАССМОТРЕНИИ …… 99
Расклад политических сил …… 99
Социально-экономическая политика …… 105
Иммиграционная политика …… 108
Политика в отношении российских немцев …… 112
Германия и Европейский союз …… 114
Отношения с США …… 117
Германо-российские отношения …… 121
Германия и «Украинский кризис» …… 124
Российские немцы: «двойная лояльность»? …… 128
10. ГЕРМАНИЯ И ЗАПАД: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СЛОМ …… 129
От доктрины Просвещения – к «концу истории» …… 130
Прогресс …… 131
Либеральная демократия …… 133
Глобализация и глобальное общество …… 136
Однополярный мир …… 138
«Закат Европы» …… 140
11. ПРОЩАЙ, ГЕРМАНИЯ, ПРОЩАЙ? …… 141

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

Так писала, обращаясь к Германии, Марина Цветаева, внучка российского немца Александра Мейна. Шел декабрь 1914-го, уже почти полгода бушевала Первая мировая война, и ненависть к Германии, а заодно ко всему немецкому, буквально захлестывала и Россию, и все остальные страны тогдашней антигерманской коалиции.

Во времена моего детства и юности Германия никаких войн не вела, приведенных строк Цветаевой я тогда не знал, но чувства, выраженные в них, нередко посещали в те годы и меня. Особенно остро я их испытал, пожалуй, в июле 66-го – как ни странно, по случаю чемпионата мира по футболу в Англии.

Со времен войны с Германией миновало уже более двух десятков лет, но по речам наших спортивных комментаторов создавалось впечатление, что смертный бой с проклятыми фрицами все еще продолжается. Особенно после того, как советская команда уступила в полуфинале сборной ФРГ со счетом 1:2. Эту встречу я не видел (у нас дома в то время еще не было телевизора), однако по дошедшим до меня отзывам знаю, что игра была очень упорной, местами жесткой, но никакой особой грубости в ней не наблюдалось – во всяком случае, по меркам тогдашнего чемпионата мира, одного из самых «грязных» в истории. Но какой вой поднялся после этого в советской прессе – невозможно выразить! Он покоробил меня вдвойне – будучи заядлым футбольным болельщиком, я на дух не выносил привнесения в мою любимую игру низкопробного политиканства, да и проклятиям по адресу немцев и всего немецкого сочувствовать, естественно, не мог.

В той неприглядной истории время давно все расставило по местам. Тогдашняя сборная ФРГ стала прообразом великой команды 1-й половины 70-х, а затем и ряда последующих лет. 4-е место в 66-м явилось высшим достижением сборной СССР по футболу за все время ее участия в чемпионатах мира. А англичане, со скрипом одолевшие на своем «Уэмбли» сборную ФРГ не без «содействия» советского судьи Т. Бахрамова, никогда больше не блистали на чемпионатах мира или Европы.

Однако ставить точку на антигерманском психозе по поводу и без повода я бы по-прежнему не стал. Наглядный тому пример – портреты Ангелы Меркель с гитлеровскими усиками, столь популярные сегодня кое-где на юге Европы. У меня самого масса претензий к нашей бундесканцлерше, о чем я еще не раз выскажусь ниже, но ставить ее в один ряд с Гитлером – это, что называется, путать божий дар с яичницей или, если угодно, ужа с ежом.

1. О КАКОМ РОССИЙСКОМ НЕМЦЕ ПОЙДЕТ РЕЧЬ

В предлагаемой работе будет, естественно, представлен главным образом взгляд на Германию самого автора. Однако – не только. Хотя бы потому, что этот взгляд сформировался у меня за долгие годы под воздействием множества людей, в первую очередь – самих российских немцев, включая и моих родителей.

Если выразить позицию отца и матери на сей счет в нескольких словах, то это – отчужденность и настороженность на грани неприязни. Начало тому было положено еще в 20-е годы, когда в АССР Немцев Поволжья, где жили тогда родители, хлынули из Германии посланцы Коминтерна, бесцеремонно приобщавшие «старорежимных» поволжских немцев к прелестям коммунистической утопии. Потом была страшная война с Германией, начатая Гитлером и обернувшаяся для тогдашних поколений российских немцев небывалой национальной катастрофой. И сакраментальный вопрос: «Что им здесь было нужно?» навсегда лег тяжелым камнем на души наших выживших соплеменников. Когда в 19 лет мне впервые представилась возможность увидеть Германию (тогдашнюю

ГДР) своими глазами, это вызвало у родителей определенное любопытство, но не более того. Они сами совершенно не хотели побывать в Германии, не говоря уже о том, чтобы переселиться сюда.

Я решился на этот ответственный шаг, когда мне было уже не 19, а 56, и оказался после этого в гуще наших переселенцев, у каждого из которых есть, конечно, собственный взгляд на Германию. Эти взгляды далеко расходятся – не в последнюю очередь в зависимости от того, насколько тот или иной человек укоренен в своей российско-немецкой самобытности. Парадоксально, но факт: по моим наблюдениям, нынешняя Германия больше по душе тем нашим переселенцам последних лет, которые сильнее всего утратили свои национальные черты или вообще не являются этническими немцами. Однако немалое влияние оказывают здесь, конечно, и другие обстоятельства – возраст (молодежи Германия обычно импонирует в большей мере), степень религиозности (глубоко верующие переселенцы очень ценят возможность регулярно посещать свою традиционную лютеранскую или католическую церковь), условия жизни накануне выезда и т.д. и т.п. Скажем, младшая сестра моего отца (единственная из старшего поколения наших близких, которая еще успела пожить на исторической родине) до конца своих дней повторяла: «Спасибо этому доброму человеку, который пригласил нас сюда!» Под «добрым человеком» имелся в виду не кто иной, как германский канцлер Г. Коль, и я вполне понимал свою тетушку, слыша от нее подобные речи: она переехала в Германию из Узбекистана, который, к ужасу многих его жителей, стремительно возвращался в Средневековье.

Сам я принадлежу, пожалуй, к наиболее неподходящему разряду переселенцев: неплохо знал Германию до переезда сюда и не питал по ее поводу никаких особых иллюзий, глубоко привержен к традиционным консервативным ценностям российских немцев, практически несовместимым с нынешними «общеевропейскими ценностями», ходить в немецкую церковь не привык за отсутствием таковых в России на моей памяти, приехал не из Узбекистана, а из Москвы, к которой был очень привязан. Уже поэтому мои записки не могут претендовать ни на полную объективность, ни на типичность выраженных в них взглядов. Впрочем, в поисках этих качеств нужно обращаться не к подобным сочинениям, а к серьезным научным трудам.

Как ни странно, я еще помню первый в своей жизни эпизод, связанный с сюжетом «Германия и я», хотя мне не было тогда и 4-х лет. В начале 1955 г. родители повезли меня в Копейск, небольшой город под Челябинском, где у нас жили многочисленные родичи. Первым из них оказался там в 1942 г. дядя Саша, один из старших братьев отца, отправленный отбывать «трудармейскую» каторгу на копейские угольные шахты. Через 13 лет дядя уже тяжело болел после перенесенного инсульта (ему оставалось жить всего полтора года) и говорил чуть слышным хриплым голосом. Однако он оставался чрезвычайно общительным человеком (не чета моему отцу) и, на радостях от встречи с братом и его семьей, принялся вспоминать о своем долгом пребывании в германском плену в годы Первой мировой войны.

Из его рассказа мне запомнилось одно: дядя Саша пытался разыскать в Германии следы других Дизендорфов, но ему объяснили, что такой фамилии там нет. Этот сюжет навсегда поразил меня своей абсурдностью: как это в Германии может не быть нашей фамилии, если мы – самые натуральные немцы? Сам дядя Саша полагал, что фамилия была искажена при переселении наших предков в Россию. Сегодня я уже почти уверен, что это не так. Иначе откуда бы взяться в окрестностях Вены сразу двум деревенькам Дизендорф, существующим и поныне?

Если версия об австрийском происхождении нашей фамилии верна, то становится понятным утверждение моих близких, которое я слышал от них еще в детстве: мол, австрийцы, в отличие от обычных немцев, говорят по-немецки почти так же, как мы. Проясняется и то, почему меня всегда смущала убийственная серьезность многих немцев (не только германских), глубоко чуждая моей легкомысленной «венской закваске».

Должен признаться, что после памятного общения с дядей Сашей мысли о Германии посещали меня в детские годы нечасто. Назойливое внушение тогдашними советскими газетами и радиопередачами единоличной вины Германии и за обе мировые войны, и вообще чуть ли не за все зло в этом мире было способно разве что отвратить ребенка от подобных размышлений. Как я мог, например, поверить в то, что Германия только и занималась разжиганием больших и малых войн, если известные мне немцы отнюдь не отличались повышенной воинственностью? Не так давно, когда отмечалось столетие с начала Первой мировой войны, даже на исторической родине вдруг осмелились заговорить о том, что Германию едва ли можно назвать единственной виновницей той давней всемирной бойни. Что ж, поживем еще четверть века и тогда поглядим, кого отнесут по случаю аналогичной даты к основным поджигателям Второй мировой войны.

Между прочим, в соседнем с нами Тюбингене уже более полувека назад вышло солидное научное исследование, в котором развязывание этой войны изложено совсем не так, как в неисчислимых западных и советских пропагандистских поделках. Правда, автором того труда был американский историк, а что позволительно Юпитеру, то, как известно, не дозволено быку.

Не могу сказать, что Вторая мировая война и участие Германии в ней меня в раннем возрасте не интересовали. Напротив, я читал по этой части все, что мне попадалось под руку. Увы, ожидаемого прояснения проблематики это чтение не приносило – напротив, оно вызывало все больше недоуменных вопросов. Со временем я стал сознавать, что могу пробиться сквозь эту толщу пропагандистских россказней только в случае, если положу на то всю свою дальнейшую жизнь, а это совершенно не входило в мои планы.

К счастью, не все в России были настроены в этом отношении так же, как я. В результате именно здесь живут и работают сегодня два лучших, на мой взгляд, специалиста по истории Третьего Рейха – питомец нашего Ленинградского университета Олег Пленков (в начале 70-х мы учились с ним в одном и том же корпусе ЛГУ на Менделеевской линии) и москвич Константин Залесский (это по его инициативе я перевел с немецкого 4 книги по военной и российской истории, изданные затем в Москве).

Что касается веймарской, кайзеровской и еще более ранней Германии, то ее история привлекала мое детское внимание только спорадически. Помню, например, как показывал матери портрет Лютера в нашем школьном учебнике истории. Мать, ревностную лютеранку, конечно, порадовало, что Лютер не забыт даже в наше безбожное время. А вот портрет Томаса Мюнцера на соседней странице ее неожиданно для меня огорчил: видимо, мать где-то слышала, что этот крестьянский вождь был вовсе не соратником Лютера, а, напротив, его ярым противником.

Как бы там ни было, я не намерен углубляться в свои представления об истории Германии до середины XX века, т.е. до моего появления на свет. Пусть об этом пишут историки соответствующего профиля, к которым я не имею чести принадлежать. Задача, которую я поставил перед собой в этих записках, гораздо скромнее – рассказать о своем взгляде на ту Германию, которая известна мне не только по книгам или фильмам, но и воочию.

2. ГДР ИЗДАЛИ

О ГДР я знал в детстве намного больше, чем о ФРГ. Не удивительно: читать и слышать о «братской стране» было гораздо интересней, да и приятней, чем о каких-нибудь очередных «происках боннских реваншистов». Помню и то, как году в 57-м к нам в барак приезжал с семьей брат одной нашей соседки – советский офицер, служивший в ГДР. По этому случаю я впервые увидел вещи производства ГДР, главным образом детские, и на фоне незатейливого советского ширпотреба тех лет они показались мне необычайно красивыми и элегантными.

Через год я увидел и печатное издание из ГДР – отец выписал мне по почте «Ди Троммель» («Барабан»), журнал для «пионеров-тельмановцев». Аналогичных советских журналов «Пионер» или «Костер» я тогда еще не знал, и потому «Барабан» не вызвал у меня каких-то определенных ассоциаций. Больше всего меня удивило в нем, пожалуй, то, что пионеры ГДР носили синие галстуки. Это показалось мне странным: до моего собственного вступления в пионеры было еще далеко, но для меня не составляло секрета, что «юным ленинцам» подобает носить только галстуки единственного по-настоящему революционного цвета, т.е. красного. Почему-то запомнилось в немецком журнале и словечко „Steckenpferd“, которым там обозначались разного рода пионерские занятия и увлечения (в наши дни сказали бы, наверно, «хобби»). Этого я тоже не мог взять в толк: аналогичное словцо имелось и в нашем немецком диалекте (мы произносили его как „Steckerpferd“), но у нас оно значило только игрушечную лошадку на палочке и никогда не использовалось в переносном смысле.

А еще через год у нас дома стало появляться все больше детских книжек из ГДР – ими начали торговать в близлежащем Новосибирске, и наши тамошние родичи регулярно их мне присылали. Я уже неплохо читал по-немецки и поначалу рьяно набросился на эту книжную экзотику, но вскоре она мне стала надоедать. Меня и в более раннем возрасте не особо увлекали детские книжки, а уж в 10 лет и подавно хотелось почитать не сказки братьев Гримм, а что-нибудь посерьезней. Больше всего мне в книжках из ГДР нравились, пожалуй, очень красивые изображения разных зверей и птиц, которые я охотно перерисовывал. Кстати, через много лет я вновь увидел одну из этих книжек о животных на «блошином рынке» в Тюбингене.

У нас в городе из изданий ГДР продавали только центральную партийную газету «Нойес Дойчланд», но читать ее мне было скучно, хотя «Правдой» и «Известиями» я – за недостатком более подходящего чтива – не пренебрегал. Однако в 5-м классе мне пришлось приобщиться к «Нойес Дойчланд» вплотную – одноклассник попросил меня перевести оттуда тексты для своего отца, который заочно учился в институте и должен был сдавать с помощью этих переводов зачеты по немецкому языку. Мне было неловко отказать товарищу, хотя я не был уверен, что справлюсь с этим делом, ведь опыт перевода серьезных текстов у меня еще практически отсутствовал. Однако все получилось удачно: я покорпел над газетами со словарем, и отец моего товарища получил-таки свой зачет.

По этому случаю я обратил внимание и на то, что газеты из ГДР пестрят фотографиями партийно-государственных лидеров еще в большей степени, чем советские. Из этих деятелей мне были известны по именам и фотографиям Вальтер Ульбрихт и Отто Гротеволь, о которых частенько писали или вещали и у нас. Незадолго до этого в том же ряду фигурировал Вильгельм Пик, первый (и последний) президент ГДР. Правда, упоминался он гораздо реже, да и в СССР, будучи уже в очень солидном возрасте, почти не приезжал. Посему я сильно удивился, когда по случаю его кончины в 1960 г. у нас в городе вдруг вывесили траурные флаги – единственный ритуал такого рода, запомнившийся мне в те времена.

Почти одновременно с книгами из ГДР у нас дома появились и тамошние грампластинки, также приобретенные в Новосибирске. Среди песен с этих пластинок мне особенно запомнился «Белый зимний лес» („Weißer Winterwald“). Песня понравилась мне настолько, что некоторые ее куплеты я могу пропеть и полвека спустя. Смотрел я тогда и фильмы из ГДР, выпущенные берлинской киностудией «ДЕФА». Сами эти картины на меня особого впечатления не производили. Запомнились только некоторые актеры, сыгравшие в них, в первую очередь – Эрвин Гешоннек и Армин Мюллер-Шталь. Они оба оказались уникальными долгожителями: Гешоннек прожил более 100 лет, а Мюллер-Шталь, которому перевалило за 85, снимался еще не так давно, причем успел после исчезновения ГДР поработать в киноиндустрии объединенной Германии и даже Голливуда.

Однако самым памятным соприкосновением с ГДР в мои школьные годы стала для меня, конечно, переписка с мальчиком из Дрездена Франком Муштером. В начале 5-го класса у нас в школе организовали «Клуб интернациональной дружбы», где давали контактные адреса всем желающим переписываться со школьниками из соцстран. Клуб привлек многих моих однокашников, наивно полагавших, что они смогут переписываться по-русски. Увы, вскоре выяснилось, что их партнеры в состоянии писать только на родных языках, и на этом, собственно, все и заглохло. Мне было гораздо проще – письма Франка я понимал без труда, да и сам постепенно наловчился писать по-немецки с помощью словаря. Правда, долгой переписки не получилось и у нас: мне было тогда 11 лет, Франку – и вовсе 9, и в этом нежном возрасте его интересовали разве что открытки или марки, которые я ему присылал, но никак не сами мои письма. Да и о чем могли писать друг другу такие малолетки, да еще жившие в совершенно разных условиях, хотя и при аналогичной социально-экономической и политической системе?

Открытки и марки из ГДР интересовали, конечно, и меня. Первые привлекали красивыми видами и высоким полиграфическим качеством, вторые удивляли опять же изобилием изображений партийно-государственных деятелей. Последнее казалось мне какой-то дичью: портреты нашего тогдашнего лидера Хрущева красовались у нас практически на всех углах, но на советские почтовые марки эта «иконопись» почему-то почти не проникала.

Наша переписка с Франком оборвалась в 63-м, а еще 7 лет спустя я неожиданно для себя сам оказался в Дрездене. Помню, я разглядывал карту города и почти сразу же обнаружил на его северной окраине небольшую улочку an der Lehmkuhle (т.е. «у Глиняного карьера»), где и жил Франк. Его адреса я еще не забыл, но нагрянуть к своему детскому товарищу через столько лет так и не решился.

Наконец, не могу не упомянуть о своем первом знакомстве с футболом ГДР, В мае 1964 г., незадолго до Олимпиады в Токио, за поездку туда состязались олимпийские футбольные сборные ГДР и СССР. Силы были явно неравны: команда СССР выиграла «золото» на Олимпиаде 1956 года, да и 8 лет спустя имела в своем составе немало известных игроков, а футболисты ГДР никаких заметных успехов в международных соревнованиях еще не добивались. Однако на сей раз эти сборные показали в групповом предолимпийском турнире одинаковые результаты, а потому им предстояла переигровка на нейтральном поле – в Варшаве. Я прослушал радиорепортаж об этом матче от начала до конца, и моему изумлению не было предела: команда ГДР выиграла со счетом 4:1. Как ни оценивай этот результат, он подводил к выводу, что в мировом футболе появилась новая сильная держава.

Так оно и оказалось: сборная ГДР еще не раз участвовала в Олимпийских играх, выиграла там несколько комплектов медалей, а однажды даже завоевала «золото». На чемпионатах мира или Европы футболисты ГДР таких успехов не добивались, но на мировом первенстве 1974 года одержали сенсационную победу над сборной ФРГ – хозяевами поля и будущими чемпионами мира. Увы, после исчезновения ГДР остались в безвозвратном прошлом и успехи восточно-германского футбола: игроки этой части объединенной Германии практически никогда не блистали ни в Бундеслиге, ни в составе сборной страны.

3. ГДР ВБЛИЗИ

На пути в ГДР

Мое стремительное приближение к ГДР началось с поступлением в 1968 г. в Новосибирский университет. Теперь я мог сам посещать роскошный, по моим тогдашним понятиям, Дом книги на центральной площади Новосибирска, где продавалась масса

разнообразной литературы из ГДР, причем по баснословно низким ценам. В результате круг моего немецкого чтения сразу же резко расширился.

Немецкая тематика была в те годы на виду и в самом НГУ. Помню, например, как я участвовал во встрече с кинорежиссером из ГДР, который поделился с нами, студентами, своей заветной задумкой на производственно-семейную тему. Героиня его будущего фильма оказалась перед дилеммой: посвятить ли себя дальнейшему карьерному росту или же чисто семейным делам? Конец ее мучительным колебаниям положил муж, безапелляционно заявивший: «Вот сделаю тебе ребенка, и не будешь больше думать ни о какой карьере!» Персонажи советских фильмов таким лексиконом, конечно, не изъяснялись, но подобные сюжеты набили оскомину и нам, а потому никак не могли вызвать нашего интереса.

В другой раз меня безуспешно пытались вовлечь в какой-то немецкий ансамбль, где я должен был петь: „Es zogen auf sonnigen Wegen drei lachende Mädchen vorbei…“ В этом сюжете герой тоже оказывался перед дилеммой: мимо него по дороге, освещённой солнцем, шли три улыбающиеся девушки – брюнетка, блондинка и шатенка, и он никак не мог решить, какую из них предпочесть. Эта песенка из ГДР поется в Германии и поныне, однако концовка ее изменилась. Теперешний юноша машет рукой на всех трёх девушек, тогда как в известном мне варианте он их, напротив, поочередно целует. Приходится ли после этого удивляться, что в Германии с тех пор так сильно упала рождаемость?

Вспоминается и другая молодежная песенка из ГДР, отложившаяся в моей памяти иначе, чем она поется сейчас: „Ich ging einmal spazieren“ («Я шел гулять однажды»). В нынешнем варианте юноша долго выслушивает самовосхваления встреченной девушки и в итоге все-таки не решается связать с ней судьбу. А злоязычные студенты, которых я услышал в ГДР, добавили к этому сюжету совсем уж убийственный финал: прошло лето, и девушка, не в силах смириться с отказом, попросту повесилась…

Весной 1970 г. произошло событие, имевшее для меня далеко идущие последствия: мой сосед по комнате в студенческом общежитии Паша Родионов привел меня в секцию ГДР университетского Интерклуба. Сам Паша прямого отношения к немцам не имел и немецкого языка не знал. Однако он намеревался жениться на своей бывшей однокласснице, немке Ларисе Герберсгаген (что впоследствии и сделал), чем, видимо, и было вызвано его внимание именно к секции ГДР. К этому можно добавить, что Паша, Лариса и их потомки давно уже живут в Дрездене, столь памятном для меня.

Как оказалось, секция ГДР была в Интерклубе одной из самых престижных – она организовала ежегодный летний обмен студенческими тургруппами с Дрезденским техническим университетом. Примечательно было и то, что секцией руководил очень харизматичный и деятельный лидер – Евгений Гертель, в то время, кажется, уже аспирант НГУ. Он не раз участвовал в подобных поездках в ГДР и буквально завораживал нас своими рассказами о них. Потому я охотно посещал эти встречи, хотя иллюзий о возможности собственной поездки в ГДР не питал. Учился я тогда всего лишь на 2-м курсе, общественной работой, мягко говоря, не злоупотреблял, тогда как в ГДР ездили, как правило, аспиранты или старшекурсники, почти сплошь – комсомольские активисты. Однако произошло совершенно неожиданное: сам Женя в тот год в ГДР не собирался и по этому случаю выдвинул в состав тургруппы меня. Логика здесь, насколько я понял, была такой: опытный Женя хорошо знал, что в группе должны непременно быть люди, владеющие немецким без проблем, и за недостатком таковых среди прочих претендентов остановился на моей кандидатуре – казалось бы, совершенно неподходящей по остальным параметрам.

Как бы там ни было, сдав летнюю сессию, я стал готовиться к своей первой в жизни поездке за границу. Оформление выездных документов и прочие оргвопросы меня не тяготили – все это делалось за нас централизованно. Единственное, что требовалось от меня, – поднакопить деньжат на поездку. При этом речь шла о достаточно скромной сумме – в общей сложности рублей 150-200. Мой отец устроил меня стропальщиком

(точнее говоря, разнорабочим) на завод, где еще трудился сам, я за месяц почти заработал нужную мне сумму, а остальное добавили родители.

7 августа 1970 г. поезд, наконец, повез нас из Новосибирска в Берлин, с пересадкой в Москве. Ехать предстояло более четырех суток, так что у нас было достаточно времени и познакомиться, и пообщаться друг с другом, и поразмыслить о том, о сем. Многих участников нашей группы я увидел впервые – на встречи в Интерклубе они не ходили. Руководителем группы был назначен аспирант Олег Слюдкин – как выяснилось вскоре, вполне покладистый парень. Назойливой опекой, на которую сетовали тогда многие советские загрантуристы, он нам не досаждал. Олег заботился только о том, чтобы мы не заблудились и вовремя вернулись в наше общежитие. В отношении меня, знавшего немецкий, он по этому поводу не особо тревожился, так что мне иногда удавалось даже побродить одному. Правда, случалось это нечасто – возражали товарищи, не желавшие остаться без переводчика. Помимо студентов и аспирантов НГУ в нашу группу входил фотокорреспондент местной газеты «За науку в Сибири» Геннадий Кустов. Благодаря ему впоследствии появилась серия репортажей о нашей поездке в этой газете и даже фотография в «Вечернем Новосибирске», запечатлевшая наше прибытие в Берлин.

Наши разговоры в пути вращались в основном вокруг животрепещущей проблемы – где и как лучше припрятать деньги, чтобы их не засекли при пограничном контроле. Дело в том, что некоторые члены группы везли, помимо разрешенных сумм, немало красных десятирублевок – им кто-то наплел, что в ГДР эти купюры, якобы, в ходу и их несложно обменять на немецкие марки. В действительности десятирублевки там никого не интересовали (во всяком случае, среди той публики, с которой общались мы), и по большей части их пришлось потом везти назад. Однако спрятаны они были надежно: подебатировав по этому поводу, мои попутчики засунули их вместо пленки в пустые фотокассеты (фотоаппараты взяли с собой многие из нас, в т.ч. и я).

Меня десятирублевки не волновали – я вез с собой лишь 35 рублей, которые, как нам сказали, мы сможем официально обменять в Берлине на 100 марок ГДР. По тогдашним меркам – весьма мизерная сумма (хотя она равнялась, например, моей студенческой стипендии), но это была только наша «карманная мелочь»: деньги на питание и все остальное нам на руки не выдавались. Свободный от денежных забот, я почитывал карманный справочник по ГДР, приобретенный в новосибирском Доме книги, и размышлял о том, смогу ли оправдать надежды Жени Гертеля на меня как на переводчика. Конечно, я говорил по-немецки дома (на нашем поволжском диалекте) и мог читать, но ведь с немцами из Германии мне еще практически не доводилось общаться.

Мои опасения, к счастью, не подтвердились. Своих собеседников я понимал в ГДР всегда, хотя некоторые из них (скажем, берлинцы) говорили совсем не так, как мы. Правда, кое-что в здешней устной речи показалось мне необычным. Например, я еще на берлинском вокзале заметил, что тамошние дикторы произносят «два» как „zwo“, а не „zwei“. Это меня позабавило: такое можно было услышать в России разве что от деревенских немцев. Однако к сельским диалектам это словечко отношения не имело: дикторы говорили „zwo“, дабы публике вместо «два» не послышалось «три» („drei“). Что касается моей собственной немецкой речи, то поначалу ей, естественно, недоставало беглости. Но при постоянном общении это, что называется, дело наживное, тем более в столь юном возрасте. К концу нашего трехнедельного пребывания в ГДР я уже полностью освоился в немецкоязычной среде. И никаких комплексов в этой связи не испытывал: я был так рад возможности сколько угодно говорить по-немецки, что над тем, всё ли у меня получается правильно, практически не задумывался.

Помню, однажды я разговорился по пути с пожилой супружеской парой из Карл-Маркс-Штадта. Историей этого города я уже интересовался, поскольку до войны мои родители тоже жили в Марксштадте (ныне г. Маркс), только на Волге. И когда я сказал старичкам, что их город известен мне как Хемниц, они очень удивились – видимо, не ожидали таких познаний от молодого собеседника. А уж когда они услышали, что я родом

не с севера Германии, как им показалось по моему произношению, а из далекой Сибири, их изумлению и вовсе не было предела. Им так захотелось чем-то порадовать меня, что они даже подарили мне на прощание большую монету в 2 марки.

Этот эпизод показался мне весьма типичным для отношения тогдашних граждан ГДР к жителям СССР. Отношение было вполне доброжелательным, однако здесь о нашей жизни имели самые туманные представления. Тем более, если дело касалось российских немцев – я не встретил в ГДР ни единого человека, который бы хоть что-то знал о нас. Здешняя пропаганда с утра до вечера трубила о достижениях и успехах могучего «старшего брата», но в подробности на сей счет предпочитала не вдаваться. Это и понятно: реальные стороны жизни очень плохо сочетаются с любыми пропагандистскими штампами.

Вернемся, однако, к началу нашей поездки. После середины дня 11 августа мы пересекли германскую границу во Франкфурте-на-Одере. И вид из окна нашего вагона тотчас разительно изменился: появились красивые ухоженные пейзажи с массой зелени, всё вокруг засверкало буйством ярких летних красок. Весь путь от Франкфурта до Берлина мы простояли в коридоре у вагонных окон, жадно вбирая в себя это великолепие. Помнится, я пришел тогда к глубокомысленному выводу, что настоящая Европа начинается на Одере.

Два с лишним десятилетия спустя я не раз проезжал по этому маршруту на поезде, а еще чаще – на автобусе. И мои впечатления оказались совсем другими. Теперь гораздо заметней был не контраст между Германией и Польшей, а между Польшей и Беларусью. Так что впору было сказать, что Европа начинается не на Одере, а на Буге. Это особенно бросалось в глаза в предновогодние вечера: Европа была буквально залита праздничной иллюминацией, а дальше на восток виднелась только непроглядная темень.

Сразу же после пересечения границы ГДР мы увидели и два специфичных названия на здешних железных дорогах – Deutsche Reichsbahn (DR) и Mitropa. Первое появилось не во времена Третьего Рейха, как некоторые из нас поначалу решили, а еще в Веймарской республике и означало «Германские железные дороги». К 1970 г. оно сохранилось лишь в ГДР – железные дороги ФРГ получили известное и поныне название Deutsche Bundesbahn (DB). Второе возникло еще раньше, на закате кайзеровской Германии, и к 1970 г. также сохранилось только в ГДР – на железнодорожных вагонах-ресторанах, привокзальных буфетах и т.п. Теперь оба этих названия ушли в историю: первое исчезло вместе с ГДР в 1990 г., второе – в 2004 г.

К вечеру 11 августа 1970 г. наш поезд плавно вкатился на Ostbahnhof, т.е. Восточный вокзал столицы ГДР. У вагона нас встретил наш гид Петер Ландрок из Дрезденского технического университета, который, не долго думая, пустил по кругу пару бутылок „Berliner Wodka“ в ознаменование прибытия долгожданных гостей. Мы, конечно, подивились такому странному представлению о советских обычаях при встречах на вокзалах, но от водки отказываться не стали. Правда, берлинский напиток с традиционным медведем на этикетке показался мне чересчур водянистым и, так сказать, недостаточно ядреным.

Как ни странно, водкой – на сей раз «Московской» – оказалось ознаменовано и окончание нашей поездки в ГДР. На «отвальной», которую мы устроили в Дрездене, Олег Слюдкин торжественно вручил Петеру Ландроку заветную бутылочку, предусмотрительно привезенную с собой. В тот момент мы уже были с Петером неразлучны, сидели за столом рядом, и он тотчас предложил мне распить на пару полученный презент, что мы и сделали. К 19 годам я еще не был привычен к потреблению водки в таких дозах, а потому ощутил на следующее утро тяжелейший «похмельный синдром». Забыть о нем мне удалось только на дрезденском стадионе, где в тот день проходил интереснейший футбольный матч, о котором я еще расскажу.

Я меньше всего хочу создать у читателя впечатление, что Петер Ландрок отличался пристрастием к водке. Да, мог выпить по случаю, как любой молодой здоровый мужик, но

не более того. А человек он был во всех отношениях замечательный – веселый, энергичный, неутомимый, умный, внимательный к окружающим и к своей прелестной жене Мартине. Кстати, мы сразу же сошлись с ним не только потому, что со мной он мог общаться без проблем (по-русски Петер практически не говорил), но и из-за нашего обоюдного пристрастия к быстрой ходьбе. Мы с Петером неизменно неслись впереди всей группы, он привычно покрикивал: „Quick, quick!“ («Живо, живо!») и в сердцах говорил мне: «Слушай, почему они тащатся так медленно?» Мы ничего не знаем друг о друге уже 45 лет, но с годами я все чаще вспоминаю Петера Ландрока и размышляю над тем, как мой друг мог пережить крах того государства, ярчайшим олицетворением которого казался мне всю жизнь…

Через несколько дней к нашей группе присоединилась Мартина, и наше общение с Петером стало еще более оживленным. Правда, иной раз при этом возникали и неожиданные накладки. Так, однажды один наш охломон, оказавшись за столом с Мартиной, Петером и мной, «распушил перья» и принялся рассказывать один из популярных в ту пору анекдотов о Чапаеве. Сюжет был таков – Чапаев выходит утром на крылечко, завернувшись в простыню и сладко потягиваясь, а Петька говорит ему: «Ну, Василий Иваныч, ты прям как Джавахарлал Неру!» Ответную реплику Чапаева я приводить не буду в силу ее непристойности, скажу только, что она основана на непереводимой игре слов. Я был готов убить рассказчика, но моя высокая миссия переводчика, как мне казалось, обязывала меня переводить даже неудобоваримую жеребятину. Петер с Мартиной вежливо посмеялись, хотя я надеюсь, что они все-таки не поняли этот злополучный анекдот.

Восточный Берлин – Потсдам

По прибытии в Берлин мы отправились подкрепиться с дороги в шикарный, как мне показалось, ресторан в центре города. Меню в этом заведении оказалось под стать его внешнему антуражу: на первое нам подали изысканный Ochsenschwanzsuppe (суп из бычьих хвостов). Мне никогда не приходило в голову, что из этих хвостов можно варить суп, но я, не подав виду, с достоинством отведал местный деликатес. Из напитков большинство наших предпочло пиво, однако я его в то время еще не потреблял, а потому остановил свой выбор на неведомой мне «коле» (что-то вроде местной разновидности «пепси»). И, поскольку я оказался в группе самым младшим, то наши девицы всегда приговаривали в подобных случаях: «Ну, ребенок опять налегает на свою газировку!» Подействовали ли на меня эти язвительные реплики или что-то еще, но сегодня я терпеть не могу «пепси» и «кока-колу», зато при случае не отказываю себе в кружке доброго немецкого пива.

В Берлине, как и в других городах, мы жили в студенческом общежитии. Эти общежития были вполне благоустроенными и отличались от наших общаг в НГУ главным образом двухэтажными деревянными кроватями. Наше берлинское пристанище находилось на юго-восточной окраине города, и добирались мы до него из центра на электричке. Это был район Карлсхорст, где в 1945 г. подписывался знаменитый акт о безоговорочной капитуляции Германии. Четверть века спустя самым известным местом в округе было, пожалуй, китайское посольство. Мы квартировали совсем рядом, а потому могли впервые в жизни лицезреть в большом количестве живых китайцев. Однако вскоре Карлсхорст свел нас с еще более экзотичным своим обитателем.

Как-то вечером, глазея в окно, мы увидели в открытом противоположном окне широко улыбающегося негра. (Я человек старорежимный и потому продолжаю пользоваться этим словом, хотя сегодня его клеймят на Западе как неполиткорректное. Меня утешает то, что даже твердокаменный европейский интернационалист Маркс писал в свое время в «Капитале»: «Негр есть негр…») Мы обменялись приветствиями с африканским товарищем и, не долго думая, пригласили его в гости. Наши девицы

бросились накрывать на стол, и тут я впервые обратил внимание на экзотичную местную колбасу: она выглядела внешне как советская копченая, но ее можно было мазать на хлеб. Негр по имени Траоре Драмане оказался аспирантом из Гвинеи, он прожил в Берлине уже много лет и вполне прилично говорил по-немецки. Однако на русском он не знал ни слова, и нашим вскоре наскучило это общение через переводчика, т.е. меня. Тогда Траоре предложил мне отправиться в ближайшую кафешку, где можно было и потанцевать. Помню, глядим мы с ним на эти танцы, и вдруг он говорит: «Не понимаю я ваших людей – ползают как сонные мухи. То ли дело у нас – мы можем танцевать хоть сутки напролет!» После этой тирады меня, признаться, подмывало уточнить, когда же они в таком случае работают, но я благоразумно уклонился от столь скользкой темы.

Вскоре за наш столик подсел молодой немец. Услышав, что я из СССР, он стал сетовать, что молодежи ГДР трудно разговаривать со своими отцами о том, чем те занимались при Гитлере, и поинтересовался аналогичными проблемами у нас. При желании я мог бы рассказать ему, что жизнь наших отцов во времена Сталина была очень разной: одни сидели (как мой отец), другие сами сажали, третьи занимались простыми будничными делами. Однако вдаваться в такие нюансы со случайным собеседником, находившимся в явном подпитии, да еще и в присутствии товарища из Африки мне совершенно не хотелось. Сказал только, что для того, чтобы судить своих отцов, надо, как минимум, хорошо представлять, в каких условиях они жили. Почти полвека спустя могу добавить к сказанному тогда, что как раз мне довелось немало узнать об отцовской жизни при Сталине – не от самого отца (он говорил об этом очень редко), а от разных людей, знавших его в те мрачнейшие годы. И, к моему счастью, в этих рассказах не было ничего такого, за что я мог бы осудить своего отца.

А уже назавтра после прибытия в Берлин, 12 августа, нас ожидала еще более неожиданная встреча. Мы ехали в Трептов-парк, к известному монументу советскому солдату с немецкой девочкой на руках. Я стоял в трамвае рядом с тремя нашими девушками, включая очаровательную Лерочку с ее малюсеньким ростиком, и вдруг заметил, что к нашему разговору прислушивается пожилой, еще крепкий человек. Вскоре старик подошел к нам и представился: оказалось, что он находился во время войны в советском плену и еще помнил некоторые русские фразы. Затем он уточнил: дескать, был на фронте не солдатом, а всего лишь военным сапожником, смог оценить в плену великодушие русского народа, и наша Лера кажется ему – ни много ни мало – воплощением русской души. Не знаю, как насчет его занятий на фронте, но слова старика по поводу русских людей показались мне вполне искренними. А Лера, видимо, напомнила ему одну из встреченных в плену русских женщин. Тут старик неожиданно добавил: мол, он едет на день рождения дочери и приглашает нас четверых сопроводить его. Услышав об этом, наш руководитель Олег Слюдкин был ошарашен не меньше нас, но все же разрешил нам вместо Трептов-парка отправиться со стариком.

По дороге выяснилось еще несколько пикантных деталей: дочери в этот день исполнялось 18, семья старика жила в Восточном Берлине, а сам он обитал на Люнебургской пустоши, под Гамбургом, хотя числился по документам жителем Западного Берлина. Тут мы и вовсе были сбиты с толку и думали только об одном: как встретят нас, непрошеных гостей, на этом чисто семейном торжестве. Семья старика была, конечно, смущена столь неожиданным визитом, но общались с нами в этом доме вполне радушно – особенно именинница и ее отец.

Под вечер они оба вызвались проводить нас в Карлсхорст, и по дороге мы с дочерью разговорились. Хотя она была моложе меня всего на год, жизненный опыт у нас оказался очень разным: девушка училась в Берлинском университете, но при этом была ревностной практикующей католичкой. Потому ее больше всего интересовало, каким образом в СССР удалось отвадить от религии основную часть населения. Я был наслышан об этом от своих близких и потому мог ей кое-что рассказать, но вскоре почувствовал, что она плохо понимает меня. В самом деле, в ГДР не переделывали церкви во «дворцы

культуры» и, тем более, не взрывали, как у нас, а священников не расстреливали. Власти «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле» прекрасно понимали, что население и без того питает к ним мало симпатий, а потому старались не раздражать его без лишнего повода. В результате простое посещение церковных богослужений здесь не преследовалось, а Рождество и Пасха считались чуть ли не официальными праздниками. Такой социализм, конечно, с трудом укладывался в нашем чисто советском сознании.

В тот же день, 12 августа 1970 г., произошло крупное политическое событие, которое мы и жители ГДР тоже восприняли далеко не одинаково. Вечером нам сообщили, что канцлер ФРГ В. Брандт и наш премьер А. Косыгин наконец-то подписали в Москве давно анонсированный советско-западногерманский договор. В ГДР этому событию придали, по-моему, гораздо большее значение, чем у нас. Здесь надеялись (как выяснилось вскоре, не без основания), что «разрядка» в советско-западногерманских отношениях несколько приоткроет и «железный занавес» между ГДР и ФРГ. Я же, например, обратил основное внимание на то, что договор признавал незыблемость послевоенных границ в Восточной Европе и, тем самым, практически ставил крест на объединении Германии. А жители ГДР, разбиравшиеся в этих делах намного лучше нас, считали, что объединение было нереальным и до подписания Московского договора и может опять встать на повестку дня только в случае коренных политических перемен в Европе. 20 лет спустя окончательно выяснилось, что так оно и есть.

Из того, что мы повидали в Берлине, мне лучше всего запомнились «Пергамон-Музеум» на Музейном острове, телебашня на Александрплац и Дом советской книги. Музейные экспозиции о Древнем Востоке я уже видел в ленинградском Эрмитаже, но грандиозный Пергамский алтарь и бюст Нефертити из берлинского музея впечатлили меня гораздо больше. В смотровой башне высотной телевышки я побывал тогда единственный раз в жизни, получив возможность обозреть с птичьего полета не только обе части громадного города – Восточный и Западный Берлин, но и разделявшую их «Берлинскую стену». За 9 лет до этого, отдыхая с родителями под Алма-Атой, я с оторопью и ужасом следил по газетам за ее сооружением. Теперь Стена была совсем рядом, но более уместной или приемлемой мне от этого не показалась. А Дом советской книги просто поразил меня своим ассортиментом, невиданным в условиях нашего книжного дефицита. Правда, особого наплыва публики или покупательского ажиотажа я там что-то не припомню. Наша группа тоже ограничилась беглым осмотром прилавков, приберегая свои скудные марки для более существенных покупок, и только я разорился на изданные год назад «Воспоминания и размышления» Г. Жукова, покорившего Берлин в 45-м. Я уже читал эту книгу в новосибирских библиотеках, и когда представилась возможность, захотел поставить ее на свою книжную полку. Не могу сказать, что воспоминания опального маршала так уж захватили меня, но я не без основания считал их тогда наиболее содержательными советскими мемуарами о минувшей войне.

Из моих одиночных хождений по Берлину помню только, как я искал почту, дабы сообщить в родную Сибирь о своем благополучном прибытии на немецкую землю. Район Лихтенберг, где это происходило, казался захолустным даже по меркам тогдашнего Восточного Берлина, но небольшую почту я там, в конце концов, обнаружил. К моему крайнему удивлению, она оказалась частной – ее содержала семейная пара. Это было тем более поразительно, что в СССР подобные заведения искоренили, кажется, еще в октябре 17-го, когда восставшие большевики первым делом организовали «взятие почты, телефона, телеграфа».

Не меньше самого Берлина нас впечатлили его живописные окрестности, особенно Гроссер Мюггельзее – самое крупное из берлинских озер. Мы прокатились по нему на теплоходе, и у меня сохранился снимок, запечатлевший наш круиз с высокого озерного берега. Я сижу там рядом с Виктором Сабельфельдом, еще одним российским немцем из нашей группы. Насколько мне помнится, ему тоже прививали немецкий в семье, однако в ГДР он, в отличие от меня, почему-то стеснялся демонстрировать эти свои познания.

Впоследствии Виктор стал профессором математики и даже преподавал ее в Германии, так что свои юношеские языковые комплексы он с годами, очевидно, преодолел.

Из Берлина мы съездили и в Потсдам, где осмотрели знаменитые дворцовые ансамбли, расположенные в его окрестностях. Первым делом – парк Сан-Суси и одноименный королевский дворец XVIII века, построенный по проекту самого прусского короля Фридриха II. Но если о Фридрихе Великом и, тем более, о прочих прусских королях мы имели весьма смутное представление, то о событии, проходившем четверть века назад в Цецилиенхофе, другом потсдамском дворце, было положено знать каждому советскому школьнику.

Цецилиенхоф выглядел гораздо скромнее Сан-Суси, однако он был единственным дворцовым комплексом в этих местах, уцелевшим в войну, а потому именно здесь прошла летом 1945 г. знаменитая Потсдамская конференция. Нам немало говорили о ней и на школьных уроках истории, но только после подробного рассказа нашего экскурсовода по Цецилиенхофу я получил достаточно полное представление об этом историческом событии. Если коротко, то принятие окончательных решений о судьбе поверженной Германии и обо всем послевоенном устройстве Европы проходило практически под диктовку Сталина. Его позиции были в Потсдаме еще сильнее, чем на предыдущих конференциях «Большой тройки» в Тегеране и Ялте, ведь СССР сыграл ключевую роль в только что завершенном военном разгроме Германии. К тому же отошли от дел оба партнера Сталина по Тегерану и Ялте (президент США Ф. Рузвельт умер, британский премьер У. Черчилль в разгар Потсдамской конференции потерпел неожиданное фиаско на парламентских выборах), а сменившие их Г. Трумэн и К. Эттли до личных баталий со Сталиным явно не доросли. Собственно, само создание ГДР, где мы тогда находились, тоже можно считать результатом Потсдамской конференции.

В общем и целом Берлин произвел на меня довольно смутное впечатление: всюду виднелись следы войны, в самом центре еще стояла громадная церковь с металлическим каркасом вместо купола, а послевоенная застройка показалась мне слабо продуманной и по большей части безликой. С тех пор я побывал в Берлине дважды – в 2000-м и 2009-м, теперь он опять стал столицей огромного государства и превратился едва ли не в сплошную стройплощадку. Однако мои впечатления от него, как ни странно, изменились мало, хотя я получил возможность побывать не только в Восточном, но и в Западном Берлине, более благоустроенном и фешенебельном. Изо всех известных мне больших городов Берлин остается, по-моему, самым эклектичным и маловыразительным. Несмотря на многочисленные новостройки, его центр до сих пор зияет громадными пустырями, а городские кварталы плохо сочетаются друг с другом. Боюсь, что во всем этом проявляется общий упадок архитектуры в современной Германии. На мой взгляд, никакая экономия и никакие прагматичные соображения не могут оправдать превращения городов в хаотичное скопище совершенно безликих зданий и сооружений, особенно уродливое на фоне замечательной старинной архитектуры.

Остров Узедом

Из Берлина мы отправились в крайнюю северо-восточную часть ГДР, на остров Узедом. Наш маршрут был связан с тем, что там, возле небольшого озера Кёльпинзее, находился летний палаточный лагерь Дрезденского технического университета, где нам предстояло провести что-то около 5 дней. Мы доехали на поезде до городка Вольгаст, оттуда переправились на Узедом и вскоре оказались у Кёльпинзее. Кому – как, но мне показалось, что этот отрезок нашей поездки по ГДР был наименее содержательным.

Восточная часть Узедома отошла после войны к соседней Польше, и там мы, естественно, побывать не смогли. На германской стороне острова наиболее известен ракетный полигон Пенемюнде, где в свое время испытывались знаменитые реактивные снаряды Фау-2. Сейчас на территории бывшего полигона функционирует музей, но в

нашу бытность его, видимо, еще не было – во всяком случае, нас туда не водили. Наши дни на Узедоме были заполнены купанием в Балтийском море и прогулками по его побережью.

К середине августа непродолжительный купальный сезон в этих местах уже остается позади. Однако мы все-таки не отказывали себе в водных процедурах, хотя температура морской воды составляла всего 17 градусов и редкие прохожие взирали на нас с явным недоумением. Некоторые из нас, включая и меня, увидели море впервые в жизни, а потому, конечно, не могли упустить случая поплескаться в его волнах.

Бродя по пустынному берегу, мы проходили мимо небольших курортных городков (или, скорее, деревенек). Мне запомнился один из них – Герингсдорф (Heringsdorf), где когда-то провел лето сам М. Горький. Кое-кто из наших долго потешался по поводу этого названия: дескать, ну и ну, окрестили в честь Геринга, да так и не переименовали. Пришлось объяснить товарищам, что название этой бывшей рыбацкой деревушки связано отнюдь не с Германом Герингом (Göring), а со словом «сельдь» (Hering).

Лейпциг

Лейпциг произвел на меня совершенно особое (я бы даже сказал – завораживающее) впечатление. А ведь внешними достоинствами он вовсе не блистал, и в городском центре выделялась своим видом разве что новенькая высотная башня Лейпцигского университета, носившего тогда имя Карла Маркса. Того самого университета, куда три года спустя поступит юная марксистка Ангела Каснер, известная ныне под фамилией Меркель. Я подозреваю, что мои загадочные ощущения от Лейпцига коренились в так называемой генной памяти: гораздо позже мне стало известно, что его уроженкой была моя прапрапрабабушка Христина Распе – жена Иоганна Дизендорфа, родоначальника носителей нашей фамилии в Поволжье.

Полвека назад Лейпциг был известен главным образом своей международной весенней и осенней «ярмаркой образцов» (Mustermesse). Во время нашего пребывания там близилась очередная осенняя ярмарка, и об этом событии в городе напоминало буквально всё.

Из достопримечательностей Лейпцига мне особенно запомнился Дворец правосудия, где в конце 1933 г. судили за подрывную деятельность, включая знаменитый поджог Рейхстага, группу видных коммунистов во главе с Г. Димитровым. Экскурсовод долго живописал нам гневные обличительные речи Димитрова на этом процессе, увенчавшемся для него в итоге оправдательным приговором, а я пытался представить себе нечто аналогичное в практике советской юстиции, и тут моя фантазия, увы, пасовала. Конечно, ко времени этого суда нацисты не находились у власти еще и года, но где примеры громких процессов с подобным ходом и исходом в любой период существования СССР? Признаться, после этой экскурсии в меня впервые закралось подозрение, что мы не знаем об истории Третьего Рейха каких-то очень существенных вещей.

Другая впечатляющая местная реликвия – громадный монумент в ознаменование «Битвы народов» в 1813 г., когда союзные армии, включая русскую и прусскую, нанесли решающее поражение Наполеону. Лейпцигский экскурсовод акцентировал наше внимание на тогдашнем братстве по оружию немцев и русских, а нам еще было невдомек, что подобных страниц в истории двух народов было никак не меньше, чем жестоких войн друг против друга, столь памятных людям XX века.

Среди других памятных мест Лейпцига мне лучше всего запомнились старинная церковь Св. Фомы (Thomaskirche), где когда-то служил и ныне погребен И.-С. Бах, «погребок Ауэрбаха» (Auerbachskeller), описанный в гётевском «Фаусте», и известный местный зоопарк. В Томаскирхе мы оказались в самый подходящий момент – там репетировал в это время какой-то известный американский органист, и я впервые насладился звуками органа, известными мне до сих пор только по воспоминаниям моих

близких. «Погребок Ауэрбаха» не произвел на меня столь яркого впечатления – я знал тогда «Фауста» только урывками, да и то в русских переводах. Гораздо позже я убедился, что даже классический перевод Б. Пастернака далеко не передаёт всего духа этого выдающегося произведения. Впрочем, можно ли представить, например, перевод «Евгения Онегина», сопоставимый с пушкинским оригиналом?.. Большим любителем зоопарков я не был даже в детстве, но из лейпцигского меня едва удалось вытащить: там я впервые увидел большую экспозицию подводного царства. Аквариумизмом я увекался еще в школьные годы, а сегодня и подавно убежден, что в природе мало что может сравниться по красоте с подводным миром.

Во время моих одиночных блужданий по Лейпцигу я неожиданно набрел на дом, где родился тогдашний лидер ГДР В. Ульбрихт. Об этом возвещала мемориальная доска – гораздо более скромная, чем виденные мной московские, тем паче посвященные партийно-государственной элите. Ульбрихт был сыном квалифицированного портного, и, судя по лейпцигскому дому, этой категории ремесленников жилось в Германии конца XIX века совсем не плохо. Потому решимость юного Ульбрихта встать на путь бескомпромиссной борьбы за свержение тогдашнего общественного строя выглядит, по меньшей мере, нелогично. Некоторый свет на эту загадку, возможно, проливает любопытный факт: когда Вальтеру было 6 лет, в том же доме поселился 21-летний студент Г. Штреземан, в будущем – один из вождей Веймарской республики и злейший политический враг Ульбрихта. Уж не потому ли Вальтер решил отомстить буржуям, что буржуйский отпрыск Густав чем-то обидел его в детстве?..

Эрфурт – Веймар – Бухенвальд

Эрфурт остался в моей памяти как самый зеленый и уютный город из тех, где мы жили в ГДР. Сегодня это центр Федеральной земли Тюрингия, но представить себе Эрфурт в «столичном» качестве я, признаться, не могу. Из местных достопримечательностей мне особенно запомнилась Internationale Gartenbauausstellung (IGA) – Международная выставка садоводства, считавшаяся в то время крупнейшей в ГДР и чуть ли не во всем соцлагере. Я долго бродил по этой чудесной выставке и накупил там пакетиков с семенами всяких экзотичных цветов. Увы, эта европейская экзотика в Сибири не прижилась. Мои новосибирские родичи, которым я привез семена из Эрфурта, сетовали потом, что ни одни из них не взошли.

Веймар запомнился мне таким же тихим уютным городком, но в его строгом и, вместе с тем, изящном историческом центре еще ощущалась столичная атмосфера давно минувших времен. Постояв у знаменитого памятника Гёте и Шиллеру, запечатленного даже в нашем школьном учебнике немецкого языка, мы отправились в дом-музей Гёте. Примерно в те же годы я побывал и в последней квартире Пушкина на Мойке, но о жизни и деятельности Гёте знал тогда гораздо меньше. После продолжительной экскурсии по двухэтажному веймарскому дому кое-что стало проясняться. Однако занимавший меня вопрос о том, почему Гёте в свои последние годы уделял так много внимания и сил «учению о цвете», так и остался мне неясен.

Сегодня я, кажется, приблизился к пониманию и этой важной страницы в биографии Гёте. Насколько я могу судить об оптике, эти изыскания великого писателя имели весьма отдаленное отношение к науке, по крайней мере – в ее нынешнем смысле. Но Гёте и не претендовал на роль ученого-физика – он был страстно увлечен различными ветвями естествознания и не без основания считал, что раскрытие его тайн зависит не только от усилий соответствующих профессионалов. К тому же гениальный ум редко бывает «однонаправленным»: он обычно стремится охватить многие сферы, зачастую – весьма далекие друг от друга. У Гёте, прожившего долгую жизнь, было достаточно времени, чтобы проявить это качество в полной мере. Проживи подольше Пушкин, он бы,

по-моему, был знаменит сегодня как историк России ничуть не меньше своего близкого знакомца Карамзина.

Название «Бухенвальд» было известно у нас в то время практически всем, советскую песню «Бухенвальдский набат» пели даже школьные хоры. Бухенвальд был не самым крупным и не самым страшным «лагерем смерти» нацистской Германии, но о нем говорили и писали особенно много – здесь долго содержался и, в конце концов, погиб вождь немецких коммунистов Э. Тельман, незадолго до освобождения лагеря его узники подняли знаменитое восстание.

Мы отправились в Бухенвальд из Веймара пешком, и по дороге нас настиг ливень. У цели я оказался промокшим до нитки – мой плащик «болонья», модный в ту пору, пропускал воду как решето. По прибытии на территорию Бухенвальда нас отвели в кинозал и показали фильм об истории лагеря. Я тупо смотрел на экран, и меня била дрожь – не только от принятой «дождевой ванны». Увиденное было настолько чудовищно, что с трудом умещалось в сознании. Немногое прояснилось для меня и в ходе нашей последующей экскурсии по лагерной территории: тогдашний Бухенвальдский мемориал был мало похож на действующий лагерь. Еще и потому, что, как известно сегодня, Бухенвальд использовался в качестве концлагеря не только нацистами, но и несколько лет после их разгрома, на сей раз – советской оккупационной администрацией.

Некоторым ключом к пониманию всей этой страшной истории стала для меня, пожалуй, сакраментальная надпись, выкованная на воротах Бухенвальда: „Jedem das Seine“ («Каждому свое»). Я видел ее на фотографиях и раньше, но только здесь призадумался над ее подлинным смыслом. Это древнее изречение известно со времен Платона и Цицерона, и изначально оно отражало тогдашнее представление о справедливости – как в правовом, так и в этическом понимании. В XX веке человечество стало ассоциировать понятие справедливости с концлагерями – можно ли придумать что-то более чудовищное? При этом подобные заведения существовали отнюдь не только в нацистской Германии, но и во многих других странах – начиная с концлагерей, созданных англичанами в Южной Африке. Весь мир как большой концлагерь – вот что такое идея Бухенвальда, если довести ее до логического конца.

Дрезден – Мейсен – Саксонская Швейцария

Дрезден традиционно считался одним из красивейших городов Германии, его было принято называть «Флоренцией на Эльбе». Но мне он запомнился не своими красотами, а тем, что дрезденцы и через четверть века после войны не могли забыть о ней ни на миг. К 1970 г. я уже знал, что в начале 45-го Дрезден был практически сметен с лица земли англо-американской авиацией. Вскоре прочел и потрясающий роман К. Воннегута об этой варварской акции – «Бойня номер пять, или крестовый поход детей». Но это было все-таки описание трагедии Дрездена глазами американского солдата, оказавшегося там в плену, а не самих жителей города. Они же, как я убедился, и через 25 лет не могли говорить о ней без дрожи в голосе.

Символом этой трагедии были в 1970 г. развалины церкви Богородицы (Frauenkirche) в самом центре Дрездена, на фоне которых одиноко возвышался реставрированный памятник М. Лютеру. Я слышал от некоторых дрезденцев, что они не позволят убрать руины Фрауэнкирхе – в то время это было для них равносильно уничтожению памяти о войне. Однако прошло еще четверть века, Германия стала единой, и церковь восстановили – вроде бы по инициативе самих жителей Дрездена. Видимо, через полвека после трагедии 45-го ее немногие еще уцелевшие жертвы больше не имели ни сил, ни возможностей возвысить свой голос за то, чтобы она не была забыта.

Самой заметной достопримечательностью Дрездена была в 1970 г., конечно же, знаменитая картинная галерея, вновь размещенная в восстановленном дворце Цвингер. Я узнал об этой галерее еще в детстве, когда отец подарил мне диафильм о спасении ее

сокровищ во время войны и возвращении их в ГДР 10 лет спустя. Должен сказать, что дрезденцы говорили об этих советских акциях с искренней признательностью, а не по казенной привычке благодарить за всё на свете «старшего брата». Мы бродили по Дрезденской галерее с полдня и смогли внимательно рассмотреть всю ее экспозицию. Благо, нас снабдили «радиоэкскурсоводом» – портативным магнитофоном с необходимыми пояснениями на разных языках, включая и русский. Особенно долго я простоял перед «Сикстинской мадонной» Рафаэля – любимой картиной моей матери.

Еще одним памятным местом в Дрездене стал для меня, как ни странно, здешний стадион. Заканчивалось наше пребывание в городе и вообще в ГДР: вечером нам предстоял отъезд в Берлин, а там почти сразу же – посадка на поезд до Москвы. По уже упомянутой причине я находился в весьма муторном состоянии и испытывал сильную потребность как-то развеяться. Способ напрашивался сам собой: в этот день в Дрездене встречались в матче на первенство ГДР лучшие футбольные команды страны – местное «Динамо» и «Карл Цейсс» (Йена). К тому времени я уже 10 лет не упускал возможности сходить на интересный футбол – сначала в родном Киселевске, а потом и в Новосибирске, но игру такого уровня еще не видел.

Футбольное зрелище необыкновенно впечатлило меня – в первую очередь несходством с тем, что мне доводилось наблюдать на футболе до сих пор. Над одной из трибун дрезденского стадиона возвышался тогда застекленный павильон, из которого можно было со всеми удобствами наблюдать игру, причем совершенно бесплатно. В перерыве между таймами, как и на наших стадионах, ворота открылись для всех желающих, и я спустился на переполненную трибуну. На стадионе стоял невероятный шум – многие зрители пришли с транзисторами, по которым передавалась прямая трансляция игры. Произвел впечатление и сам матч, типичный для футбола ГДР тех лет, – команды играли на редкость страстно и самоотверженно, не щадя ни соперника, ни себя. Финал этого зрелища мы наблюдали, приехав вечером на вокзал. Болельщики из Йены отправлялись домой стройными рядами, развернув свои флаги и горланя футбольные гимны. В советских условиях я никогда не видел ничего подобного.

Большое впечатление произвела на меня и поездка на Мейсенский фарфоровый завод, старейший во всей Европе. Всю экскурсию по местному музею фарфора переводил я. Это потребовало от меня немалых усилий – экскурсовод так и сыпал незнакомыми мне техническими терминами, но его рассказ был необычайно интересен. Мне особенно запомнились сюжеты, связанные с обжигом и декорированием (окраской) фарфоровой посуды. Оказалось, что ее окрашивают обычно после первого обжига, поскольку его испепеляющий жар выдерживает только синяя краска.

Последнее воскресенье в ГДР мы посвятили поездке из Дрездена в Саксонскую Швейцарию. Не знаю, как насчет Швейцарии – там я не бывал, но песчаниковые горы, тянущиеся вдоль Эльбы, оказались чрезвычайно живописными. А карабкаться по ним было и интересно, и не очень трудно. Я вообще-то не любитель лазать по горам, но тут старался не отставать от нашего неутомимого гида Петера Ландрока, который, как обычно, покрикивал: „Quick, quick!“

4. СУДЬБА ГДР В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Последние 20 лет: исходная точка

Наша поездка в ГДР пришлась на самую середину ее 40-летней истории. Видимо, это и был кульминационный пункт развития страны. После увиденного и услышанного там мне и в голову не могло прийти, что далее «колесо истории» этого государства покатится под откос – сначала медленно, едва заметно, а затем все быстрей, пока через 20 лет не остановится навсегда.

В 1970 г. ГДР выглядела молодым, динамично развивающимся и вполне жизнеспособным государством. И так казалось тогда не только заезжим туристам наподобие меня, но и основной массе самих его жителей. Эти люди, как я не раз убеждался, считали ГДР своей страной, а не чем-то насажденным извне, хотя к здешним порядкам относились зачастую весьма и весьма критически. Я допускаю, что не все мои собеседники в ГДР были вполне откровенны со мной, тем более – при обсуждении столь острой тематики. Однако в искренности большинства из них ничуть не сомневаюсь – да и чего им было опасаться в разговорах с простым советским юнцом?

Боюсь, что эти строки, как и прочие мои описания нашей поездки, покоробят или даже оскорбят людей, в представлении которых жизнь ГДР, СССР и других стран «реального социализма» была окрашена сплошной черной краской. Если так, то я искренне сожалею, но помочь ничем не могу: давно привык смотреть на окружающий мир собственными глазами, а не сквозь призму каких-либо идеологических штампов, пусть трижды «либеральных» и «демократичных».

Взять хотя бы саму нашу поездку. Легко ли представить сегодня, после нескольких десятилетий массированной антикоммунистической «индоктринации», что 45 лет назад обычные советские студенты и аспиранты могли целых три недели вполне свободно разъезжать по зарубежной стране? Правда, эту поездку организовал Новосибирский университет – далеко не обычный, даже элитный советский вуз. Однако для поступления туда не нужно было ни денег, ни связей – только способности и знания. Как говорится, почувствуйте разницу с порядками при поступлении в наиболее престижные вузы «демократической» постсоветской России.

Особенно важным представляется мне то обстоятельство, что порядки приема в НГУ, как и формирования его зарубежных студенческих делегаций, не имели никакого отношения к пресловутому «пятому пункту». Скажем, ко мне, немцу, относились при этом точно так же, как к моим товарищам других национальностей. А ведь в те годы такое полное национальное равенство не на бумаге, а на деле существовало у нас отнюдь не повсеместно, и нам ли, российским немцам, было этого не знать?

При этом мои впечатления от ГДР были весьма противоречивы. Я откровенно наслаждался пребыванием в сугубо немецкоязычной среде, где царили немецкие обычаи и традиции, известные мне по собственному опыту или хотя бы по рассказам близких. Однако коммунистические порядки, тем более в характерной для ГДР жесткой форме, мне импонировать никоим образом не могли – не так я был воспитан в своей семье. А то, что идеологическая и политическая надстройка ГДР отличается особой жесткостью, нам стало ясно уже вскоре после прибытия туда.

Так, мне кто-то рассказал о «педагогической» находке в восточно-берлинской школе: там детям младших классов задали нарисовать часы, которые они видели по телевизору. Наивные детишки, по утверждению рассказчика, выполнили задание, ничего не заподозрив, тогда как оно было ловушкой: в телепрограммах из двух частей Берлина показывали разные по форме часы, так что по этим детским рисункам можно было сразу же узнать, в каких семьях регулярно смотрят западноберлинское телевидение. Правдива эта история или нет, но она отражает реалии тогдашнего идеологического противостояния Востока и Запада, особенно острого в условиях разделённой Германии. Другой пример из той же области: наш гид Петер Ландрок говорил мне, что перед студентами ГДР широко открыты двери в правящую партию. В советских вузах царили тогда совсем другие порядки, и причина этого различия была вполне очевидна: в ГДР, непосредственно граничившей с ФРГ, идейной обработке молодежи придавалось гораздо большее значение. Помню и то, что в студенческих общежитиях, где нам доводилось жить, мы не раз находили толстый вузовский учебник «Политическая экономия социализма и ее применение в ГДР». Вскоре его перевели и на русский язык, хотя я совершенно не представляю, кому мог понадобиться этот «промывщик мозгов» в СССР – он был еще более топорным и заскорузлым, чем соответствующие советские учебники.

Идеологическая и политическая жесткость – понятия относительные (о чем столь охотно забывают нынешние «либералы» и «демократы»): здесь необходимо учитывать, как воспринимает эту систему само население. Многим тогдашним жителям ГДР, как я вскоре убедился, коммунистические порядки их страны уже казались безнадежным анахронизмом, а некоторые над ними откровенно потешались. Типичный пример – россказни о «двух германских нациях, социалистической и капиталистической», один из основных догматов тамошней идеологии и пропаганды. Люди жаждали не размежевания, а, напротив, более тесного общения со своими западными соплеменниками, большей открытости своего общества. Не раз слышал я и сетования на то, что наших солдат, служивших в ГДР, держат взаперти в наглухо изолированных военных городках, практически пресекая всякое общение с ними.

Однако главным пропагандистским штампом в ГДР был, бесспорно, лозунг: «Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать!» Не знаю, было ли в ходу это изречение где-то еще, но соседнюю с ГДР Польшу мы по ходу нашей поездки дважды пересекли насквозь и ничего подобного не заметили. Как относились к этому лозунгу в ГДР, сказать не берусь – мне было неловко расспрашивать на сей счет своих тамошних собеседников. Но сам я считал уже тогда, что назойливо повторяемый клич такого рода может вызвать у нормальных людей только раздражение, если не что-нибудь похуже.

Увиденное и услышанное в ГДР мы сравнивали в первую очередь, конечно, с советскими реалиями. В ГДР сразу же создавалось впечатление, что уровень жизни здесь выше нашего. Мы не могли оценить, насколько это явление связано с советской помощью соцстранам, о которой тогда много говорили, но о собственных достижениях ГДР в разных областях техники и производства (химия, машино- и приборостроение, точная механика, оптика и т.д.) были наслышаны. Ассортимент продаваемых товаров был в ГДР значительно шире нашего и включал даже такие экзотичные для нас продукты, как вышеупомянутая «кола» или жевательная резинка. Относительным товарным изобилием многие из нас не замедлили воспользоваться, и в конце концов это сделал даже я, никогда не покупавший себе одежду или обувь сам. Приобрел на свои скудные марки свитерок и демисезонные ботинки – то и другое прослужило мне долгие годы.

Правда, жизнь в ГДР выглядела лучше советской отнюдь не во всем. К примеру, далеко не впечатляли местные автомобили – «Вартбург» и, тем более, малолитражка «Трабант» («Спутник»). Последний был назван в честь советского спутника, однако своим видом напоминал, скорее, не о 2-й, а о 1-й половине XX века. Выпуск итальянско-советских «Жигулей» в 1970 г. еще только начинался, но и с нашими тогдашними «Волгами» эти автомобили сравнения не выдерживали. Тем более они не были в состоянии конкурировать с западногерманскими моделями, и в 1991 г., вскоре после объединения Германии, автомобильная промышленность бывшей ГДР прекратила свое существование.

Негативное впечатление произвела на нас и экологическая обстановка в ГДР, особенно загрязненность воздуха в городах. Нечто подобное я наблюдал до этого только в Кемерово с его «благоухающими» химическими заводами. В ГДР эти проблемы ощущались особенно остро из-за высокой концентрации промышленности, в т.ч. химической, на очень небольшой территории страны.

Вспоминается и такой курьезный эпизод. Я однажды заказал в ГДР клубничное мороженое, ожидая получить нечто подобное тем вкуснейшим мороженым, которыми любил лакомиться в Торговом центре новосибирского Академгородка. Однако в итоге мне принесли обычное сливочное мороженое, обложенное вафлями, но с клубничкой наверху.

С другой стороны, по общению с немцами, особенно молодыми, создавалось впечатление о достаточно высоком уровне образования в ГДР. А уровень культуры, включая бытовую, здесь и вовсе бросался в глаза с первого взгляда. И при этом

идеологическая и политическая система ГДР, о которой я уже рассказывал, была ничуть не лучше советской. Да и то сказать – ведь копия, как правило, всегда хуже оригинала.

Исходя из изложенного, вектор дальнейшего успешного развития ГДР вырисовывался вполне отчетливо. Стране нужно было методично избавляться от явно обветшавших идеологических и политических догм, сделать акцент на дальнейшем развитии своих сильных сторон – образования, естественных и технических наук, наукоемких отраслей производства. Увы, власти ГДР фактически развернули страну в диаметрально противоположном направлении, и уже это предопределило ее будущий крах.

Вальтер Ульбрихт

Единственным из руководителей ГДР, достаточно известным в то время у нас, был Вальтер Ульбрихт. Благо, тогдашние лидеры двух стран регулярно наносили визиты друг другу. Знали Ульбрихта и в нашей семье, однако относились к нему прохладно: он был хотя и немцем, но закоренелым коммунистом-коминтерновцем, и даже его внешность напоминала о Ленине. А к германским посланцам Коминтерна, как я уже упоминал, мои родители испытывали аллергию еще с 20-х годов. Несколько лучше у нас воспринималась супруга Ульбрихта Лотта, по-немецки прибранная и аккуратно одетая.

За 20 с лишним лет своего пребывания у власти Ульбрихту пришлось иметь дело с очень разными советскими вождями. Между ним и Сталиным (собственно, и поставившим его во главе ГДР) сложились типичные отношения ученика и Учителя. Сегодня известны записи ряда бесед Сталина с лидерами вновь созданной ГДР, и все эти встречи проходили по одному и тому же сценарию. Ульбрихт с коллегами просили советов у Вождя народов по наиболее заковыристым проблемам развития страны, а Сталин терпеливо объяснял им, что к чему, и при этом обычно предостерегал ретивых учеников от излишней, по его мнению, большевистской горячности.

О взаимоотношениях Ульбрихта и Хрущёва мне рассказали в ГДР такой поучительный анекдот. Встретились Кеннеди, Хрущёв и Ульбрихт у волшебного озера: зайдешь в него – и вода поднимется в точной зависимости от того, как часто ты врешь. Вот и решили три лидера выяснить, кто из них больше лжет своему народу. Ступил в воду Кеннеди – она оказалась ему по грудь. Зашел Ульбрихт – только макушка виднеется. Забрался в воду Хрущёв, а она едва покрыла его колени. Кеннеди страшно удивился, а Хрущёв хохочет: «Ха-ха-ха, он и не заметил, что я стою на плечах Вальтера Ульбрихта!»

Записей бесед Ульбрихта с Хрущёвым я не читал, но полагаю, что они протекали достаточно гладко. У этих лидеров было много общего: почти ровесники, оба из поколения революционных романтиков, а затем большевистско-сталинских доктринеров. Правда, проблемы, которые им приходилось обсуждать, были гораздо сложнее и острее прежних – антикоммунистическое восстание в ГДР летом 53-го, возведение «Берлинской стены» 8 лет спустя. Видимо, Хрущёву импонировала предельно жесткая позиция своего визави в обоих этих случаях – иначе он не удостоил бы Ульбрихта звания Героя Советского Союза к его 70-летию.

Престиж Ульбрихта в СССР от этого, естественно, не возрос: наш народ очень болезненно реагировал на раздачу боевых звезд Героев к юбилейным датам, тем паче – если речь шла о зарубежных деятелях. А меня эта скандальная история впервые побудила присмотреться к Ульбрихту повнимательней. По случаю его юбилейных торжеств в нашей печати появились снимки Ульбрихта в окопах Сталинграда, где он по рупору призывал немецких солдат к капитуляции. Обращался он к ним, помнится, как депутат Рейхстага (каковым действительно был до прихода Гитлера к власти), а не как коммунистический лидер. Впрочем, реального смысла этот камуфляж не имел – в стане противника наверняка еще не забыли о руководящей коммунистической деятельности агитатора.

Общение Ульбрихта с Брежневым я себе представляю с трудом – уж слишком разными людьми они были. Один – глубоко идейным коммунистом старой закваски, другой – типичным питомцем сталинской «кадровой школы», индифферентным к высоким идеям, но зато обладавшим завидной политической изворотливостью и выживаемостью. Тем не менее, в 68-м, по случаю подавления «Пражской весны», они без труда нашли общий язык. Брежнев не хуже Ульбрихта знал, что любой отход от «генеральной линии» нужно душить, не гнушаясь никакими средствами.

Правда, Ульбрихт умел не только душить, держать и не пущать. За два десятилетия его правления ГДР восстала из послевоенных руин и превратилась в достаточно развитое государство, по сути дела – во флагман технического прогресса всего соцлагеря. Насколько этому способствовал лично Ульбрихт, судить не берусь. Однако важнейшие решения в области социально-экономического развития, как и во всех прочих сферах государственной деятельности, в любом случае должен был если не принимать, то хотя бы санкционировать он сам.

К 1970 г. жители ГДР уже настолько свыклись с правлением Ульбрихта, что особых эмоций по поводу его персоны больше не испытывали. По стране ходило немало анекдотов о Старике, как его привыкли называть, но они были не столько злобными, как многие аналогичные творения в СССР, сколько насмешливыми и ироничными. Вот типичный образчик этой «баснописи», услышанный мной в ГДР. У Берлинского радио спрашивают: «Может ли президент Египта приехать в ГДР?» Берлинское радио отвечает: «Может, но лучше не надо. Ведь тогда толпы встречающих будут скандировать <Nasser – Ulbricht!> и <Gamel – Walter!>». Поясню, что в этой байке, основанной на непереводимой игре слов, первая фраза воспринимается на слух как «мокрый Ульбрихт», а вторая – как «верблюд Вальтер».

Отношения между Ульбрихтом и населением ГДР наглядно проявлялись при его нередких «хождениях в народ». В ходе нашей поездки мы однажды побывали в кино, где демонстрировался американский боевик «Золото Маккены» (вскоре он появился и на советских экранах), а перед ним – киножурнал, ярко отразивший эти самые хождения. Там Ульбрихт был показан среди толпы рабочих, которые чуть ли не хлопали его по плечу и обращались к нему вполне по-свойски: «Ты, Вальтер», а он что-то отвечал им на своем сильнейшем саксонском диалекте. Я остолбенел: это был ритуал каких-то незапамятных раннекоммунистических времен, никак не вписывавшийся в реалии зрелого брежневизма. Впрочем, Ульбрихту стукнуло уже 77, и было ясно, что наблюдать подобные ритуалы жителям ГДР осталось недолго.

Так оно и произошло: в мае 71-го Ульбрихту пришлось уступить кресло партийного лидера Эриху Хонеккеру. Второй руководящий пост – председателя Госсовета ГДР – за Стариком сохранили, но реальной роли в руководстве страной он больше не играл. Вальтер Ульбрихт, которому перевалило за 80, ушел из жизни летом 73-го, и произошло это в самый неподходящий момент – ГДР была охвачена бурными торжествами по случаю очередного Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Посему похороны Старика пришлось отодвинуть до завершения фестиваля. На церемонии прощания Лотта Ульбрихт сидела рядом с Хонеккером, но она уже выглядела реликтом давно минувшей эпохи.

Эрих Хонеккер

К Хонеккеру у нас дома относились значительно теплее, чем к Ульбрихту. Правда, это было отношение не к политической личности, а к ее внешнему облику: Хонеккер напоминал матери моего отца и действительно слегка походил на него. Хонеккера я представляю себе не так отчетливо, как Ульбрихта: он был намного менее колоритен, да и ГДР периода его правления мне довелось наблюдать только со стороны.

Насколько я могу судить, у Хонеккера было столь же много общего с Брежневым, как у Ульбрихта – с Хрущевым. После ухода двух последних деятелей коммунистические идеи в наших странах стали стремительно выхолащиваться и все больше подменяться ритуальными заклинаниями, динамичное развитие общества сменилось фактическим топтанием на месте, а подчеркнутая простота носителей высшей власти уступила место вызывающему сибаритству. Короче говоря, наступил пресловутый «застойный период», характерный для хонеккеровской ГДР ничуть не меньше, чем для брежневского СССР.

Правление Хонеккера отличалось от предыдущего еще и тем, что он гораздо хуже знал страну, руководство которой забрал в свои руки. В отличие от саксонца Ульбрихта, Хонеккер был выходцем из отдаленного Саара, мало напоминавшего территорию ГДР, где Эрих обосновался практически только в 1945 г. И тут же оказался на руководящих постах – сначала коммунистическо-молодежных, затем партийных. У человека с такой биографией и карьерой мог сложиться только «кабинетный» стиль руководства, который, похоже, и сыграл роковую роль – и в судьбе ГДР, и в участи ее многолетнего лидера. Кроме того, Хонеккера отличали очень скромный уровень образования (как и у Ульбрихта), беспрекословное послушание первому лицу (иначе Ульбрихт и не стал бы держать его столько лет рядом с собой), готовность выполнить любое его руководящее указание. Последнее качество особенно ярко проявилось летом 61-го: именно Хонеккер непосредственно руководил возведением «Берлинской стены».

И вот человек с таким букетом личных качеств стал первым лицом одного из самых заметных государств Центральной Европы. Понимал ли он громадную ответственность, свалившуюся на него, сознавал ли, что дальнейшая судьба ГДР будет определяться тем, удастся ли избавить страну от многочисленных идеологических и политических пут, создать необходимые условия для ее ускоренного научно-технического развития? Судя по всей политике Хонеккера – безусловно, нет.

Правда, начало его правления выдалось достаточно удачным: в сентябре 71-го было заключено соглашение по Западному Берлину, в значительной мере нормализовавшее ситуацию вокруг этого важного городского анклава, расположенного в самом центре ГДР. Однако власти двух германских государств к этому событию отношения не имели: соглашение подписали не они, а представители бывших держав-победительниц – СССР, США, Великобритании и Франции. Так на что же были направлены основные усилия самого лидера ГДР? Дабы в этом разобраться, имеет смысл обратиться к событиям 10-летней давности.

В 1961 г. была принята новая Программа КПСС, вошедшая в историю как «программа строительства коммунизма». Гораздо менее известно, что этот документ, послуживший основополагающим ориентиром не только для СССР, но и для большинства других соцстран, ставил «задачу всемирно-исторического значения» – обеспечить «**самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма**» (выделено в оригинале – *В.Д.*). Выражаясь более современным языком, на первый план выдвигалось не что иное, как создание, вслед за странами Запада, пресловутого «общества потребления». Сам инициатор новой Программы КПСС Хрущев вовсе не предлагал поставить потребление во главу угла развития советского общества. Однако на деле именно так и произошло, и «теоретические» новшества Программы КПСС сыграли при этом не последнюю роль.

В брежневском СССР события развивались следующим образом. Идеологические новации постхрущевского руководства практически свелись к постепенной подмене «строительства коммунизма» «совершенствованием социализма» и «созданием развитого социалистического общества» – в остальном обветшалые коммунистические догмы остались в целости и сохранности. Не менее анахроничная политическая система подверглась лишь чисто косметической переделке. Давно назревшая и торжественно провозглашенная экономическая реформа была вскоре спущена на тормозах. Зато

получили значительное развитие различные формы потребления населения – особенно с 70-х годов, когда в казну хлынули не виданные ранее доходы от нефти и газа

В хонеккеровской ГДР, как и подобало «младшему брату», происходило почти то же самое. Не считая, правда, нефти и газа, роль которых здесь в какой-то мере сыграли быстро возраставшие западногерманские кредиты и займы. Появился и столь экзотичный источник доходов, как «торговля людьми»: правители ГДР стали разрешать некоторой части своих граждан выезд в ФРГ – при условии соответствующей мзды с той стороны. Особенностью ГДР было и то, что здесь потребительский лозунг «хлеба и зрелищ» нашел воплощение в гипертрофированном развитии спорта, главным образом – фактически профессионального «спорта высших достижений». Помнится, моей матери кто-то объяснил оглушительные успехи спортсменов ГДР тем, что их усиленно кормят шоколадом. В действительности этот «шоколад» имел явственный фармацевтический (или, если угодно, наркотический) привкус.

«Застой» принес жителям ГДР, как и СССР, рекордный уровень жизни. Однако для развития общества это был тупиковый путь, закономерно увенчавшийся крахом. В этих условиях на глазах разлагался правящий класс. Окончательно плюнув на коммунистические идеи, он стал заботиться главным образом о личном обогащении, а затем и о юридическом присвоении всех тех богатств, которыми традиционно распоряжался. Таким образом, родоначальниками идей «прихватизации» следовало бы считать не гайдаров и чубайсов, а брежневых и хонеккеров.

Оба последних просидели в высших руководящих креслах по 18 лет и сидели бы еще, не вмешайся в дело неумолимая смерть: в одном случае физическая, в другом – политическая. Пышно отпраздновав 40-летний юбилей ГДР, последний в ее истории, Хонеккер уже через 11 дней был отправлен в отставку. Как и в случае с Ульбрихтом, на смену был призван бывший комсомольско-молодежный босс, на сей раз – Эгон Кренц. Тот самый, который когда-то организовал «отпевание» Ульбрихта грандиозными торжествами по случаю всемирной молодежно-студенческой тусовки. Увы, преемник был еще более бесцветен и политически неуклюж, чем сам Хонеккер, вскоре пала «Берлинская стена», и на этом, собственно, все было кончено.

Затем в отношении Хонеккера, уже тяжело больного, возбудили судебное преследование – сначала в ГДР, а после ее исчезновения и в объединенной Германии. Хоннекер решил поискать защиты в Москве, однако там уже было не до него, поскольку распадался сам СССР. В итоге ему пришлось просить убежища в чилийском посольстве, на юго-восточной окраине Москвы. Кстати, через десяток лет, когда я жил с женой в том же районе, мы не раз прогуливались мимо этого последнего московского пристанища Хонеккера.

Тем временем демократическое руководство новой Германии потребовало выдачи Хонеккера, и, поскольку в России уже находились у власти такие же «демократы», этот иск возымел действие. Чуть живого старика доставили в Берлин, где попытались повторить юридический трюк, испытанный в свое время на Нюрнбергском трибунале: организовать уголовный процесс по законам, не применявшимся на месте совершения предполагаемого преступления в соответствующий период. Однако теперь в Германии было кому публично усомниться в законности подобной акции, и преследование прекратили. После этого Хонеккер отправился в Чили, где жила его дочь, вышедшая замуж за чилийца, и скончался там в 1994 г.

Последние 20 лет: середина

Мое последующее повествование о судьбе ГДР должно бы по формальным критериям находиться в разделе «ГДР издали» – мне ведь после 1970 г. там больше бывать не доводилось. Однако и 10, и 20 лет спустя я все еще судил об этом государстве

на основе собственных впечатлений о нем, а потому хочу изложить соответствующий материал именно в данном месте своих записок.

Вскоре после поездки в ГДР германская проблематика практически исчезла из поля моего зрения – у меня возникли совсем другие заботы. В попытках обрести свое место в жизни я сменил математический факультет Новосибирского университета на экономический факультет университета Ленинградского. Однако в середине 70-х годов подошла пора выбирать тему моей дипломной работы в ЛГУ, и я снова обратил свои взоры на Германию – правда, на сей раз на ФРГ. Что меня там заинтересовало, я расскажу ниже, а пока отмечу, что вновь обратил внимание на ситуацию в ГДР лишь в конце 1980 г.

К тому времени бурные события потрясли Польшу: по стране прокатились массовые забастовки, увенчавшиеся созданием независимого профсоюза «Солидарность», и я с головой окунулся в польские дела, даже научился по этому случаю читать по-польски. Вскоре мне стало очевидно, что эти события по своей значимости выходят далеко за пределы самой Польши. Если уж против «власти рабочего класса», на которую неизменно претендовали правители всех соцстран, поднялся сам рабочий класс, то трудно было не прийти к выводу, что социалистическая система трещит по швам. Брежнев, возглавлявший в то время СССР, уже правил, «не приходя в сознание», а потому от советских властей не приходилось ждать сколько-нибудь здравой оценки польских событий. Тогда я решил выяснить, как настроены по этому поводу власть имущие западного соседа Польши – ГДР, где правил Хонеккер, более молодой, чем Брежнев, и на вид еще вполне дееспособный. Я стал регулярно покупать «Нойес Дойчланд» и тщательно анализировать ее соответствующие публикации.

То, что я там читал, меня просто потрясало. В партийной печати ГДР был в ходу еще более разнузданный тон в отношении польских событий, чем у нас, и создавалось явное впечатление, что там еще меньше в состоянии разобраться в них. Вот тогда ГДР, пожалуй, и прошла «точку невозврата». Далеко не факт, что ей удалось бы выжить в условиях распада СССР даже под руководством очень толкового и динамичного лидера, но при Хонеккере с компанией она была обречена в любом варианте.

Последние 20 лет: конец

Придя к этим обескураживающим выводам, я на время утратил интерес к ГДР. Он возник у меня вновь только к концу 80-х годов, когда становилось все ясней, что дело добром не кончится – ни в ГДР, ни в самом СССР. Поворотным событием для ГДР стало, конечно же, падение «Берлинской стены» в ноябре 1989 г. Помню, я оторопело наблюдал за этим зрелищем по телевизору, и в голове у меня крутилась строка поэта Р. Рождественского, сказанная по совсем другому поводу: «Исполняются желанья слишком поздно…» Я мечтал об этом событии и в 61-м, когда стена только сооружалась, и 9 лет спустя, когда увидел ее воочию. А теперь мне было очевидно, что падение стены в такой ситуации не может не означать скорого падения самой ГДР. Из моего повествования, думаю, уже ясно, что радоваться такой перспективе я никак не мог, хотя, конечно, был сторонником воссоединения принудительно разделенной Германии.

С Эгоном Кренцем, сменившим Хонеккера, все было ясно с самого начала. За его личной карьерой я не следил, но советские коллеги Кренца по руководству комсомолом были мне хорошо известны. К этим деятелям можно было, наверно, относиться по-разному, но считать их способными к руководству государством, по-моему, не приходило в голову даже им самим (за исключением разве что «железного Шурика» – бывшего комсомольского босса А. Шелепина). В итоге Кренц просидел на высоком посту всего 2 месяца и был заменен Грегором Гизи – фигурой совсем другого склада.

Г. Гизи, в отличие от Э. Кренца, вызвал у меня определенный интерес: бывший преуспевающий адвокат, он говорил достаточно складно, логично, убедительно и производил впечатление мыслящего человека в несколько большей мере, чем туповатый

комсомольско-молодежный босс. Однако говорить о том, что Гизи руководил государством, конечно, не приходится. Если Кренц, по аналогии с Хонеккером, еще воспринимался кое-кем как первое лицо в ГДР, то Гизи таковым не считал никто. Он был просто главой одной из политических партий – некогда всемогущей, а в его бытность уже полуразвалившейся и даже вынужденной сменить свое исконное название.

Самым влиятельным политиком в ГДР считался в это время, пожалуй, многолетний дрезденский партбосс, а затем предпоследний глава правительства страны Ханс Модров. Существует и версия, что именно Модрова, якобы, прочили в Москве в преемники Хонеккера. В это мне верится с трудом: на момент смещения последнего Модров еще не был даже членом Политбюро правящей партии. Как бы там ни было, карьера Модрова на посту главы правительства ГДР оказалась недолгой, вскоре его сменил бесцветный Лотар де Мезьер (двоюродный брат Т. де Мезьера, нынешнего министра внутренних дел Германии), который уже практически ничем не руководил, а только «сдавал дела».

3 октября 1990 г., в день объединения Германии, в Кемерово, где я тогда жил, проходило очередное собрание городского общества российских немцев «Возрождение», созданного при моем участии годом раньше. После собрания мы с несколькими друзьями по «Возрождению» отправились ко мне отметить выдающееся событие на исторической родине. Мы неплохо посидели, даже спели германский гимн (в полном, а не в нынешнем кастрированном варианте), но настроение у нас было довольно смутное. Я, например, не мог избавиться от ощущения, что отмечаю не только воссоединение Германии, но и похороны столь памятной мне ГДР. В общем, у нас получилось что-то среднее между торжественным банкетом и поминками.

5. ФРГ ИЗДАЛИ

Как я уже упоминал, ФРГ очень слабо привлекала мое детское внимание. Пока у власти там находился первый канцлер К. Аденауэр, люто ненавидимый лидерами СССР во главе с Хрущёвым, советская печать и радио, вещая об этом государстве, чаще всего ограничивались беспрерывными проклятиями по адресу его руководства. Ни детей, ни достаточно вменяемых взрослых такие сюжеты, естественно, привлечь не могли. Пропагандистская риторика несколько смягчилась в 1963 г., когда Аденауэра сменил Л. Эрхард, с которым надеялся наладить отношения Хрущёв. Однако уже через год был смещен сам советский лидер, так что эти надежды не увенчались ничем. Потому и получилось, что до 1966 г. ФРГ меня практически не интересовала. Ситуация круто изменилась, как ни странно, только благодаря футболу. И это футбольное поветрие, насколько я могу судить, коснулось далеко не одного меня,

Футбольный апофеоз

Я увлекся футболом в 9 и начал следить за крупнейшими международными соревнованиями в 11 лет, но мне известны всего несколько случаев, когда бы успехи в этой популярной игре сколько-нибудь существенно повысили престиж соответствующей страны в мире. Это Бразилия (1958-70 гг.), ФРГ (1966-76 гг.), в какой-то мере Аргентина (1978-86 гг.) – вот, собственно, и всё. Как видно, все эти примеры отдалены от наших дней на 30-60 лет, что, на мой взгляд, далеко не случайно. До середины 50-х годов мировой футбол был развит еще слишком слабо, футбольная жизнь в основном замыкалась в рамки отдельных стран, как максимум – континентов (Европа или Южная Америка). С середины 80-х в мире стало появляться все больше массовых зрелищ и разновидностей досуга, со временем возник такой мощный «пожиратель свободного времени», как Интернет, и уже поэтому внимание к футболу начало ослабевать. Параллельно нарастала коммерциализация футбола, которая выхолащивала его содержание и стимулировала

чисто деляческий подход к нему, что отвратило от любимой игры многих ее преданных поклонников.

Сборная ФРГ по футболу всегда славилась своими тренерами. Если попытаться выделить наиболее значительных из них, то болельщики этой команды, думаю, без труда назовут хотя бы троих: Зепп Гербергер, Гельмут Шён, Йоахим Лёв. Сравнить их профессиональные достоинства едва ли возможно – слишком уж разным был футбол в бытность этих людей в нем. Однако по значимости достижений я бы, безусловно, выделил среди них Г. Шёна – он один руководил сборной ФРГ в очерченный выше период, а потому никто из германских тренеров не сделал больше него не только для развития национального футбола, но и для повышения авторитета своей страны на мировой арене. Шён тренировал команду ФРГ в 1964-78 гг., и 10 из этих 14 лет (1966-76 гг.) она была одним из бесспорных лидеров мирового футбола. Своими впечатлениями об этом славном 10-летии я бы и хотел здесь поделиться.

Для начала отмечу, что привлечь внимание своими футбольными достижениями ФРГ было куда трудней, чем Бразилии или Аргентине. Известность последних в мире была традиционно небольшой и очень узкой: в первом случае – страна кофе, во втором – мясного животноводства. И как только они начали блистать в мировом футболе, их авторитет сразу же возрос на порядок. Совсем другое дело ФРГ – она была широко известна как страна послевоенного «экономического чуда» и непревзойденно надежной марки, и много ли значил на этом фоне даже популярнейший во всем мире вид спорта?

Однако Г. Шёну удалось, казалось бы, невозможное: с начала 70-х весь мир заговорил о небывалом «тотальном футболе» в исполнении его команды и сборной соседней Голландии. Правда, применительно к сборной ФРГ чаще использовался термин «футбольная машина», но он обычно исходил от ее закоренелых недоброжелателей. Да, команда Шёна находилась в постоянном движении, многим ее игрокам требовалось время для «разогрева» (потому ей редко удавалось начало матча), она удачно разыгрывала стандартные положения, но разве этими качествами характеризуется понятие «машина»? Ничего механического у питомцев Шёна не было и в помине, футбол в их исполнении носил в высшей степени творческий характер.

В пределах 10 указанных лет я имел возможность наблюдать по телевидению игру сборной ФРГ на трех важнейших турнирах – в 70-м (чемпионат мира в Мексике), 72-м (чемпионат Европы в Бельгии) и 74-м (чемпионат мира в ФРГ). Самое сильное впечатление она произвела на меня в 1972 г., хотя чемпионаты Европы по футболу, конечно, уступают по своей значимости мировым первенствам.

Особенно запомнился финальный матч того чемпионата Европы, в котором команда ФРГ обыграла сборную СССР 3:0. Собственно, такой результат не стал неожиданностью: незадолго до этого те же команды открыли своей встречей новый олимпийский стадион в Мюнхене, и тогда ФРГ победила 4:1. В европейском финале поразил не результат, а игра победителя. Советская сборная вовсе не была «мальчиком для битья», многие ее игроки блистали на поле и до, и после этого. Однако в тот незабываемый июньский день у зрителей создавалось впечатление, что они видят перед собой команды разных футбольных эпох. Сборная СССР играла в обычный тогдашний футбол, а команда ФРГ опережала то время, по меньшей мере, лет на 10-15.

Сегодня эту игру можно увидеть в Интернете, чем я и воспользовался не так давно. Должен сразу же сказать, что впечатление от нынешней записи далеко не такое, как от прямой трансляции более 4-х десятков лет назад. Канал НТВ, показавший эту игру, воспользовался ее западногерманской записью, где наличествует высокое качество изображения, но отсутствует речь тогдашнего советского комментатора. А футбольный комментарий задним числом, даже с участием одного из свидетелей давнего события (в данном случае – вратаря сборной СССР В. Пильгуя) – это, на мой вкус, примерно то же, что обсуждение достоинств или недостатков какого-то лакомства через десятилетия после его дегустации.

Как бы там ни было, эта запись все-таки дает представление о классе игры тогдашней команды Г. Шёна, в которой блистали такие великолепные мастера, как вратарь Зепп Майер, «кайзер» Франц Беккенбауэр, защитник Пауль Брайтнер, легендарный бомбардир Герд Мюллер. Однако настоящей душой той сборной ФРГ был, по-моему, неподражаемый полузащитник Гюнтер Нетцер. К величайшему сожалению, тяжелая травма уже вскоре вынудила его распрощаться и со сборной страны, и вообще с игрой в футбол, но он и по сей день известен в Германии как популярный спортивный комментатор. Я при каждом удобном случае смотрю комментарии Нетцера, а потому прекрасно знаю, что представить его в роли винтика пресловутой «футбольной машины» совершенно невозможно. Гюнтер – человек с высоким уровнем интеллекта и блестящими аналитическими дарованиями. Только благодаря таким людям и могла состояться команда Шёна с ее умной продуманной игрой.

Склонностью именно к такой игре отличается, на мой взгляд, и нынешний тренер команды Германии Й. Лёв. Более того, я бы сказал, что этот специалист ценит в футболе в первую очередь качество игры, а не ее результаты. Этим он удивительно напоминает мне выдающегося советского тренера Константина Бескова с его девизом: «Была бы игра – результат приложится». И тот, и другой выиграли не так уж много крупных турниров, но игра их команд уже вошла в легенду и будет помниться долгие годы. Как, например, забыть феерический полуфинал чемпионата мира 2014 года, где питомцы Лёва обыграли самих бразильцев на их поле с немыслимым счетом 7:1?!

Значит ли это, однако, что такому замечательному тренеру, как Й. Лёв, под силу добиться результата, который когда-то удался Г. Шёну, – чтобы о Германии судили не в последнюю очередь по ее футболу? Боюсь, что нет. Роль футбола в современном мире, как я уже отмечал, гораздо скромнее, чем во времена Шёна. А мешать играть сопернику намного проще, чем классно сыграть самому. Вот поэтому даже из ряда вон выходящие результаты команды Лёва на том же чемпионате мира в Бразилии едва ли вызовут появление у него многочисленных подражателей. В конце концов, в нынешнем насквозь прагматичном футболе никто не осудит тренера за отсутствие феерических побед, зато за недостаток очков и слишком низкое место вполне можно вылететь из тренерского кресла.

Распределение национального дохода ФРГ

Мое поступление на экономический факультет Ленинградского университета в 1971 г. было вызвано странноватым навязчивым стремлением – разобраться, наконец, в том, что же происходит в советской экономике и вообще в стране. А то, что здесь творится что-то неладное, стало очевидно мне еще за 20 лет до распада СССР, хотя 2-я половина 60-х была для социально-экономического развития страны достаточно благополучным периодом. Давно назревшая экономическая реформа 1965 года («косыгинская»), поначалу широко разрекламированная, была уже через несколько лет бесцеремонно отброшена в сторону, после подавления советскими танками «Пражской весны» 68-го в СССР все больше сгущалась политическая реакция.

В ходе моей учебы в ЛГУ я действительно начал разбираться в том, куда же идет (или, лучше сказать, катится) страна, однако в середине 70-х, когда настало время выбирать тему студенческой дипломной работы, это мне ничуть не пригодилось. Если бы я изложил в этой работе свои подлинные мысли по данному поводу, мне бы, думаю, выдали за нее не университетский диплом, а «путевку» в места весьма отдаленные. Не подошли мне по разным причинам и другие дипломные темы, которые были предложены нам на выбор. После некоторых раздумий я решил воспользоваться примечательной особенностью тогдашнего ЛГУ – здесь находился один из ведущих советских центров по изучению экономики ФРГ.

Начало ему положил С.И. Тюльпанов, создав в ЛГУ еще в 1957 г. нечто в ту пору невиданное – кафедру экономики современного капитализма. Тюльпанов был человеком с

очень нестандартной, даже феерической биографией. Сын репрессированных родителей, он дослужился до чина армейского генерал-майора, после войны стал – ни много ни мало – начальником Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии (о нем упоминается даже в мемуарах Г. Жукова, поначалу возглавлявшего эту администрацию), но затем был внезапно изгнан из армии.

На моей памяти С. Тюльпанову было уже за 70, однако он оставался по-юношески энергичным и удивительно напоминал Фантомаса, героя популярных в то время кинобоевиков, – только не демонического, вроде исполнителя этой роли Жана Марэ, а чрезвычайно жизнерадостного.

Он прочел нам несколько лекций, и мы выслушали их с большим интересом, благо на слуху была книга «Актуальные проблемы современного капитализма», только что изданная С. Тюльпановым в соавторстве с В. Шейнисом, в будущем – известным российским политиком. С Шейнисом мы однажды выступали друг за другом на каком-то митинге на центральной площади Кемерова (кажется, по случаю знаменитых шахтерских забастовок 1989 года), но до обсуждения с ним его давней совместной монографии с Тюльпановым у нас дело, конечно, не дошло. А жаль: по-моему, эта книга – едва ли не лучшее, что написали оба ее автора в течение своей долгой и извилистой научно-политической карьеры. Никаких особых новых истин они, конечно, не возвестили (да и кто бы позволил им это сделать в условиях брежневского «застоя»?), но книга будила мысль – далеко не частое явление для подобных изданий того времени. Потому я бы с удовольствием написал свою дипломную работу под руководством кого-то из ее авторов, но это было, увы, невозможно – Шейниса из ЛГУ уже «ушли», а Тюльпанов в своем почтенном возрасте практически отошел от учебно-педагогических дел.

Вместо С.И. Тюльпанова созданную им кафедру возглавил его ученик А.А. Демин – личность совсем другого склада. Он тоже читал у нас лекции, но они мне не понравились – в них странным образом сочетались весьма банальное содержание и напыщенно-надменная манера изложения. Демин занимался главным образом историей концерна Круппа и прочих индустриально-финансовых монстров ФРГ. Согласись он мной руководить, мне бы, видимо, тоже пришлось писать о чем-то подобном, а этого я совершенно не хотел.

В итоге моим научным руководителем был назначен М.А. Алексеев, не имевший отношения к кафедре Тюльпанова-Демина. Я сказал ему при знакомстве, что хотел бы написать диплом о распределении и перераспределении национального дохода ФРГ. Он удивился – видимо, не ожидал подобной прыти от студента-заочника. И тогда я пояснил: мол, свободно читаю по-немецки, знаком с экономико-статистической литературой ФРГ, а потому буду рад воспользоваться тем счастливым обстоятельством, что в ЛГУ уделяют столько внимания исследованию этой страны. На том мы с Алексеевым и порешили. В мою работу над дипломом он, естественно, не вникал, но я благодарен судьбе, которая свела меня с ним: как будет видно из дальнейшего, только с помощью Алексеева мне удалось выпутаться из очень скверной истории, разыгравшейся при защите моей дипломной работы.

Как известно, в условиях острого противоборства двух мировых систем доступ советских читателей к западным общественно-политическим изданиям жестко ограничивался. Правда, этот идеологический «железный занавес» был далеко не столь непроницаемым, как изображали и изображают его многие антисоветские авторы. Так, в середине 70-х годов посетители читальных залов ведущих советских библиотек уже могли свободно читать экономическую и статистическую литературу, изданную в ФРГ. Я жил тогда в Новосибирске, а потому занимался этим «крамольным» делом в здешней Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ), крупнейшем книгохранилище в азиатской части СССР. В частности, в ГПНТБ имелась полная подшивка ежемесячного журнала „Wirtschaft und Statistik“, основного официального экономико-статистического издания ФРГ.

С помощью этого журнала я попытался прояснить, как изменилось распределение национального дохода между основными слоями западногерманского общества со времени образования ФРГ, чему и посвятил свою дипломную работу. Исследования такого рода в СССР еще не публиковались, причем по вполне основательной причине: они давали совсем не те результаты, которые постулировала советская политэкономия. Таким образом, я имел неосторожность ступить на очень скользкую идейную почву, за что в итоге едва не поплатился.

С точки зрения источника получения доходов официальная статистика ФРГ подразделяла национальный доход страны на две основные части – Einkommen aus unselbständiger Arbeit (доходы от наемного труда) и Einkommen aus Unternehmertätigkeit und Vermögen (доходы от предпринимательской деятельности и имущества). В марксистской политэкономии этим частям соответствовали категории необходимого и прибавочного продукта, а соотношение между последним и первым, выраженное в процентах, еще Маркс назвал нормой прибавочной стоимости (или прибавочного продукта). Потому моя дипломная работа получила название, маловразумительное для непосвященных: «Вопросы определения нормы прибавочной стоимости (на примере ФРГ)».

Побудительным мотивом к выбору этой темы послужила для меня книга известнейшего советского экономиста Е. Варги «Очерки по проблемам политэкономии капитализма», которую я не раз прочел еще до поступления в ЛГУ. Она была написана ярко, увлекательно и остро-полемично – редчайшие качества для советской литературы подобного рода. Насколько мне помнится, выводы знаменитого академика по вопросам, особенно заинтересовавшим меня, состояли в следующем: Маркс, Энгельс и Ленин никогда не утверждали, что обнищание пролетариата при капитализме является неуклонным и что норма прибавочной стоимости (или норма эксплуатации) непрерывно возрастает – стало быть, авторы, постулирующие обратное, занимаются вульгаризацией марксистско-ленинской экономической теории. Что и говорить, тяжкое обвинение по тем временам – не только научное, но и политическое.

Интуитивно я чувствовал, что Е. Варга прав, однако для того, чтобы в этом убедиться, от меня потребовались серьезные многомесячные усилия, причем сразу в нескольких направлениях. Во-первых, нужно было проштудировать многотомные собрания сочинений «классиков марксизма-ленинизма», дабы в точности установить, что именно они писали о норме прибавочной стоимости при капитализме и ее динамике. Во-вторых – изучить обширную соответствующую литературу, изданную в СССР, а также в ГДР, и понять, почему ее авторы стремились оказаться в данном принципиальном вопросе «святей Папы Римского». Наконец, самое главное – собрать, обработать и проанализировать множество данных официальной статистики национального дохода ФРГ за четверть века (1950-75 гг.).

Первая часть задуманного была весьма и весьма трудоемким, но не столь уж сложным делом. Хотя упоминания и суждения о норме прибавочной стоимости были рассеяны по многим работам «отцов-основоположников», я с помощью предметных указателей довольно быстро установил, что они писали об определенной тенденции к ее росту, но отнюдь не о неизбежном повышении в длительной исторической перспективе. Правда, их сочинения пестрели, например, утверждениями о том, что при капитализме «богатые становятся богаче, а бедные беднее», известными даже тогдашним советским школьникам. Однако такая тенденция могла быть, в принципе, совместима и со стабильной нормой прибавочной стоимости, если отнести первое явление к среднему представителю имущих и неимущих слоев, а второе – к обществу в целом. Ведь Маркс, Энгельс и Ленин отмечали, что доля неимущих классов капиталистического общества в общей численности его населения в общем и целом растет, а имущих, напротив, падает. Короче говоря, Е. Варга действительно оказался прав.

Вторая часть работы далась мне гораздо трудней – и не только потому, что интересующая меня тема освещалась в великом множестве публикаций, зачастую малодоступных. Маркс, Энгельс и Ленин излагали свои мысли, как правило, достаточно четко и ясно, а вот их посмертные «ученики» – увы, весьма невразумительно, сумбурно, а то и безграмотно. Тут поневоле вспоминалось изречение Г. Гейне, столь любимое его приятелем К. Марксом: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох». Что же касается стремления «учеников» непременно переплюнуть учителей в бичевании капитализма, то оно напоминало о другом известном выражении – «усердие не по разуму». Ученики так старались «подкрепить» приведенное выше изречение о богатых и бедных, что не брезговали ничем – смешением индивидуальной и общественной нормы прибавочной стоимости, использованием явно недостоверных статданных, а то и их откровенной фальсификацией. Все это производило тем более тягостное впечатление, поскольку послевоенный период, о котором обычно шла речь, отличался в развитых капиталистических странах как раз не «относительным и абсолютным обнищанием пролетариата», а заметным ростом его потребления – после многих десятилетий бедствий и нищеты.

Глотать подобное чтиво было, признаться, тошнотворно, однако некоторую пользу оно мне все-таки принесло. Во-первых, я увидел, что ходячий советский тезис о непрерывном росте нормы прибавочной стоимости подкреплен соответствующими статданными, мягко говоря, неадекватно. Во-вторых, это были, как правило, данные промышленных цензов (главным образом США), а не статистики национального дохода, на которую опиралась моя работа. В-третьих, соответствующие исследования по ФРГ были представлены практически только в многотомных трудах Ю. Кучинского (ГДР) о положении трудящихся при капитализме – по-своему интересных, но тоже не основанных на статистике национального дохода. Таким образом, я убедился, что «вспахиваю» отнюдь не заезженную научную ниву.

Однако наибольшее удовлетворение я получил, конечно же, от работы с официальной экономической статистикой ФРГ. Столь оперативного и насыщенного информацией издания, как вышеупомянутый журнал „Wirtschaft und Statistik“, наша тогдашняя экономическая статистика не знала вовсе, а статистический ежегодник ФРГ „Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland“ намного превосходил аналогичное советское издание «Народное хозяйство СССР» и по содержанию, и по оформлению.

В экономической статистике ФРГ меня интересовали не только два упомянутых показателя, характеризующих национальный доход страны на стадии его распределения. После этого государство организовало в рамках своей социально-экономической политики различные формы перераспределения, в результате чего доля неимущих слоев в национальном доходе заметно возрастала. Кроме того, нужно было учесть такой фактор, как опережающий рост потребительских цен по сравнению с их общим повышением, что, напротив, понижало реальный уровень доходов неимущих слоев. В общем, мне понадобились довольно непростые и масштабные расчеты.

На работе мне дали трехмесячный отпуск, полагавшийся тогда студентам-заочникам при дипломировании. Однако в течение первого месяца отпуска, в декабре 1976 г., я продолжал исправно приходить на свое рабочее место в отделе математического моделирования новосибирского Института катализа. У нас в отделе, в силу профиля его деятельности, была неплохая по тогдашним меркам вычислительная техника, в частности новейшая счетная машинка югославского производства, которую мне разрешили использовать для моих расчетов. Кроме того, я печатал там свою дипломную работу – пользоваться пишущей машинкой в домашних условиях было тогда крайне затруднительно. Наконец, к началу 1977 г. все было готово, и я отправился на 2 месяца в Ленинград для защиты дипломной работы, а также сдачи выпускных госэкзаменов.

Мне, как и полагалось, назначили рецензента, к чему я отнесся весьма легкомысленно – рецензирование дипломных работ, тем более у студентов-заочников, носило, как правило, чисто формальный характер. Отвез свою работу рецензенту, уже пожилой преподавательнице политэкономии, жившей в пригороде Ленинграда, и стал ждать результата. Однако через несколько дней, когда мы встретились с ней на факультете, оказалось, что отзыв еще не готов и неизвестно, последует ли он вообще. Более того, рецензентка, показавшаяся мне при знакомстве спокойной покладистой старушкой, предстала передо мной в облике разъяренной мегеры. Столько политических обвинений, как в тот раз, я не слышал по своему адресу, пожалуй, больше никогда.

К моему несчастью, рецензентка, твердокаменная старая большевичка, была не просто преподавательницей, а закаленным «бойцом идеологического фронта». Подобные экземпляры мне уже встречались не раз – правда, главным образом среди преподавателей истории КПСС и научного коммунизма, а не политэкономии. В моей работе рецензентку не устроили в первую очередь результаты, к которым я пришел в итоге своих расчетов. Старушка в бешенстве воскликнула, что за 25 лет норма прибавочной стоимости просто не могла остаться стабильной, как у меня, – она должна была заметно возрасти! Я поинтересовался, в чем она усматривает недочеты в моих расчетах, и услышал, что дело не в каких-то отдельных недочетах, а в порочности самой идеи – попытке установить величину марксистской экономической категории с помощью данных сфальсифицированной буржуазной статистики.

Дальше – больше: рецензентку взбесило, что я нигде не сослался на материалы последнего съезда партии и выдающиеся труды ее генсека Л. Брежнева. Я робко заметил: мол, на недавнем 25-м съезде не было сказано решительно ничего, что имело бы отношение к теме моей работы. «Как это не было? – вспылила старушка. – 25-й съезд сделал основополагающий вывод, что капитализм – это общество, лишенное будущего! Это что же получается – вы игнорируете труды Леонида Ильича, но при этом ссылаетесь на Плеханова и Сталина?!» Тут она была права: имя Брежнева в моей работе вообще отсутствовало, поскольку он никогда не упоминал о норме прибавочной стоимости, а ссылки на соответствующие высказывания Плеханова и Сталина действительно приводились, причем в одном и том же абзаце. Меня особенно позабавило, что ссылка на Сталина вызвала резкое недовольство у человека, в котором трудно было не распознать матерую сталинистку. Однако с точки зрения партийного бойца это было вполне логично: раз партия не велит упоминать и цитировать Сталина, то и нечего этим заниматься!

Вердикт рецензентки был беспощаден: работа носит «злостный антимарксистский характер», и она приложит все силы, дабы не допустить меня к защите. После этого я пообщался со своим научным руководителем М. Алексеевым, который был уже в курсе далеко идущих претензий рецензентки. Михаила Алексеевича, в войну – боевого офицера и партизана, было, к счастью, не так-то просто «взять на испуг». Он спокойно сказал мне: «Эка важность! Замените в списке литературы один лист, вставьте туда материалы 25-го съезда – и дело с концом». Я так и поступил, но уверенности в том, что эта косметическая операция возымеет какое-то действие, у меня, конечно, не было. Однако к защите, вопреки угрозам рецензентки, меня все же допустили.

При защите она воспроизвела все свои обвинения, не считая разве что «злостного антимарксистского характера», однако присутствующая профессура ее прокурорского тона не поддержала, хотя и задала мне массу всевозможных вопросов. Мой ближайший друг по ЛГУ Саша Акимов, присутствовавший на защите, сказал мне после нее: «Держался ты хорошо, но поможет ли это тебе – не уверен». Через некоторое время дверь аудитории распахнулась, и оттуда показалась трясущаяся от гнева рецензентка. Ее поддерживал под локотки М. Алексеев, который примирительно говорил: «Да что же вы так волнуетесь? Он ведь всего лишь студент-заочник, да еще из Сибири! Откуда ему знать, что и как положено писать в дипломной работе?»

В итоге вся эта драматичная история увенчалась неожиданно благополучным исходом: снизойдя к моим трудам, дипломную работу оценили на «отлично». Более того, в самый последний момент мне решили выдать диплом с отличием: в деканате просмотрели мою зачетку и с удивлением обнаружили, что там стоят почти одни пятерки. Получение «красного диплома» одного их самых престижных вузов в СССР на моей дальнейшей профессиональной деятельности никак не отразилось, но близких, к моему удовлетворению, конечно же, порадовало.

Концепция собственности германской социал-демократии

Окончив ЛГУ, я стал искать работу по специальности, обозначенной в моем дипломе как «экономист, преподаватель политической экономии». Поиски в Новосибирске не увенчались успехом, но соответствующее преподавательское место нашлось в Кемерово, куда переехали к тому времени мои родители. С мая 1977 г. началась моя преподавательская деятельность на кафедре истории КПСС и политэкономии Кемеровского мединститута.

В то время я горел желанием продолжить научную работу по экономической истории ФРГ, начатую в ЛГУ. После относительно простого исследования распределения национального дохода мне хотелось заняться куда более сложной и интересной проблемой – распределением собственности (имущества) между социальными слоями западногерманского общества. Загвоздка состояла в том, что в Кемерово и вообще в Сибири практически отсутствовала соответствующая литература из ФРГ. Я попытался выписывать интересующие меня издания по межбиблиотечному абонементу (МБА), неплохо налаженному в то время в СССР, но быстро убедился, что всю необходимую литературу по данному предмету можно проработать лишь при непосредственном доступе к ведущим московским, а также ленинградским книгохранилищам. Однако для этого мне надо было обосноваться в Москве или Ленинграде, т.е. поступить в тамошнюю аспирантуру.

К сожалению, в Кемеровском мединституте никакой четкой системы повышения квалификации преподавателей общественных наук не существовало, и вопрос о их направлении в аспирантуру был фактически отдан на откуп кафедральному руководству. На нашей кафедре оно находилось в руках историков КПСС – очень специфичной публики, живо напоминавшей мне приснопамятную рецензентку из ЛГУ. Они смотрели на меня косо – «питерская штучка» (хотя я родился и вырос в Кузбассе, центром которого является Кемерово), беспартийный (очень редкое явление для тогдашних вузовских преподавателей общественных наук), да еще с подмоченным «пятым пунктом» – и сразу же заподозрили новичка в «крамольных» политических взглядах, которые и в самом деле были присущи мне едва ли не со школьной скамьи. Посему на кафедре вообще избегали упоминать о моем направлении в аспирантуру, хотя по всем формальным критериям я вполне этого заслуживал. Наконец, осенью 1979 г. меня со скрипом послали, по крайней мере, на курсы повышения квалификации в Новосибирск.

По итогам обучения на этих курсах мы должны были писать выпускные работы. Я избрал своей темой «Эволюцию концепции собственности германской социал-демократии»: это было в русле моих научных интересов, да к тому же давало возможность работать в «святая святых» вышеупомянутой ГПНТБ – отделе специального хранения или спецхране (наши занятия на курсах проводились по большей части в самом здании библиотеки). Спецхран ГПНТБ был очень скромным – не чета аналогичным отделам ведущих московских библиотек, куда мне удалось проникнуть через несколько лет. Однако имевшейся в этом хранилище литературы (главным образом «закрытых» реферативных сборников, в изобилии выпускавшихся в ИНИОН – крупном московском НИИ с фундаментальной общественно-политической библиотекой, пострадавшей от пожара в начале 2015 г.) мне вполне хватило для написания моей работы.

Социал-демократическая партия Германия (СДПГ) имела за собой к тому времени уже более чем вековую историю и с момента образования ФРГ являлась одной из ведущих политических сил страны. С 1966 г. СДПГ входила в состав правительства ФРГ, а с 1969 г. бессменно возглавляла его.

Одним из узловых пунктов политической программы СДПГ с самого начала стал вопрос о том, каким преобразованиям должна подвергнуться собственность на средства производства с переходом общества к социализму. Взгляды партии на сей счет существенно менялись по мере изменения ее представлений о самом социализме. Согласно изначальной ортодоксально-социалистической (в значительной мере марксистской) трактовке, основные средства производства подлежали в этом случае безотлагательной «социализации» (обобществлению) или даже национализации (огосударствлению). Но долголетний опыт функционирования государственной собственности в СССР, а затем и в ГДР побудил усомниться в ее безоговорочной эффективности и целесообразности даже многих убежденных социалистов. К концу XIX века в СДПГ приобрело значительное влияние «ревизионистское» крыло во главе с Э. Бернштейном, отдававшее различным формам социализации, в т.ч. муниципализации, решительное предпочтение перед национализацией. А Годесбергская программа, действовавшая в СДПГ в 1959-89 гг., и вовсе основана на идее смешанной частно-общественной собственности.

Однако внимание СДПГ к проблематике собственности далеко не ограничивалось вопросами, касавшимися средств производства. Так, в Годесбергской программе имелся специальный раздел «Распределение доходов и имущества», где рассматривались самые разные аспекты имущественных отношений. Авторы программы констатировали, что рыночная экономика сама по себе не обеспечивает «справедливого распределения доходов и имущества» и что для этого необходима целенаправленная государственная политика. Партия ставила своей целью сформировать условия, при которых все люди имели бы возможность «создавать из возрастающих доходов собственное имущество». Признавалось необходимым обеспечить такое положение, при котором определенная доля прироста капитала крупных предприятий «рассредоточивалась бы в виде собственности».

В таком подходе к имущественным отношениям ничего специфично-социалистического уже, собственно, не оставалось. Здесь СДПГ практически перешла на неолиберальную платформу «социального рыночного хозяйства», изначально положенную в основу программы ХДС/ХСС, ведущей буржуазной партии ФРГ. В результате, как мы увидим ниже, возникла почва для согласия двух крупнейших партий страны по поводу соответствующих аспектов имущественной политики.

«Приобщение к собственности»

Явление, которому я решил посвятить свою кандидатскую диссертацию, в ФРГ было принято называть Vermögensbildung in Arbeitnehmerhand (приобщение к собственности лиц наемного труда). Эта терминология существовала к тому времени лишь несколько десятилетий, однако идеи, породившие ее, были стары как мир. Приведу в качестве примера хотя бы фрагмент из «Лагеря Валленштейна» Ф. Шиллера, на который часто ссылались энтузиасты «приобщения к собственности» из ФРГ: „Etwas muss er sein Eigen nennen, oder der Mensch wird morden und brennen“ (в переводе Л. Мея: «Надо собственность дать человеку, – иначе станет он резать и жечь»).

В советских диссертациях историко-экономического характера было положено ссылаться, конечно, не на стихи Шиллера, а на труды «классиков марксизма-ленинизма». Посему я вновь углубился в их сочинения и неожиданно для себя обнаружил, что классики уделяли заинтересовавшей меня проблеме неослабное внимание. С одной стороны, они при каждом удобном случае подчеркивали, что в классовом обществе неимущий может стать имущим разве что в виде исключения. В то же время их очень

беспокоила возможность появления у наемных рабочих какой-либо собственности – хотя бы в виде жилья, приусадебного участка, личных сбережений и т.п. Такой рабочий уже явно не принадлежал к пролетариям из «Коммунистического манифеста», которым «нечего терять, кроме своих цепей». Так что полагаться на его незамутненное пролетарское сознание, а тем паче имманентную революционность больше, увы, не приходилось.

В первые годы существования ФРГ идеи приобщения к собственности лиц наемного труда исходили главным образом от теоретиков и поборников вышеупомянутой концепции «социального рыночного хозяйства», а также от религиозных авторов, сторонников «католического социального учения» и «протестантской социальной этики». Однако особого внимания подобные лозунги тогда не привлекали: страна еще лежала в руинах, и германские рабочие были озабочены своим выживанием, а отнюдь не приобретением какой-либо собственности.

К концу 50-х годов, когда послевоенное «экономическое чудо» повлекло за собой быстрый рост народного хозяйства страны и заметное повышение благосостояния ее населения, затронувшее и неимущие слои, ситуация стала меняться. В этих условиях получила широкую огласку идея так называемых «народных акций». Тогдашний министр экономики и будущий канцлер ФРГ Л. Эрхард объявил о предстоящей приватизации ряда крупных предприятий, включая автомобильный концерн «Фольксваген». Будучи давним поборником «приобщения к собственности», Эрхард увязал приватизацию с возможностью приобретения на льготных условиях малоимущими слоями, в первую очередь – рабочими данных предприятий, определенной части акций, выпущенных в ходе приватизации. Несмотря на шумную пропагандистскую кампанию, тогдашний выпуск «народных акций» не повлек за собой заметных результатов. Рабочие, даже достаточно обеспеченные, предпочитали вкладывать свои сбережения не в акции, а в гораздо более привычные сберегательные кассы. Этот «холостой выстрел» напомнил мне соответствующие пассажи «классиков марксизма-ленинизма», ядовито насмехавшихся над первыми попытками приобщить рабочих к совершенно чуждому им акционерному капиталу – главным образом в США.

Власти ФРГ извлекли должные выводы из этой неудачи и придали идее «приобщения к собственности» гораздо более широкий смысл, включая стимулирование личных сбережений трудящихся, различных форм участия в прибылях и «инвестиционной заработной платы» (повышения заработков при условии сбережения получателями части этой надбавки), строительства или приобретения собственного жилья и т.п. В этом духе были выдержаны пять «Законов о приобщении к собственности» (Vermögensbildungsgesetz), принятые в ФРГ в 1961, 1965, 1970, 1984 и 1990 гг. Первые 4 из них уже действовали в период моей работы над диссертацией, и их содержание, как и результаты внедрения, составили сердцевину моего исследования.

Если в 1-й половине 60-х годов подобные законодательные акты инициировали и поддерживали главным образом христианские демократы, то 3-й закон был принят в период, когда у власти в ФРГ находились социал-демократы в коалиции со свободными демократами. Идея «приобщения к собственности» опиралась на все более широкую поддержку политических партий, представленных в то время в Бундестаге. Подобное явление наблюдалось и среди экономистов различных течений. Так, идеи «приобщения к собственности» разделяли даже некоторые западногерманские кейнсианцы – казалось бы, парадоксальное явление, ведь сам Дж.М. Кейнс, как правило, считал необходимым не стимулирование личных сбережений, а, напротив, их жесткое ограничение. Однако его последователи в ФРГ придавали основное значение не этому выводу своего учителя, а тому, что он впервые обратил внимание на необходимость государственного регулирования личных сбережений.

Интенсивная законодательная деятельность по «приобщению к собственности» и выделение на эти цели немалых государственных средств привели со временем ко вполне

осязаемым результатам. Их можно было проследить по экономической статистике ФРГ, что я и сделал в ходе своей работы.

Подобные меры практиковались в те годы и в других развитых капиталистических странах. Однако столь широким размахом и такими заметными результатами, как в ФРГ, они не были отмечены более нигде, что вызывалось целым рядом причин. Во-первых, ФРГ отличалась до середины 60-х годов особенно высокими темпами экономического роста, в связи с чем ее власти пытались бороться с «перегревом конъюнктуры» путем стимулирования сбережений и, как следствие, ограничения потребления населения. Во-вторых, традиционно экономные немцы наиболее охотно использовали различные возможности «приобщения к собственности». В-третьих, ФРГ, расположенная на границе с «соцлагерем», стала своеобразной витриной западного мира, а потому пропагандистская кампания по «приобщению к собственности» носила здесь на редкость интенсивный характер.

Я начал штудировать «приобщение к собственности» еще в 77-м, сразу же после окончания ЛГУ, однако систематический характер эти мои занятия приобрели только в 83-м, когда, благодаря переходу на преподавательскую работу в систему повышения квалификации химической промышленности, у меня появилась возможность регулярно бывать в Москве. Я работал там в двух крупнейших профильных книгохранилищах – вышеупомянутой библиотеке ИНИОН и Библиотеке иностранной литературы, включая их богатейшие спецхраны, без доступа к которым написать диссертацию по моей теме было бы невозможно.

Направлений в аспирантуру система повышения квалификации не давала, зато у нас была распространена практика оформления соискательства для защиты кандидатских диссертаций. Меня направили соискателем в Ленинградский финансово-экономический институт (ЛФЭИ), но процедура моего оформления в этом качестве затянулась – в Питере от меня потребовали пересдачи кандидатского экзамена по немецкому языку, который я сдал в Кемеровском мединституте в мою бытность преподавания там (кандидатские по специальности и философии, сданные мной на курсах повышения квалификации в Новосибирске, мне в ЛФЭИ зачли).

Наконец, в апреле 1986 г. я оформился соискателем, и мне назначили в научные руководители высокого начальника – проректора ЛФЭИ по работе с иностранцами, которых там училось немало. Через некоторое время я выслал ему 1-ю главу своей будущей диссертации, содержавшую обширный литературный обзор, он ее одобрил, но на этом, собственно, все и закончилось. Известная в ту пору студенческая песенка «Нынче хочет каждый атом стать науки кандидатом» на моем примере подтверждения, увы, не нашла.

Дело в первую очередь в том, что я стал подумывать об очередном крутом повороте в своей жизни – уходе с преподавательской работы, а вне этой сферы кандидатская мало что давала. Преподавать мне, в принципе, нравилось, но преподавание непрофильных дисциплин удовлетворяло меня все меньше. Правда, в конце моей преподавательской карьеры мне довелось учить и будущих экономистов – в Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности, куда я перешел работать в 1987 г., а по совместительству и в Кемеровском университете. Причем преподавал я в обоих случаях экономическую историю СССР – единственную из вузовских экономических дисциплин, которая меня в то время по-настоящему интересовала. Однако мой предмет был непрофильным и для этих студентов – экономистов-историков в кемеровских вузах не готовили вообще. Кроме того, меня все сильнее отвлекала от работы над диссертацией моя активная общественно-политическая деятельность – сначала в первых кузбасских «неформальных» организациях, а затем и в Обществе российских немцев «Возрождение». В начале 1991 г. я перешел на работу в центральное бюро «Возрождения» в Москве, окончательно распрощавшись с преподавательской работой, и после этого ни о какой диссертации уже и не вспоминал.

Я не жалею, что потратил 10 лет жизни на научную работу, так и не увенчавшуюся конкретным результатом, хотя бы в форме каких-то публикаций (статьи по экономической истории ФРГ могли в то время публиковаться только в некоторых московских или ленинградских научных изданиях, к которым я, живя в Сибири, реального доступа не имел). Многолетнее штудирование экономики ФРГ намного расширило мои познания об этой стране, гражданином которой я стал в 2007 г. Да и приобретенный навык систематической научной работы мне очень пригодился уже с середины 90-х годов, когда я всерьез занялся изучением истории, демографии, а затем и диалектологии российских немцев.

Литература ФРГ: Бёлль и Грасс

С 70-х годов я был увлечен и современной немецкой литературой. К примеру, читал авторов из ГДР – А. Зегерс, Г. Канта, К. Вольф, Д. Нолля, хотя основное мое внимание привлекали западногерманские писатели – З. Ленц, М. Вальзер, В. Борхерт, А. Андерш, но главным образом Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс. До середины 70-х годов их обоих охотно публиковали в нашей стране, считая «прогрессивными» писателями, однако в 1974 г. Г. Бёлль, приютивший в своем кёльнском доме высланного из СССР А. Солженицына, впал в немилость у советских властей и издаваться у нас перестал. Указанная советская классификация была мне глубоко чужда: я ценил писателей не за «прогрессивность» или «регрессивность», а в первую очередь за литературное мастерство. Этим мне и были близки Бёлль и Грасс, которых я имел возможность читать и в оригинале.

Г. Бёлль и Г. Грасс жили почти в одно и то же время, однако их творческий путь отличался весьма существенно. Бёлль начал писать уже в первые послевоенные годы, входил (как и позднее Грасс) в «Группу 47», высоко ценимую в свое время в СССР, но его ранние вещи были еще очень несовершенны. Однако с годами он писал все лучше и в 1971 г. достиг, как мне кажется, вершины своего творчества, издав роман «Групповой портрет с дамой», который я с большим интересом прочел по горячим следам в «Новом мире». После этого Бёлль заслуженно стал лауреатом Нобелевской премии. Увы, наиболее шумный успех Бёллю принес не этот замечательный роман, а повесть «Потерянная честь Катарины Блюм», которой особенно восторгались в левых кругах – вплоть до леваков-террористов. Пример Г. Бёлля, который традиционно отличался политической активностью, особенно в рамках антивоенного движения, неизбежно вызывает давний и весьма непростой вопрос: насколько уместна такого рода деятельность для крупного художника слова?

К другому лауреату Нобелевской премии по литературе Г. Грассу, как мы увидим, этот вопрос применим в еще большей мере. Грасс был уроженцем Данцига, его мать принадлежала к этнической группе кашубов. В 1994 г. я побывал в кашубском этнографическом музее близ нынешнего Гданьска и с интересом ознакомился с историей этой самобытной народности. Грасс начал писать рано и, в отличие от Бёлля, создал свои лучшие произведения – знаменитую «Данцигскую трилогию» – еще в молодости. Впрочем, мне нравились и более поздние вещи Грасса. Так, приехав в Германию в 2004 г., я, не отрываясь, прочел его новую повесть «Траектория краба» („Im Krebsgang“), где впервые на моей памяти была изложена трагическая история затопления немецкого судна «Вильгельм Гюстлофф» в начале 1945 г.

Г. Грасс не просто отличался политической активностью, он много лет состоял в рядах социал-демократии, был дружен с В. Брандтом, а впоследствии и с Г. Шрёдером. В 1990 г. Грасс, будучи правоверным социал-демократом, выступил против объединения страны – под предлогом того, что объединенная Германия может возродиться как воинственное государство. Правда, в 1992 г. Грасс вышел из СДПГ в знак протеста против компромисса социал-демократов с христианскими демократами относительно приема

беженцев и, с другой стороны, поздних переселенцев (Asylkompromiss). Как отмечалось выше, благодаря этому компромиссу и стал возможен дальнейший масштабный прием в Германии наших переселенцев, но левака Грасса такие «нюансы» явно не интересовали.

Наряду с политической активностью, Г. Грассу была свойственна и склонность к публичному эпатажу, особенно заметная в поздние годы, когда внимание к его личности стало явно ослабевать. Так, в 2006 г. Грасс внезапно «вспомнил», что в последние месяцы войны, будучи 17-летним юнцом, служил в танковых частях войск СС. С учетом хорошо известного политического профиля Грасса скандал разгорелся нешуточный, но по поведению знаменитого писателя не было заметно, чтобы это его беспокоило. Далее, в 2012 г. он опубликовал «стихи в прозе» с критикой политики Израиля – и вновь скандал практически на пустом месте. С литературной точки зрения эти «стихи» не представляли собой абсолютно ничего примечательного, а в политическом отношении автор лишь воспроизвел претензии к израильской политике, давно выдвигаемые европейскими левыми. Однако иной раз Грассу случалось высказывать и достаточно серьезные политические мысли. Так, в своей Нобелевской речи в 1999 г. он заявил; «В ужасе мы наблюдаем, что капитализм, с тех пор как его брат социализм объявлен мертвым, страдает манией величия». Что называется, не в бровь, а в глаз!

6. ФРГ: ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ

ФРГ просуществовала до объединения Германии свыше 4-х десятков лет. Однако за все эти годы я припоминаю лишь два явления, прочно ассоциировавшихся у меня с понятием «политика ФРГ», – «доктрину Хальштейна» и «новую восточную политику Брандта». Да и то мне не было до конца ясно, в какой мере творцами этих политических доктрин следует считать самих деятелей ФРГ, включая тех, чьи имена запечатлены в их названиях.

О «доктрине Хальштейна» я услышал еще в конце 50-х годов, но смысла ее никогда толком не понимал. На первый взгляд, здесь все было очевидно: ФРГ не желала поддерживать дипломатических отношений со странами, официально признавшими ГДР, поскольку не считала ее полноценным самостоятельным государством. Однако вопрос о том, в чем же ГДР была менее полноценной или самостоятельной, чем сама ФРГ, так и остался для меня загадкой. Иностранные войска находились в обеих этих странах (в ГДР – советские, в ФРГ – западных союзников), и с этой точки зрения они были равным образом ограничены в своем суверенитете. Правда, в ФРГ, постулируя «неполноценность» ГДР, акцентировали внимание не столько на этом обстоятельстве, сколько на отсутствии в «восточной оккупационной зоне» (на Западе десятилетиями называли ГДР именно так) свободных выборов. Не касаясь деликатного вопроса о том, насколько свободными были в условиях иностранной оккупации выборы в самой ФРГ, хочу только заметить, что при такой логике нельзя считать полноценными и многие другие государства, начиная с СССР, коммунистического Китая и т.д. Но до столь смелых обобщений власти ФРГ, как правило, не доходили.

«Доктрина Хальштейна» была сформулирована В. Греве в 1955 г. и тогда же публично провозглашена В. Хальштейном, однако ее истоки восходят, конечно же, не к этим чиновникам МИД ФРГ. К. Аденауэр еще в октябре 1949 г. выступил в Бундестаге с притязаниями на то, чтобы ФРГ оставалась вплоть до объединения страны «единственным законным государственным образованием немецкого народа». Но и эти далеко идущие претензии первого западногерманского канцлера возникли не на пустом месте – они, в сущности, исходили из представления о том, что западная парламентская демократия, о приверженности которой власти ФРГ заявили с самого начала, является единственной приемлемой и пригодной формой современного государственного устройства. В то время в этом не сомневался ни один западный лидер, однако сегодня, после многих

безуспешных попыток повсеместного насаждения этой самой демократии, в ее универсальных недосягаемых достоинствах уверены уже далеко не все даже на Западе.

«Доктрина Хальштейна» применялась западногерманскими властями 15 лет, однако заметную практическую роль она сыграла за это время всего дважды: в 1957 г. на ее основании были разорваны дипломатические отношения страны с Югославией (10 лет спустя, еще до официальной отмены доктрины, власти ФРГ сочли за лучшее их восстановить), а в 1963 г. – с Кубой. Эти предельно скудные результаты породили закономерные сомнения в том, что внешняя политика ФРГ может базироваться на такой шаткой основе. В итоге и появилась новая внешнеполитическая доктрина в форме «восточной политики» В. Брандта.

Интересовала меня, конечно, и политика СССР в отношении ФРГ, прежде всего – с точки зрения перспектив объединения Германии. Ни соответствующие инициативы сталинского руководства, о которых я узнал задним числом, ни последние аналогичные предложения Н. Хрущёва, непосредственно воспринятые мной уже в достаточно сознательном возрасте, не создали у меня впечатления серьезности и искренности намерений. Тогдашние советские вожди не могли не понимать, что предложить схему воссоединения Германии, приемлемую как для них, так и для западных лидеров, в тех условиях было практически нереально. Оставалось только жонглировать пропагандистскими «мыльными пузырями», что лидеры СССР и ГДР и делали. Единственным исключением из этого правила были, пожалуй, «ликвидаторские» идеи Л. Берии в отношении ГДР, выдвинутые им в 1953 г., сразу же после смерти Сталина, и встреченные в штыки всеми остальными советскими вождями.

Таким образом, в откровенный тупик зашел политический курс обеих сторон в отношении друг друга, и в попытках выбраться из этой вязкой трясины и появилась «новая восточная политика Брандта». Сегодня уже достаточно известно, что первый серьезный шаг на этом пути – заключение вышеупомянутого Московского договора 1970 года между ФРГ и СССР – был предпринят после многомесячного зондажа по секретным межгосударственным каналам, в котором узловую роль сыграли особо доверенные лица лидеров двух стран, многолетний помощник Брандта Э. Бар и высокопоставленный сотрудник КГБ СССР В. Кеворков.

Летом 1991 г. я участвовал во встрече группы российских немцев с Э. Баром в здании ТАСС в Москве, и представил его нам, насколько мне помнится, именно В. Кеворков, служивший тогда в этом ведомстве. Э. Бар произвел на меня впечатление многоопытного эксперта по международным делам. Не знаю, как Брандт, но проницательный Бар не мог не понимать, что приход к власти президента США Р. Никсона в 1969 г. открывает новую страницу в отношениях Востока и Запада, получившую впоследствии название «разрядки». По-моему, корни «новой восточной политики» ФРГ нужно искать в первую очередь в этом, а не в смелых личных инициативах самого Брандта, как было принято считать в советские времена.

После объединения страны и коренного преобразования Евросоюза, в котором роль Германии высока, как никогда ранее, понятие «германской политики» стало, конечно, более многообразным. Однако дисбаланс между мощной экономикой и маловразумительной политикой, традиционно присущий ФРГ, так и не преодолен до конца. Тем более что узловое направление нынешней политики Германии – политику в рамках ЕС – не назовешь ни достаточно внятным, ни безоговорочно успешным, о чем у нас еще не раз пойдет речь ниже.

Нынешняя Германия представляет собой по своему государственному устройству типичную парламентскую республику, а для таких государств (как показывает хотя бы пример Италии) достаточно характерна правительственная чехарда. Совсем не то в Германии – ее, ввиду сложившегося расклада политических сил, отличает, напротив, очень редкая смена глав правительства. За 67 лет существования ФРГ страна знала всего 8 бундесканцлеров, трое из которых пробыли на этом посту не менее 10 лет: Г. Коль – 16, К.

Аденауэр – 14, А. Меркель – 10. Федеральный канцлер считается ведущим политиком страны еще и потому, что президент ФРГ является чисто представительной фигурой. Потому, размышляя о политике ФРГ, невольно подразделяешь ее на политику отдельных федеральных канцлеров.

Конрад Аденауэр

В детстве у меня было чисто визуальное представление о К. Аденауэре: древний старик со странным, совсем не европейского вида лицом. Только через много лет мне стало известно, что «индейское» лицо появилось у еще молодого Аденауэра от порезов автомобильным стеклом при серьезной дорожной аварии.

Получить какую-то содержательную информацию о политической фигуре первого канцлера ФРГ из советской печати тех лет было решительно невозможно: площадная брань по его адресу «сдабривалась» там разве что непотребным ерничеством. Вот самый запомнившийся мне пример. Наш тогдашний лидер Н. Хрущёв, любивший во время публичных выступлений отрываться от печатного текста, однажды ляпнул с высокой трибуны: «Господин Аденауэр выдает себя за глубоко набожного человека и, видимо, надеется попасть в рай. А мы считаем, что ему самое место в аду!» Сатирический журнал «Крокодил» тут же откликнулся подобающим красочным панно «Большой день в аду». Там радостно потирали свои лапы черти, лихорадочно готовя преисподнюю к доставке «великого грешника». Художник постарался на славу, ад был будто срисован с натуры, но к реальному Аденауэру вся эта «живопись» никакого отношения, конечно, не имела.

Другой характерный случай. К концу правления К. Аденауэра отношения между нашими странами обострились настолько, что власти ФРГ наложили запрет на поставку в СССР стальных труб большого диаметра, необходимых для сооружения магистральных газо- и нефтепроводов. СССР пришлось осваивать собственное производство этих труб, и на первой же такой трубе, как свидетельствовал снимок в «Правде», было выведено аршинными белыми буквами: «Вылетишь в трубу, Аденауэр!»

Изо всего, что я читал в те годы о первом канцлере ФРГ, мне запомнился только очерк известного советского публициста Э. Генри «Смерть Аденауэра». В момент кончины отставного канцлера мои мысли были далеки от этого события – я участвовал тогда в 1-й Всесоюзной математической олимпиаде школьников в Тбилиси. Однако через несколько лет я не без любопытства прочел опус Генри, написанный со свойственной этому автору лихостью. По содержанию очерк сводился к следующему: кончина К. Аденауэра в 1967 г. означала и его политическую смерть – всё то, чего он добивался своей государственной деятельностью, ушло вместе с ним. Как же далеки были от жизненных реалий даже самые именитые советские авторы-международники! На деле всё основное, что отстаивал политик Аденауэр (первое послевоенное германское государство, объединенная Германия, Европейский экономический союз, блок НАТО и т.д.), живет и по сей день, через полвека после его торжественно провозглашенной «политической смерти».

Первая возможность по-настоящему ознакомиться с жизнью и деятельностью К. Аденауэра представилась мне только в 1987 г., когда я отыскал в спецхране московской Библиотеки иностранной литературы его 4-томные воспоминания. Времени у меня было в обрез, но наиболее интересный мне раздел мемуаров, посвященный знаменитому приезду Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г., я все же осилил. Прочитанное не только впечатлило, но и немало удивило меня. Автор вспоминал о своем труднейшем визите с явным удовлетворением, особенно в связи с тем, что в итоге этой поездки ему удалось добиться от неуступчивых советских вождей принципиального согласия на освобождение последних немецких военнопленных, еще содержавшихся в СССР через 10 лет после завершения войны. А о советских партнерах по переговорам Аденауэр писал вполне

уважительно, хотя и не без присущего ему едкого юмора. Вот яркий образчик подобных описаний.

Я, как уже сообщал, нанес утром визит вежливости советскому министру иностранных дел Молотову и теперь, за завтраком, заметил Булганину (тогдашний председатель Совета Министров СССР – *В.Д.*)*: «Господин Молотов выглядит совсем не так, как я его себе представлял».*

Булганин спросил: «Почему же?» На это я сказал: «Он выглядит умно». Тут Булганин разразился громким смехом и заявил: «Ну, вы – первый, кто это говорит». И затем он крикнул за моей спиной Хрущёву: «Слышишь, Никита, федеральный канцлер говорит, что Молотов выглядит умно». Хрущёв, как было видно, тоже очень развеселился. Молотов, сидевший напротив нас, выслушал все это с каменным лицом.

Воспоминания о той встрече оставил и Н. Хрущёв. Они заметно меньше по объему, но из текста видно, что автор хорошо помнил те события и полтора десятилетия спустя, находясь уже в преклонном возрасте и не имея под рукой никаких необходимых материалов. Однако особого удовлетворения по поводу своих давних переговоров с К. Аденауэром Хрущёв явно не испытывал, об их ключевом эпизоде, касавшемся немцев-военнопленных, вообще умолчал, да и о партнере отозвался весьма пренебрежительно.

О самом Аденауэре у меня осталось особое впечатление. То был человек, который мог пойти, как я бы сказал, на грубую лесть, если понадобится. Во время бесед со мной он «выделял» меня и говорил, что вот «только в результате вашего влияния произошло то-то и то-то». Мне было неприятно слышать это от политического деятеля, это принижало его достоинство. Я, смотря на такой нехороший прием действий, размышлял, как же мелко думает он о других? Наверное, и сам он мелочный человек. Например, когда за обедом мы обменивались мнениями, он тут же мне на ухо шептал через переводчика какие-то любезности. Однако в смысле политики, понимания своих интересов он твердо представлял немецкий капитал и был большим его защитником.

Сопоставляя эти два столь несхожих фрагмента, следует учитывать, что их авторы имели за собой к моменту своей единственной встречи совершенно разный политический и жизненный опыт. К. Аденауэр к 1955 г. уже более 6 лет возглавлял правительство ФРГ и не раз встречался со многими ведущими мировыми лидерами. Хрущёв же, ставший двумя годами ранее первым секретарем ЦК КПСС, никаких государственных постов не занимал и, в сущности, оставался новичком в мировой политике – практически вся его бурная внешнеполитическая деятельность еще была впереди. Да и представления о правилах дипломатического этикета, как хорошо видно из приведенных текстов, были у них диаметрально противоположны.

Общение с многоопытным К. Аденауэром должно было оставить у Н. Хрущёва весьма тягостное впечатление. Они оба добились на московских переговорах своих основных целей: Хрущёв – установления дипломатических отношений с ФРГ, Аденауэр – освобождения оставшихся немецких военнопленных. Однако Хрущёв, в отличие от Аденауэра, явно не был изначально готов пойти навстречу партнеру в наиболее существенном для того вопросе. И то, что упорный Аденауэр, в конечном счете, все же добился своего, видимо, было воспринято Хрущёвым как личное унижение, если не оскорбление. Иначе просто невозможно объяснить ту оголтелую ненависть, с которой относились к Аденауэру власти СССР в последующие годы.

Переезд в Германию означал для меня настоящий прорыв в понимании личности канцлера К. Аденауэра и его политики. Я приобрел в букинистических магазинах и на «блошиных рынках» соседнего Тюбингена не только полное издание его воспоминаний, но и массу разнообразной литературы о нем. Появились у меня и определенные личные впечатления об Аденауэре: с 1991 г. я не раз побывал в Бонне, который именно по его настоянию стал столицей ФРГ, посетил тамошнее здание Бундестага, где он регулярно бывал и выступал, видел очень своеобразный боннский памятник ему – огромную голову безо всякого постамента, проехал на поезде близлежащий городок Рёндорф, где он

прожил свои последние десятилетия, даже поселился в Роттенбурге-на-Неккаре на улице, названной в честь Аденауэра. И в итоге я окончательно убедился, что Конрад Аденауэр был, бесспорно, крупнейшим политическим деятелем Германии XX века.

Людвиг Эрхард

Если К. Аденауэр был самым ярким и значительным канцлером ФРГ, то его преемник Л. Эрхард по праву считается канцлером-неудачником. Да и преемником он являлся только формально: Аденауэр совершенно не хотел уступать канцлерское кресло своему бессменному министру экономики. Долгая история с первой сменой главы правительства ФРГ весьма красноречиво характеризует и двух ее основных персонажей, и тогдашнюю «политическую элиту» страны в целом. А заодно лишний раз свидетельствует о том, как трудно подобрать преемника многолетнему политическому лидеру авторитарного толка.

К концу 50-х годов в правящих кругах ФРГ стало крепнуть мнение, что первому канцлеру, пробывшему на своем посту уже 10 лет и «разменявшему» 9-й десяток, пора подыскивать замену. Причем эти настроения распространились не столько среди социал-демократической оппозиции, переживавшей не лучшие времена и потерпевшей фиаско на выборах в Бундестаг 1957 года, сколько внутри самой правящей коалиции. Не вызывала сомнений и фигура возможного преемника – ближайший соратник К. Аденауэра в течение всего срока его пребывания у власти, авторитетнейший министр экономики Людвиг Эрхард.

К. Аденауэр хорошо знал об этих настроениях и в 1959 г. попытался принять их во внимание. Благо, нашелся и повод: предстояли очередные выборы президента ФРГ, а первый президент, харизматичный свободный демократ Теодор Хойс, уже пробыл на этом посту два положенных срока и больше не мог выставлять свою кандидатуру. Вот Аденауэр и решил: а почему бы ему самому не пересесть в кресло президента, уступив место канцлера Л. Эрхарду? Проблема состояла в том, что президентский пост, дававший его обладателю лишь представительную, но не исполнительную власть, никак не подходил властолюбивому Аденауэру. Тем не менее, он заявил о намерении баллотироваться в президенты и принялся штудировать Основной закон ФРГ в надежде отыскать в нем какие-нибудь зацепки, позволившие бы ему проявлять свою привычную власть и на президентском посту. Как и следовало ожидать, подобных зацепок найти не удалось, и тогда Аденауэр решился на беспрецедентный шаг: он объявил, что передумал выдвигаться в президенты.

Этот невиданный политический финт не нашел понимания даже у самых больших поклонников К. Аденауэра и, тем более, у Л. Эрхарда, который к таковым никогда не принадлежал. И без того не идеальные отношения Аденауэра и Эрхарда после этого разладились окончательно. Тем более что для Эрхарда не составляла секрета причина странного поведения Старика: тот считал его абсолютно неспособным к исполнению обязанностей главы правительства. Эрхард же был твердо убежден в обратном: мол, не боги горшки обжигают, и если кто-то и годится в канцлеры, то именно он, общепризнанный «экономический чудотворец».

Тем временем в стране разразился серьезный политический кризис, спровоцированный возведением «Берлинской стены» в августе 1961 г. Престарелый К. Аденауэр вновь повел себя неадекватно: он с большим запозданием прибыл в бурливший по этому поводу Западный Берлин. А там подоспели и очередные выборы в Бундестаг, и соратники недвусмысленно заявили Аденауэру, что хотели бы видеть на месте нового кандидата в канцлеры не его, а Л. Эрхарда. Старик упрямо возражал, но в конце концов согласился на компромисс: в кандидаты выдвинули его, но с условием, что на сей раз он пробудет канцлером лишь половину положенного 4-летнего срока, а затем уступит свой

пост преемнику. Так оно и случилось: в октябре 1963 г. новым канцлером ФРГ был избран Людвиг Эрхард.

Однако уже очень скоро выяснилось, что по сути дела прав был именно опытнейший К. Аденауэр, а не многочисленные сторонники избрания канцлером Л. Эрхарда. Ни одно из достоинств бывшего министра экономики на канцлерском посту не сработало. Кроме разве что замечательного умения Эрхарда выступать перед публикой, за что ему охотно доверяли ораторствовать на партийных митингах перед выборами в Бундестаг. Эрхард в очередной раз проявил это свое искусство в предвыборной кампании 1965 года, вновь помог правящей коалиции выиграть выборы, был снова избран канцлером, но усидел после этого на высоком посту всего лишь год – его несостоятельность в роли главы правительства стала, наконец, очевидна всем.

Вкривь и вкось шли дела даже в экономике – исконной сфере деятельности Л. Эрхарда. Правда, в этом были повинны не столько его просчеты, сколько объективные обстоятельства. Послевоенный экономический бум ушел в прошлое, экономику ФРГ охватил первый в ее истории циклический кризис, и рецепты «социального рыночного хозяйства», которыми всегда руководствовался министр экономики Эрхард, больше не срабатывали. Не лучше обстояло дело и в остальных областях внутренней политики. И уж совсем провально выглядела ситуация во внешнеполитической сфере.

Оказалось, что Л. Эрхард совершенно не умеет поддерживать нормальные отношения с лидерами других стран, даже западных. Так, высокоученого профессора экономики на дух не выносил простоватый президент США Л. Джонсон. А ведь К. Аденауэр прекрасно ладил и с Г. Трумэном, и с Д. Эйзенхауэром, споткнувшись лишь на отношениях с Дж. Кеннеди, годившимся ему не только в сыновья, но и во внуки. В отличие от Аденауэра, который особенно тщательно и терпеливо выстраивал связи с Францией, в недавнем прошлом – злейшим врагом Германии, Эрхард быстро испортил отношения с амбициозным французским президентом Ш. де Голлем. Правда, появились признаки улучшения отношений ФРГ с СССР, однако никакой личной заслуги Эрхарда в этом не было – просто Н. Хрущёв, а затем Л. Брежнев считали его гораздо более приемлемым партнером, чем ненавистного им Аденауэра.

В итоге трехлетнего правления Л. Эрхарда внутриполитическая ситуация усугубилась до такой степени, что в 1966 г. пришлось не только отправить его в досрочную отставку, но и впервые в истории ФРГ сформировать «большую коалицию» из, казалось бы, непримиримых политических противников – ХДС/ХСС и СДПГ.

Я знал Л. Эрхарда главным образом по публикациям: в середине 70-х годов разыскал в новосибирской библиотеке ГПНТБ его еще довоенную статью об изучении экономической конъюнктуры, затем, в период работы над кандидатской, штудировал в спецхранах знаменитую книгу Эрхарда „Wohlstand für alle“ («Благосостояние для всех»). Эрхард не был крупным теоретиком, но писал об экономике столь же зажигательно и популярно, как говорил. Мемуаров Эрхарда я не читал и читать не мог – он оказался единственным экс-канцлером ФРГ, не оставившим после себя воспоминаний. Видимо, так и не собрался с духом изложить на бумаге драматичную историю своего политического банкротства.

Курт Георг Кизингер

К.Г. Кизингер пробыл на посту канцлера ФРГ еще меньше своего предшественника Л. Эрхарда. И если последний известен сегодня в Германии, по крайней мере, как творец послевоенного «экономического чуда», то имя Кизингера (Kiesinger) может вызвать у нынешних достаточно молодых немцев разве что ассоциации с его «почти однофамильцем» Г. Киссинджером (Kissinger). История недолгого канцлерства Кизингера (как, впрочем, и Эрхарда) свидетельствует, пожалуй, в первую очередь о явном недостатке перспективных политиков среди «постаденауэровской» правящей элиты.

Потому и получилось, что политический деятель преимущественно регионального уровня (Кизингер был многолетним и успешным премьер-министром нашего Баден-Вюртемберга) неожиданно стал главой правительства всей страны.

Это произошло в 1966 г. – один из самых сложных моментов в истории ФРГ. Экономика не могла выкарабкаться из депрессии, последовавшей за «экономическим чудом», во внешней политике отсутствовали остро необходимые новые идеи, в обществе нарастал серьезный конфликт «отцов и детей», вылившийся в студенческие бунты 68-го, ощутимо понизился престиж ведущей политической силы страны – христианских демократов. В этих условиях властям ФРГ пришлось впервые пойти на создание правительства «большой коалиции» в составе ХДС/ХСС и СДПГ, которое и возглавил К.Г. Кизингер. В то время подобная структура еще не могла быть устойчивой – христианских демократов и социал-демократов разделяли слишком серьезные идейные и политические противоречия. Другое дело – в наши дни, когда программные положения ХДС/ХСС и СДПГ почти неотличимы и возможность политической коалиции этих партий зависит главным образом от «договороспособности» их лидеров.

Современникам, включая и меня, канцлерство К.Г. Кизингера запомнилось не столько заметными шагами правительства ФРГ, сколько шумными скандалами вокруг нацистского прошлого его главы. Однажды известная левацкая активистка даже «удостоила» канцлера по этому поводу публичной пощечины. Признаться, мне трудно было оценить эту пропагандистскую кампанию, охватившую и советские СМИ. Реальные высказывания и действия канцлера, освещаемые в них, никак не свидетельствовали о том, что он по-прежнему сочувствует нацистским идеям, знакомым ему не понаслышке (Кизингер вступил в НСДАП еще в 1933 г. и был во времена Третьего Рейха министерским чиновником). И для меня остались неясными кардинальные вопросы: в какой мере должен отвечать за свои взгляды и поступки многолетней давности рядовой прислужник такого режима, как нацистский? Означает ли такая ответственность юридический или моральный запрет на занятие высших государственных постов? Наконец: где те люди и инстанции, которые вправе выносить вердикты в подобных случаях?

Эти вопросы, хотя они меня и занимали, казались мне тогда весьма абстрактными материями – я слишком слабо представлял себе политические реалии как Третьего Рейха, так и послевоенной ФРГ. Однако два десятилетия спустя подобная проблематика неожиданно обрела для меня актуальность. В начале 1990 г. я стал кандидатом в народные депутаты РСФСР, и мои избиратели не раз спрашивали меня о том, как я отношусь к идеям суда над КПСС или «люстрации» ее бывших активистов. Мне, никогда не состоявшему в КПСС, было относительно просто высказываться на такие щекотливые темы, и я обычно задавал аудитории встречный вопрос: «А судьи кто?» В самом деле, с радикальными идеями такого рода зачастую выступали сами бывшие члены КПСС, внезапно ставшие «демократами» и «либералами». Но где, после многолетней коммунистической диктатуры, было найти достаточное число авторитетных и компетентных людей, не имевших к ней никакого касательства, дабы организовать масштабный «очистительный» процесс советского общества?

Ответы на подобные головоломные вопросы знали, похоже, только в тогдашней Германии, где в 1992 г. была принята новая версия Федерального закона об изгнанных и беженцах (Bundesvertriebenen- und Flüchtlingsgesetz). Там черным по белому написано, что на прием в Германии в качестве переселенцев не могут рассчитывать лица, оказывавшие «значительное содействие национал-социалистической или иной тирании», занимавшие высокие политические или профессиональные посты, которые они могли получить «лишь в результате особой связи с тоталитарной системой». Интересно, как представляли себе реализацию этих мудреных положений сами германские законодатели? Между тем, соответствующая практика хорошо известна: решения об отказах в приеме по данным мотивам принимали германские чиновники, совершенно не представлявшие себе жизни в

советских условиях, а то и бывшие переселенцы из Польши, люто ненавидящие все российское и советское. Вот вам и германский ответ на сакраментальный вопрос: «А судьи кто?»

В отличие от Л. Эрхарда, К.Г. Кизингер оставил воспоминания – правда, успел довести их лишь до 1958 г., т.е. не коснулся важнейших этапов своей политической деятельности на постах премьер-министра Земли Баден-Вюртемберг и канцлера ФРГ. В начале 90-х годов я прочел эту книгу и убедился, что Кизингер писал столь же умело, как говорил (он, как и Эрхард, славился своими ораторскими дарованиями). Однако книга показалась мне интересной не столько для читателей, желающих проникнуть в личность ее автора, сколько для обычных любителей истории Германии 1-й половины XX века.

После переезда в Германию я оказался в местах, непосредственно связанных с жизнью и деятельностью К.Г. Кизингера. Так, после войны он одно время работал адвокатом в нашем Роттенбурге; неподалеку от улицы Конрада Аденауэра, где поселились мы, есть и небольшая улочка его преемника Курта Георга Кизингера. Кизингер и похоронен в близлежащем к нам Тюбингене, где он прожил свои последние годы. Однако все это не привело к тому, чтобы фигура третьего канцлера ФРГ стала мне более понятной или близкой.

Вилли Брандт

По результатам очередных выборов в Бундестаг, состоявшихся в 1969 г., больше всех голосов по традиции набрал блок ХДС/ХСС. Однако вновь возглавить правительство христианским демократам уже не удалось: канцлером в первый раз в истории ФРГ стал представитель социал-демократов – В. Брандт. В процесс формирования правительства впервые вмешалась Свободная демократическая партия Германии (СвДП), с которой и вступила в коалицию СДПГ. Впоследствии свободные демократы еще не раз выступят в аналогичных ситуациях в качестве решающей «третьей силы», на стороне то одной, то другой из двух ведущих партий. Сегодня им эта роль больше не по плечу – по итогам парламентских выборов 2013 года СвДП впервые не сумела пробиться в Бундестаг. Не видно на горизонте и других политических сил, которые могли бы выступить в подобном качестве.

В. Брандт имел, без сомнения, самую необычную биографию среди всех канцлеров ФРГ. Герберт Эрнст Карл Фрам (его подлинное имя) был внебрачным ребенком, не знал своего отца и очень мало воспитывался матерью. Окончив школу, не стал продолжать образование, но еще на школьной скамье занялся журналистикой и политической деятельностью в рядах молодежной социал-демократической организации. Вскоре порвал с СДПГ, политический курс которой счел слишком соглашательским, и стал молодежным лидером в ультрасоциалистическом лагере. Весь период Третьего Рейха провел в норвежской, а затем в шведской эмиграции, был лишен нацистами германского гражданства. Вернулся в поверженную Германию гражданином Норвегии, освещал Нюрнбергский процесс в качестве корреспондента скандинавских газет.

Однако затем судьба норвежского журналиста претерпевает крутой перелом: вновь обретя германское гражданство, В. Брандт в 1949 г. входит в первый Бундестаг ФРГ, представляя там социал-демократов Западного Берлина. С этим городским анклавом и будет связана его дальнейшая политическая карьера: в 1955 г. он возглавляет местную Палату депутатов, а в 1957 г. избирается Правящим бургомистром Западного Берлина и сохраняет этот пост до конца 1966 г., когда становится министром иностранных дел ФРГ в правительстве «большой коалиции» К.Г. Кизингера.

Трудно представить себе более несхожих политических деятелей, чем В. Брандт и К.Г. Кизингер. И то, что такие люди оказались на ведущих постах в одном и том же правительстве, уже само по себе свидетельствует о глубоком кризисе, охватившем тогда политическую систему ФРГ. Иногда высказывается мнение, что Брандт еще на посту

министра иностранных дел начал закладывать основы своей будущей «восточной политики». Если и начал, то разве что в чисто риторическом плане – на нечто большее Кизингер ни за что бы не дал согласия. Однако к тому времени уже была выдвинута концепция «Изменений через сближение» (Wandel durch Annäherung), которую принято считать идейной основой «новой восточной политики» Брандта.

Автором этой идеи был вышеупомянутый Э. Бар, ближайший политический советник В. Брандта. Она подразумевала не только изменения во взаимоотношениях между ФРГ и ее восточными соседями за счет сближения с ними. Ставилась и гораздо более амбициозная задача – постепенное изменение на этой основе самого общественного строя стран Восточной Европы. В СССР подобные идеи было принято называть «размягчением социализма извне», чего советские вожди боялись, как огня. Потому не удивительно, что они воспринимали «изменения через сближение», в лучшем случае, настороженно. Однако о «новой восточной политике» как таковой, да и о самом ее глашатае Брандте в СССР по большей части высказывались вполне позитивно.

Правда, до прихода В. Брандта к власти отношение к нему наших лидеров было совсем иным – уж очень сильно он досаждал им в своем качестве бургомистра Западного Берлина, особенно после возведения «Берлинской стены». В этой связи вспоминается, например, заметка в сатирическом журнале «Крокодил» о школьном сочинении старшего сына Брандта Петера, которому было тогда лет 17. Если мне не изменяет память, Петер поддержал идею превращения Берлина в «вольный город», которую упорно выдвигали власти СССР и ГДР, но категорически отрицал отец автора сочинения. Лейтмотив этой ядовитой статейки был таким: мол, сынок-то, оказывается, уже вырос поумнее папаши!

Идея Э. Бара о «размягчении социализма путем сближения» оказалась вполне провальной: политические системы советского типа мало реагировали на подобные внешние воздействия. И коренной поворот в политике СССР при М. Горбачёве этому факту отнюдь не противоречит: вопреки распространенному заблуждению, советская система начала рассыпаться главным образом под действием внутренних, а не внешних факторов. А вот относительно перемен в межгосударственной сфере Э. Бар был совершенно прав: «новая восточная политика» привела и к нормализации во взаимоотношениях ФРГ с ее восточными соседями, и к установлению дипломатических отношений с Польшей, Чехословакией и даже ГДР, и к принятию обоих германских государств в ООН в 1973 г. Однако на этом возможности «новой восточной политики» были практически исчерпаны, после чего верхушка СДПГ поспешила избавиться от канцлерства своего формального лидера. «Формального» – поскольку бывший левацкий деятель В. Брандт во многом так и остался чужеродным телом в своей «старо-новой» партии.

Дабы разобраться в этом странноватом феномене, обратимся к началу политической карьеры В. Брандта в Западном Берлине. Новичок в тамошних политических кругах, он почти сразу же попал в окружение многоопытного берлинского обер-бургомистра Э. Рейтера. Тот тоже не отличался политическим постоянством: член СДПГ до 1-й мировой войны, Рейтер примкнул в русском плену к большевикам и даже стал в 1918 г. первым руководителем немецкой автономии на Волге, затем вернулся в Германию, где со временем порвал с коммунизмом и вновь оказался в стане социал-демократов. Видимо, под влиянием своего политического патрона Рейтера Брандт и решил возвратиться к социал-демократическим истокам.

Как бы там ни было, В. Брандт, быстро обретя вес в Западном Берлине, долго оставался политическим аутсайдером в самой ФРГ. Перелом наступил, пожалуй, только в 1961 г., когда Брандт, находясь в зените своей популярности ввиду бескомпромиссной позиции, занятой им по поводу возведения «Берлинской стены», был выдвинут кандидатом в канцлеры от СДПГ на выборах в Бундестаг. Несмотря на относительную неудачу Брандта в данном качестве, после этого его авторитет начал расти и среди западногерманских избирателей, и внутри самой СДПГ – не считая, правда, ее верхов.

Дело в том, что после смерти в 1952 г. политического радикала К. Шумахера, первого послевоенного председателя СДПГ, и избрания на этот пост гораздо более умеренного Э. Олленхауэра верхушка партии стала все заметней дрейфовать вправо, что и нашло выражение в принятии в 1959 г. вышеупомянутой Годесбергской программы партии, насквозь реформистской по своему духу. Однако этот дрейф не находил безоговорочной поддержки ни в массе рядовых членов СДПГ, ни у В. Брандта, избранного в 1964 г. председателем партии взамен умершего Олленхауэра. Пока СДПГ находилась в оппозиции, это явное противоречие еще не было критическим. Однако терпеть на посту канцлера человека, столь чуждого им по духу, лидеры СДПГ были готовы лишь до поры до времени.

Повод решить этот кадровый вопрос подвернулся весной 1974 г., когда выяснилось, что Г. Гийом, один из ближайших сотрудников В. Брандта, является восточно-германским шпионом. Тогда канцлеры ФРГ еще не позволяли так нагло шпионить за собой, как это делает сегодня А. Меркель в отношении американских спецслужб, и разразился грандиозный политический скандал. И тут же выяснилось, что лидеры СДПГ настроены не пригасить, а, напротив, разжечь его. Особенно усердствовали в этом плане Г. Венер – в прошлом матерый коминтерновец, а затем политический союзник Брандта, и будущий канцлер Г. Шмидт, отношения которого с Брандтом всегда были прохладными. Не найдя поддержки даже у ближайших коллег по партии, Брандт вынужден был уйти в отставку. Эта неприглядная история ярко высветила не только ситуацию в руководстве СДПГ, но и возможности знаменитой спецслужбы ГДР – Штази. Возможности самостоятельные, а не подкрепленные Москвой, где никому не могло прийти в голову поставить под угрозу политическую карьеру Брандта, которого высоко ценил Л. Брежнев.

В. Брандт был единственным канцлером ФРГ, которого мне довелось увидеть воочию, – правда, уже после его скандальной отставки. Летом 1975 г. экс-канцлер неожиданно посетил отдел математического моделирования новосибирского Института катализа, где я в то время работал. Посмотреть у нас в отделе было практически не на что, не считая только электронно-вычислительной техники. Высокому гостю не стали демонстрировать наши допотопные «Мински», ограничившись показом только что установленной аналоговой машины югославского производства. Брандт вежливо взглянул на этот агрегат и выслушал пояснения нашего руководства, но его кирпично-красное лицо не выражало при этом ровным счетом ничего. Да и чем могла заинтересовать жителя ФРГ, далекого от вычислительной техники, какая-то югославская ЭВМ? Тогдашний загар Брандта был, видимо, советского происхождения – перед приездом в Новосибирск он, помнится, отдыхал на Черном море по личному приглашению Л. Брежнева.

Через полтора десятка лет мне представилась возможность ознакомиться и с эпистолярным творчеством В. Брандта – его обширные воспоминания были переведены на русский язык и изданы в Москве. Я прочел книгу с интересом – в отличие от многих других сочинений подобного рода, она была написана весьма живо. Однако по этим мемуарам было хорошо видно, что Брандт, имевший за собой долгую политическую карьеру, до конца своих дней воспринимал мир скорее как журналист, чем как политик.

Последняя вспышка политической активности В. Брандта пришлась на период объединения Германии. Он не раз выступал в это время и в Западном Берлине, и в городах ГДР, восторженно приветствуемый толпами собравшихся. Именно тогда была произнесена его крылатая фраза: „Jetzt wächst zusammen, was zusammengehört“ («Теперь срастается то, что должно быть едино»). Это изречение подчас относят ко всей Германии, но так могут считать только люди, мало осведомленные о Брандте и его политических взглядах. В. Брандт, как и подавляющее большинство лидеров СДПГ, никогда не был поборником объединения Германии. А вот единый Берлин действительно являлся его жизненным приоритетом, и «должно быть едино» Брандт сказал именно о Берлине, назавтра после долгожданного падения «Берлинской стены».

Гельмут Шмидт

Г. Шмидта, сменившего В. Брандта на посту канцлера ФРГ, столь же трудно назвать типичным социал-демократическим политиком, как и его предшественника. Однако, если Брандт был ярко выраженным социал-демократом левого, даже левацкого толка, то Шмидт, напротив, правого. Шмидт, в отличие от Брандта, обратился к социал-демократии очень поздно, лишь после возвращения из английского плена в 1945 г. И этот политический выбор был связан, по всей видимости, не столько с его личными предпочтениями, сколько с общей левизной послевоенного западногерманского общества, особенно заметной в Гамбурге, родном городе Шмидта. А до этого он, окончив школу, был 8 лет, вплоть до конца войны, связан со службой в Вермахте. Шмидт служил в зенитной артиллерии, воевал на нескольких фронтах, в т.ч. в 1941 г. – под Ленинградом.

Первые шаги в политической карьере Г. Шмидта связаны с его деятельностью в социалистическом студенческом движении в период изучения им экономики в Гамбурге. Единственной его значимой должностью в самой СДПГ был пост заместителя председателя партии, который Шмидт занимал 16 лет, начиная с 1968 г. А в течение 1969-74 гг. он был одним из ключевых министров в правительстве В. Брандта – сначала министром обороны, потом финансов.

В бытность министром, а затем канцлером ФРГ Г. Шмидт заслуженно считался опытным и эффективным администратором, он хорошо умел налаживать деловые связи, в т.ч. с зарубежными лидерами. Некоторые из тогдашних партнеров Шмидта – француз В. Жискар д'Эстен, американец Г. Киссинджер – даже стали его многолетними личными друзьями. Неплохие отношения сложились у Шмидта и с Л. Брежневым, они начали портиться только в конце 70-х годов, когда между Востоком и Западом развернулось острое противоборство вокруг так называемого «двойного решения» НАТО.

Речь шла о масштабном развертывании американских ракет средней дальности в Европе в ответ на аналогичные действия СССР. Ведущим поборником этой меры был на Западе именно Г. Шмидт. В советской печати тех лет эта позиция канцлера ФРГ нередко объяснялась тем, что он не желает или не может противостоять соответствующему нажиму американцев. По-моему, это абсолютно не так. Шмидт был далек от энтузиазма в отношении претензий властей США на глобальную роль в мировых или европейских делах. А тогдашняя американская администрация во главе с Дж. Картером относилась к развертыванию своих средних ракет в Европе весьма индифферентно, резонно полагая, что соответствующие советские ракеты ничем не угрожают США. Это обстоятельство и тревожило Шмидта: он считал угрозу от советских ракет особенно опасной именно потому, что американцы по логике вещей склонны были ее недооценивать. При этом Шмидт вовсе не страдал антисоветским военным психозом – просто он рассуждал как опытный военный деятель в условиях, когда «разрядка» между Востоком и Западом уже практически сошла на нет и международная обстановка становилась все мрачней.

Среди всех канцлеров ФРГ, за действиями которых я активно следил, Г. Шмидт был мне наиболее симпатичен. Ладный, подтянутый, энергичный, он буквально излучал жажду деятельности, стремление разобраться в сложных внутренних и международных делах. Со Шмидтом меня объединяло даже наше обоюдное пристрастие к сигаретам с ментолом.

Нравились мне и многочисленные книги Г. Шмидта, изданные им после вынужденной отставки. Они, в отличие от тех же воспоминаний В. Брандта, отличались не только живым изложением, но и импонирующим мне аналитическим подходом к излагаемым сюжетам. Правда, в публикациях и устных выступлениях Шмидта не обходилось и без неистребимого порока отставных политиков – стремления приукрасить свои действия и, напротив, всячески очернить былых соперников. Меня особенно покоробило в этом смысле одно его интервью почти 10-летней давности, где он безо

всякого смущения возложил ответственность за наплыв турецких иммигрантов в ФРГ, начиная с 60-х годов, на ХДС/ХСС и персонально Л. Эрхарда, хотя социал-демократы потворствовали, если не содействовали этому небезопасному процессу намного больше. Не буду входить в детали – я уже изложил их в своей работе «<Столкновение цивилизаций> и российские немцы». Скажу только, что политики, даже самые лучшие, слишком специфичная публика, чтобы мы, обычные люди, могли до конца проникнуть в смысл их слов или действий.

Я считаю Г. Шмидта, наряду с К. Аденауэром и Г. Колем, одним из трех самых видных канцлеров ФРГ. Шмидт, в отличие от них, не войдет в историю своими выдающимися делами – его правление пришлось в ФРГ и во всей Европе на период безвременья. Однако Германия будет долго помнить уникальную особенность Гельмута Шмидта – он свыше трех десятилетий после своей отставки, до самых последних дней, оставался для страны не только политическим, но и человеческим авторитетом.

Гельмут Коль

Приход к власти канцлера Г. Коля ознаменовал собой смену поколений в политической элите страны. Если все предыдущие канцлеры ФРГ пережили минувшую войну уже зрелыми людьми, то Колю на момент ее окончания было всего 15 лет. Да и канцлером Коль стал в 52 года – раньше всех своих предшественников. Между тем, у него были шансы занять этот пост уже в 46 лет – на выборах в Бундестаг 1976 года блок ХДС/ХСС во главе с Колем добился едва ли не рекордного результата, но тогда христианских демократов несколько обошла по совокупности голосов коалиция СДПГ/СвДП. В 1982 г. свободные демократы в очередной раз сменили партнеров по правительственной коалиции, и тем самым кандидатуре Г. Коля было обеспечено большинство при избрании нового канцлера.

До прихода на этот пост Г. Коль (как, к примеру, и К.Г. Кизингер) был заметным региональным политиком – он 7 лет возглавлял правительство своей Земли Рейнланд-Пфальц. Однако, в отличие от этого далекого предшественника, Коль успел проявить себя и на федеральном уровне – 6 лет являлся лидером фракции ХДС/ХСС в Бундестаге. Таким образом, послужной список нового канцлера ФРГ был достаточно солидным. Однако вес и потенциал того или иного политика определяется не только анкетными данными.

До 1982 г. Г. Коль считался опытным, но не особо видным политическим деятелем: ни на одном из своих предыдущих постов он не совершил чего-либо экстраординарного. Однако следует отметить и другое: Коль, довольно спокойный, даже добродушный на вид, умел общаться с избирателями в самых разных ситуациях и почти ни у кого не вызывал резкого отторжения. Это и обеспечивало обычно Колю достаточно высокие результаты на выборах, и в данном отношении с ним мало кто мог соперничать. В этом убедился на собственном горьком опыте хотя бы харизматичный, но слишком экспансивный баварец Ф.Й. Штраус. Он ряд лет пытался оспорить лидерские позиции Коля в ХДС/ХСС, и тот вполне разумно уступил Штраусу место кандидата в канцлеры на выборах в Бундестаг 1980 года, где темпераментный южанин, как и следовало ожидать, провалился – за пределами Баварии избиратели воспринимали его с трудом. И на этом с конкуренцией Штрауса и Коля было покончено навсегда.

Первые 8 лет канцлерства Г. Коля не были отмечены какими-то особыми политическими событиями. И он бы, возможно, так и остался политическим лидером средней руки, но тут наступил бурный 90-й – год объединения Германии. Конечно, мотором этого исторического процесса был не столько Коль, сколько лидеры СССР и США – М. Горбачёв и Дж. Буш-старший. Однако Коль воспользовался уникальными политическими возможностями сполна и вполне заслуженно вошел в историю в качестве Канцлера германского единства. Окажись в то время на его месте предшественник Г. Коля

Г. Шмидт или преемник Г. Шрёдер, еще неизвестно, как бы происходило и насколько затянулось объединение страны.

Однако Германии и лично Г. Колю пришлось заплатить за это событие дорогую цену. Процесс интеграции бывшей ГДР в единое Германское государство оказался намного более затратным, чем предрекали эксперты и обещал избирателям сам Коль. Заметно оскудела федеральная казна, прекратился экономический рост, резко подскочила безработица, понизился уровень жизни населения. К этому добавились проблемы, связанные с введением единой европейской валюты – евро. Ее упорнейшим лоббистом стал, как ни странно, тогдашний президент Франции Ф. Миттеран, хотя с самого начала было ясно, что основным бенефициаром от введения евро окажется отнюдь не Франция, а Германия. Коль не стал возражать ближайшему зарубежному союзнику, но вполне сознавал, что основная масса германских избирателей предпочитает новоиспеченному евро добрую старую марку. Понятно и то, что от Коля, уже просидевшего в канцлерском кресле рекордный для ФРГ срок, избиратели стали попросту уставать. Таким образом, проигрыш Г. Коля на выборах в Бундестаг 1998 года оказался вполне ожидаемым.

После своей отставки Г. Коль издал уже несколько томов воспоминаний. Я пока что прочел только первый из них, где рассказано о жизни и деятельности автора до 1982 г., т.е. до его избрания канцлером ФРГ. Книга показалась мне небезынтересной, но до лучших публикаций подобного рода – мемуаров К. Аденауэра и Г. Шмидта – ей, по-моему, далеко.

На период канцлерства Г. Коля пришлось еще одно знаменательное событие – массовый прием в ФРГ немцев-переселенцев с территории СССР, а затем и его государств-наследников. Именно тогда переселилось на историческую родину подавляющее большинство этих переселенцев и членов их семей, проживающих сегодня в Германии. Летом 1998 г., незадолго до роковых для Коля выборов в Бундестаг, Землячество немцев из России устроило в Штутгарте картинное шоу – встречу «отца нации» с ее вновь обретенными «детьми». Для меня так и осталось загадкой, на какой результат рассчитывали организаторы данного действа, – ведь основная масса наших переселенцев и без того проголосовала бы за Коля и его ХДС/ХСС. Я не участвовал в этом мероприятии, хотя присутствовал по приглашению Землячества на трех предыдущих встречах наших переселенцев в Штутгарте. Однако на сей раз там представляла Общественную академию наук российских немцев в Москве моя будущая жена Наталия Варденбург, поделившаяся своими впечатлениями от «исторического» рандеву с Колем. Судя по ее рассказу, встреча была теплой и даже трогательной, но спасти Коля от поражения на выборах не могло уже, увы, ничто.

Вскоре после этих выборов разразился шумный политический скандал: ХДС обвинили в незаконном финансировании своих избирательных расходов. Речь шла о сумме около 2 млн. марок, источник которой Г. Коль сообщить отказался, сославшись на честное слово, данное спонсорам, хотя по закону обязан был предоставить соответствующую информацию. В итоге всей этой аферы от своего многолетнего лидера отреклась собственная партия: в 2000 г. она лишила Коля титула почетного председателя ХДС, которым торжественно удостоила его двумя годами раньше.

По-моему, только наивные простаки или неисправимые «либералы» в состоянии поверить, что в «демократическом западном мире» избирательные кампании не могут финансироваться в обход закона. Вопрос в другом: всегда ли такие факты просачиваются наружу, и кто бывает заинтересован в их обнародовании или последующем раздувании? В случае «аферы Коля» ответ на последний вопрос достаточно очевиден: ее без устали раздували основные германские СМИ. Воздержусь от спекуляций на предмет того, чем при этом руководствовались они или, точнее сказать, их влиятельнейшие хозяева. Для меня ясно одно: эти СМИ представляют собой сегодня отнюдь не рупоры для свободного выражения альтернативных взглядов, а мощные инструменты по обработке общественного мнения.

Свидетельством тому является и другая скандальная история – с отставкой президента ФРГ Х. Кёлера в 2010 г. С готовностью воспользовавшись публичным высказыванием Кёлера, быть может – не вполне «политкорректным», но отнюдь не заслуживающим порицания, германские СМИ раздували этот ничтожный инцидент до тех пор, пока не принудили к уходу достойного во всех отношениях политического деятеля. Как выразился в свое время по другому поводу советский сатирический журнал «Крокодил»: «На этом маленьком примерике судите сами об Америке!»

Однако в «афере Коля» меня поразила не столько разнузданная позиция германских СМИ, сколько аналогичное поведение его коллег по партии. Подумать только: ближайшие сотрудники Г. Коля, еще вчера заглядывавшие ему в рот, принялись наперебой оплевывать своего поверженного кумира! Тут уже напрашивается изречение не из «Крокодила», а из совсем другого источника: «О времена! О нравы!»

Герхард Шрёдер

Г. Шрёдера, сменившего Г. Коля на посту канцлера ФРГ, можно с еще большим основанием отнести к поколению послевоенных политиков: он появился на свет всего за год до конца войны и по своей жизненной судьбе ничем не отличался от уроженцев первого послевоенного десятилетия. В своей книге детских и юношеских воспоминаний я назвал этих наших ровесников поколением «гомо антиполитикус», т.е. людей, не просто аполитичных, но и сознательно дистанцировавшихся от существующих политических реалий. Я отнес это явление к жителям СССР, однако оно может быть прослежено и в Германии, в т.ч. в биографии Г. Шрёдера.

Юный Г. Шрёдер, росший без отца, погибшего на войне, и воспитывавшийся в очень скудных условиях, направил все свои усилия на то, чтобы выбиться из нищеты и получить достойное образование. В итоге ему удалось окончить университет и в 32 года стать, наконец, дипломированным юристом.

Параллельно разворачивалась политическая карьера Г. Шрёдера: в 19 лет он вступил в СДПГ – достаточно естественный выбор для юноши, выросшего в нищете. Его последующая политическая жизнь протекала в среде «Молодых социалистов», формально – молодежной организации СДПГ, но на деле антисистемного политического образования, в отличие от самой партии социал-демократов. С 34 до 36 лет Шрёдер даже возглавлял «Молодых социалистов» на федеральном уровне – весьма и весьма зрелый возраст для молодежного лидера, хотя по советским меркам не столь уж солидный: Б. Пастухов, руководивший в те годы ВЛКСМ, был еще на 11 лет старше.

Вслед за этим Г. Шрёдер в течение 6 лет являлся депутатом Бундестага, однако затем перенес свои парламентские амбиции на региональный уровень. Примечательно, что уже при первых своих выборах в Ландтаг Нижней Саксонии Шрёдер подумывал о будущей коалиции с еще одной антисистемной силой – партией «зеленых», против чего категорически возражали тогдашние вожди СДПГ. С 46 до 54 лет Шредер был премьер-министром Земли Нижняя Саксония, после чего и стал канцлером ФРГ.

Таким образом, Г. Шрёдер приобрел до своего канцлерства довольно разнообразный политический и административный опыт, однако преимущественно на региональном уровне, да еще и с явным антисистемным креном. Насколько известно, в 68-м студент Шрёдер не примкнул к тогдашним молодежным бунтам, однако по духу (хотя и не по темпераменту) их участники должны были быть ему весьма близки. И далеко не случайно, что партнером Шрёдера по правящей коалиции стал лидер «зеленых» Йошка Фишер, в прошлом – один из известнейших бунтарей 68-го.

Чего добивались эти изначально антисистемные деятели, возглавив правительство Германии? Если судить по их правительственной программе, то глубоких реформ, как в экономике, так и в самых разных областях социальной жизни. Однако «пообещать – не значит жениться», и уже вскоре избиратели «красно-зеленых» стали недовольствовать по

поводу невыполнения их избранниками своих предвыборных обещаний. Тут нужно учесть и то обстоятельство, что социалисты, да еще левацкого толка, никогда не отличались умением или хотя бы желанием проводить серьезные экономические реформы. Другое дело – чисто социальная сфера: по части «отнять и поделить» эти деятели всегда были доками.

Так получилось и на сей раз, когда в 2003 г. правительство Г. Шрёдера запустило свою самую амбициозную программу «Повестка 2010» (Agenda 2010), одним из основных разработчиков которой был П. Гартц (Hartz). Нашим переселенцам, получающим пособие по безработице 2-й категории (Arbeitslosengeld-II или Hartz-IV), хорошо известно, что «отняли и поделили» в данном случае отнюдь не в пользу самых неимущих слоев германского общества. Но кто сказал, что левые социалисты умеют только это? Для них ведь главное не то, от кого и кому, а сам процесс дележа общественного пирога усилиями госчиновников. Популярности правительству у широких слоев избирателей эти «реформы», естественно, не добавили, что и продемонстрировали парламентские выборы 2005 года.

Единственной относительно успешной сферой деятельности правительства Г. Шрёдера неожиданно оказалась внешняя политика. Это едва ли можно считать личной заслугой министра иностранных дел Й. Фишера – просто ситуация на мировой арене складывалась таким образом, что внешнеполитические приоритеты ФРГ были достаточны ясны большинству германских политиков. Так, здравомыслящие люди из их числа отнюдь не горели желанием поддержать авантюру в Ираке, затеянную руководством США. Поскольку аналогичных позиций придерживались также в Париже и Москве, то наметился своего рода политический альянс Г. Шрёдера с президентами Франции и России – Ж. Шираком и В. Путиным. Некоторые горячие головы поговаривали даже о будущей политической оси Париж – Берлин – Москва. Однако после смены руководства во Франции и в Германии ситуация стала разворачиваться в диаметрально противоположном направлении. Тем не менее, противостояние подготовке американской агрессии в Ираке помогло «красно-зеленым» выиграть с минимальным перевесом парламентские выборы 2002 года.

В 2005 г. этот относительный успех повторить не удалось – на сей раз внешнеполитический фактор не сыграл в предвыборных баталиях особой роли. А во внутренних делах «красно-зеленым», мягко говоря, было нечем особо похвалиться. Правда, СДПГ несколько опередила по набранным голосам ХДС – христианские демократы во главе с А. Меркель вызывали у избирателей еще меньше доверия. Тем самым на горизонте, впервые с 1969 г., замаячила «большая коалиция», которую после долгого «перетягивания каната» возглавила Меркель. В таком коалиционном правительстве Шрёдер участвовать не пожелал, на чем и завершилась его политическая карьера. Могу добавить к этому только то, что книга воспоминаний Г. Шрёдера, стоящая в моем шкафу, показалась мне столь же сумбурной и маловразумительной, как и вся его политическая деятельность.

Ангела Меркель

Ныне действующего канцлера А. Меркель я воспринимаю, конечно, иначе, чем ее предшественников – ведь с 2007 г., после переселения в Германию и получения германского гражданства, мне довелось следить за политикой фрау Меркель не издали, а, так сказать, изнутри. Однако мое отношение к Меркель сложилось еще до приезда в Германию, а здесь оно лишь конкретизировалось и уточнилось. Я считал и считаю, что А. Меркель была готова к занятию высокого поста главы правительства и подходила для этой роли хуже любого своего предшественника.

В этой связи мне вспоминается 18 сентября 2005 г. – день досрочных выборов в Бундестаг, в результате которых А. Меркель и пришла к власти. В тот вечер германское

посольство в Москве устроило большой прием с телетрансляцией хода голосования, на который были приглашены и мы с женой. Разговорившись там со своим давним знакомым, советником посольства по культуре, я прямо спросил его, чем руководствовался блок ХДС/ХСС, выставив столь неподходящего кандидата в канцлеры, как Меркель. И добавил, что компетентный и многоопытный В. Шойбле (до сих пор успешно справляющийся с нелегкой ролью министра финансов Германии) подошел бы для должности канцлера гораздо лучше. Мне было известно, что Шойбле еще в 2000 г. вынудили уйти из руководства ХДС, но я полагал, что в критической ситуации, сложившейся в Германии 5 лет спустя, нужно отбросить старые партийные распри и руководствоваться при выдвижении кандидатуры канцлера исключительно интересами дела. Мой собеседник был явно расстроен неожиданно низкими результатами голосования за ХДС/ХСС во главе с Меркель и ограничился лаконичным напоминанием о том, что Шойбле, после злодейского покушения на него, прикован к инвалидному креслу. Я возразил, что президент США Ф. Рузвельт 12 лет успешно руководил страной из подобного кресла, на что германский дипломат только развел руками.

Сразу же оговорюсь, что А. Меркель, на мой взгляд, присущи и определенные достоинства, необходимые любому политику: неплохая обучаемость, свойственная деятелям науки, ораторские дарования, трудоспособность, упорство, крепкие нервы, политическая гибкость. Однако даже всех этих качеств, вместе взятых, еще далеко не достаточно для руководства таким большим и сложным государством, как современная Германия, тем более, если перед ним стоит масса труднейших проблем. При этом перечисленные достоинства Меркель сплошь и рядом оборачиваются своей противоположностью: ораторские дарования – тягостным пустословием, упорство – безрассудным упрямством, политическая гибкость – вопиющей беспринципностью и т.д. К несчастью для Германии и самой Меркель, вся жизнь будущего канцлера до 51 года, когда она пришла к власти, складывалась так, что это могло скорее навредить, чем способствовать ее успешной государственной и политической деятельности.

Начнем с того, что свои первые 36 лет А. Меркель прожила в ГДР, зная о ФРГ главным образом понаслышке. И последующих 15 лет ее жизни в единой Германии, конечно же, не могло хватить для познания этого государства настолько, чтобы эффективно им управлять. Не так давно во главе страны появился еще один выходец из бывшей ГДР, президент Германии Йоахим Гаук, – тенденция, однако! Эта аномальная кадровая ситуация связана, конечно, не с особой пригодностью данных персонажей для занятия высших государственных должностей – скорее, с пониженной критической самооценкой, а также с большей готовностью восточно-германских выдвиженцев к жесткой кадровой конкуренции, чем у изнеженных западных немцев.

Однако дело не только в степени готовности А. Меркель к руководящей деятельности, но и в том специфичном воспитании, которое она получила в ГДР. Назойливая государственная пропаганда, неустанно шельмовавшая всё западное, не могла не создать у определенной части жителей ГДР, в первую очередь интеллигенции, впечатления, что Запад, напротив, представляет собой безоговорочный пример для подражания. Не отсюда ли полная готовность Меркель поддержать любые внешнеполитические шаги властей США, вылившаяся в последние годы в ее откровенную сервильность по отношению к «лидеру западного мира»?

Далее, А. Меркель и Й. Гаук произошли из церковной среды: пасторами и религиозными деятелями были как отец Ангелы, так и сам Йоахим. Признаться, я бы трижды подумал, прежде чем проголосовать за избрание на высшие государственные посты людей с подобной родословной. У меня нет сомнений в субъективной честности основной массы священников из ГДР, однако они, как и их семьи, находились под слишком жестким прессом небезызвестной Штази, чтобы это могло пройти для них бесследно. Я веду речь не о необходимости люстрации, на которой так настаивают многие

современные «демократы» применительно к «прислужникам тоталитарных режимов», а лишь об элементарной предосторожности.

А. Меркель окончила в 1978 г. физический факультет Лейпцигского университета и следующие 11 лет проработала научным сотрудником в Центральном институте физической химии Академии наук ГДР. Между тем, ученые естественно-технического профиля чрезвычайно редко становятся крупными политическими или государственными деятелями – эти две сферы требуют слишком разных способностей и наклонностей. Среди советских и постсоветских ученых мне вспоминаются лишь два подобных примера – академиков А. Сахарова и Ю. Рыжова, да и те не особо показательны. Сахаров, не считая правозащитной деятельности, известен в общественно-политической сфере главным образом как приверженец «теории конвергенции» – для своего времени достаточно интересной, но к концу 80-х годов, когда он получил возможность открыто ее пропагандировать, уже изрядно устаревшей. Рыжов был послом во Франции, т.е. исполнял в первую очередь представительные, а не управленческие функции.

В 35 лет А. Меркель оставила научную работу, явно лишенную перспектив в условиях объединения Германии, когда практически вся наука ГДР была выброшена на свалку, и впервые занялась вплотную общественно-политическими делами. Ее участие в жизни молодежной коммунистической организации ГДР, за что некоторые наши переселенцы охотно называют Меркель «комсомолкой», не в счет: в подобные дела там старались втянуть максимально широкий круг молодежи. Таким образом, А. Меркель, как и Г. Шрёдера, можно отнести к типичным представителям поколения «гомо антиполитикус», но ее до 35 лет политика, похоже, не интересовала вовсе – со всеми вытекающими отсюда последствиями для дальнейшей деятельности будущего канцлера Германии.

С конца 1989 г. А. Меркель сотрудничала в нескольких новых общественно-политических структурах, возникших на руинах ГДР, но уже в начале октября 1990 г., в дни объединения Германии, вступила в ХДС и даже сумела добиться личной встречи с многолетним лидером христианских демократов, канцлером Г. Колем. Некоторые тогдашние знакомые Меркель удивлялись задним числом, почему она остановила свой выбор именно на ХДС, а не на партии «зеленых», которым вроде бы симпатизировала гораздо больше. Святая простота: что такое полумаргинальные «зеленые» по сравнению с влиятельнейшей партией Германии!

Дальнейшая карьера новоиспеченной христианской демократки развивалась в темпе блиц: в декабре 1990 г. она избирается в Бундестаг на первых в единой Германии парламентских выборах, после чего Г. Коль совершенно неожиданно назначает А. Меркель министром в своем новом правительстве. Ее вновь созданное министерство было вполне заурядным, но, как говорится, лиха беда начало! В 1994 г., по итогам очередных выборов в Бундестаг, Меркель была удостоена уже более заметного министерского поста, который занимала все последующие 4 года, вплоть до самого конца «эры Коля». Нарастал и вес Меркель в партийной иерархии: уже в конце 1991 г. она была избрана одним из заместителей председателя ХДС, т.е. Коля.

Президент США Дж. Кеннеди когда-то изрек: «У победы тысяча отцов, а поражение всегда сирота», имея в виду провальную авантюру США на Кубе в 1961 г. 37 лет спустя Г. Коль всего лишь проиграл парламентские выборы, но это имело для него не менее катастрофические последствия, чем для Кеннеди – фиаско в заливе Свиней. Как мы уже отмечали, противники Коля воспользовались этим поражением для обвинения его в финансовых махинациях, а коллеги по партии охотно «сдали» своего многолетнего лидера.

Первой в ряду этих «сдатчиков» оказалась именно А. Меркель, «девочка Коля», как ее привыкли называть. В конце 1999 г., уже в роли генсека ХДС, она поместила во влиятельнейшей газете Германии «Франкфуртер Альгемайне» свою статью «Нарушения, допущенные Гельмутом Колем, нанесли ущерб партии», где недвусмысленно призвала:

«Партия должна сделать первые самостоятельные шаги, должна поверить в себя, что и без <старого боевого коня>, как себя часто называл сам Гельмут Коль, сможет продолжить борьбу со своими политическими противниками. Как подросток в пубертатный период, она должна оторваться от родительского дома и пойти собственной дорогой». И «бездомная» отныне ХДС действительно пошла под руководством Меркель «собственной дорогой» – ко все более заметному идейному и моральному ничтожеству.

Красноречивое свидетельство тому – очередные «сдачи», последовавшие далее. Мне самому особенно запомнилась та из них, что имела место в 2010 г., когда канцлер А. Меркель фактически отреклась от президента ФРГ Х. Кёлера, безвинно ошельмованного ведущими германскими СМИ. В данном случае пикантность ситуации не в том, что Меркель была чем-то лично обязана Кёлеру, – напротив, именно она настойчиво лоббировала в свое время его выдвижение на президентский пост.

А. Меркель стала председателем ХДС уже в 2000 г., имея всего лишь 10-летний партийный стаж. Однако на парламентских выборах 2002 года христианские демократы еще не решились сделать ставку на своего скороспелого лидера, предпочтя выдвинуть в канцлеры главу ХСС Э. Штойбера. Баварец выступил успешней своего далекого предшественника Ф.Й. Штрауса, но победить всё же не смог. А в 2005 г. канцлер Г. Шрёдер, встревоженный стремительным падением рейтингов «красно-зеленых», рискнул пойти на досрочные выборы в Бундестаг, что и привело к власти Меркель.

Ее канцлерская карьера продолжается уже свыше 10 лет – третий срок в истории ФРГ после Г. Коля и К. Аденауэра, хотя, в отличие от них, А. Меркель никакими заметными достижениями на посту канцлера так и не отличилась. Секрет ее политического долголетия в другом – с ней особо некому конкурировать, поскольку германский политический «бомонд» за последние десятилетия катастрофически измельчал. Тут поневоле вспоминается крылатая фраза героя одного из популярных советских фильмов: «Этак, сынок, мы скоро докатимся до белых мышей!..»

За результатами долгого канцлерства А. Меркель я наблюдал в основном уже после переезда на историческую родину, а потому подробно расскажу о них ниже. Пока что перечислю лишь основные из этих «достижений»: германская экономика так и не встала на путь устойчивого динамичного развития, уровень жизни населения продолжает падать, в стране стремительно нарастают иммиграционные проблемы, Евросоюз во главе с Германией переживает самый тяжелый кризис за свою историю, превратившись из некогда серьезной политической силы в откровенную американскую марионетку. Наконец, самое главное для меня, как гражданина России и Германии: столь плохих отношений между нашими странами не было более полувека, со времен отчаянного противоборства Н. Хрущёва и К. Аденауэра.

В те годы в СССР был в ходу казенный стих: «Спасибо партии родной за всё, что сделала для нас!» Если заменить в этих строках «партию» на «Ангелу», то как раз и получится казенное изложение моего восприятия этих предварительных итогов правления канцлера А. Меркель.

7. ГЕРМАНИЯ ВБЛИЗИ

Я снова увидел Германию только в конце 1991 г., через 21 год после памятной поездки в ГДР, и на сей раз мои впечатления от исторической родины были совсем другими. Да и то сказать: в 91-м я был вдвое старше, приехал в Германию по делам, а не туристом, побывал не в скромных городах ГДР, а в фешенебельном Бонне – многолетней столице ФРГ.

Во вновь увиденной Германии меня больше всего поразило, пожалуй, отсутствие зимы как таковой – очень странное явление для сибиряка, даже начавшего привыкать к слякотным московским зимам. Бонн был празднично украшен, на улицах всюду стояли

рождественские елки, но снега не было и в помине, по-весеннему светило солнце, на газонах зеленела травка, и мне никак не верилось, что Рождество может быть и таким.

Впечатлил, конечно, и сам Бонн с его старинной архитектурой и живописными окрестностями. Помню, однажды нас пригласила к себе профессор Ингеборг Фляйшхауэр, один из ведущих тогдашних специалистов по истории российских немцев, с которой мы уже были знакомы, – за два месяца до этого она выступала в Москве на I съезде немцев СССР (2-й этап). И. Фляйшхауэр жила почти на берегу Рейна, с террасы на крыше ее дома открывался красивый вид на знаменитую реку. Оказавшись на этой террасе, я не удержался и продекламировал строки Г. Гейне, памятные мне со школьной скамьи: „Die Luft ist kühl und es dunkelt, und ruhig fließt der Rhein…“ («Прохладен воздух, темнеет, и Рейн уснул во мгле…»).

В России И. Фляйшхауэр известна, главным образом, по ее книге «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939», изданной в русском переводе в Москве в том же 1991 году. Во время нашей боннской встречи с автором эта книга еще не была мне известна, но впоследствии я ее с интересом прочел.

Я уже упоминал, что нахожу литературу по истории и предыстории Второй мировой войны непомерно политизированной: ее авторы зачастую подменяют тщательный анализ событий и явлений политическими или морализаторскими оценками. Книга И. Фляйшхауэр не была типичной в этом отношении, ее содержание все-таки основывалось на архивных документах, а не на политико-моральных штампах. Однако достаточная объективность и глубина в исследовании этой сложнейшей проблематики возможна, на мой взгляд, лишь при условии, что Вторая мировая война перестанет быть жгучей темой идейного противоборства и, тем самым, окончательно уйдет в историю.

Тогдашняя поездка ассоциируется у меня и с таким судьбоносным событием, как прекращение существования СССР. На следующий день после возвращения из Бонна, 25 декабря 1991 г., я уехал поездом из Москвы в родную Сибирь, на новогоднюю побывку. В пути меня и настигло известие о том, что СССР больше нет. После ГДР это был уже второй случай исчезновения государства, непосредственно связанного с моей судьбой. Но если в ГДР я пробыл когда-то лишь 3 недели, то в СССР родился и прожил всю свою 40-летнюю жизнь.

У меня по разным причинам сложилось непростое отношение к Советскому государству, но его ликвидации я не желал ни в коем случае. Тем более что конец СССР и ГДР явно означал не завершение, а лишь первый этап глобальных геополитических потрясений. Я лежал на вагонной полке поезда Москва – Кемерово, читал захваченный в дорогу том воспоминаний известного западногерманского политика Ф.Й. Штрауса, смотрел в непроглядную темень за окном и размышлял над вещими словами Конфуция: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!»

Впоследствии, вплоть до 2004 г., я довольно часто бывал в Германии. И опять это были, как правило, деловые поездки, связанные с моей штатной работой в Обществе немцев бывшего СССР «Видергебурт» («Возрождение»), а затем в Общественной академии наук российских немцев. Попутно я навещал и родственников или близких знакомых, уже переехавших в Германию, старался осмотреть, по мере возможности, многочисленные германские города, в которых мне довелось побывать. Однако главное содержание этих поездок составляли встречи, беседы и переговоры с германскими государственными и общественными деятелями. Потому я изложу в данном разделе свои тогдашние впечатления о Германии, сосредоточившись не на тех или иных увиденных мной местах, как в случае с ГДР, а на конкретных людях и структурах, которые они представляли.

Команда Ваффеншмидта

Свою первую поездку в Бонн, о которой шла речь, я совершил в составе делегации российских немцев, по приглашению Хорста Ваффеншмидта, Уполномоченного германского правительства по делам переселенцев и Парламентского статс-секретаря (аналог российского первого замминистра) в Министерстве внутренних дел (МВД) Германии. А познакомился я с Х. Ваффеншмидтом в начале июля 1991 г., когда он впервые на моей памяти посетил Москву во главе большой группы сотрудников германского МВД, ведавших проблемами российских немцев. Эту группу мы и стали называть «командой Ваффеншмидта». Из представителей его команды я чаще других встречался с Хартмутом Гасснером, Клаусом Пёле, Манфредом Майснером и Франком Вилленбергом.

С 1991 г. и до выхода Х. Ваффеншмидта на пенсию в 1998 г. я виделся с ним множество раз, как в Германии, так и в Москве, и эти встречи памятны мне и сегодня, когда его давно нет в живых – он скоропостижно скончался в 2002 г., не дожив и до 70 лет. На примере Х. Ваффеншмидта я, собственно, и стал понимать, что представляют собой современные германские чиновники высокого ранга. Мне доводилось встречаться в Москве и с более высокопоставленными деятелями Германии – президентом страны Романом Герцогом, ее многолетним министром финансов Тео Вайгелем. Общался я и с Вальтером Присницем, статс-секретарем (т.е. замминистра) МВД Германии, с которым мы познакомились в январе 1993 г., в пригороде Бонна Бад-Годесберге, когда мне единственный раз довелось участвовать в заседаниях рабочей группы Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев. Однако эти встречи были мимолетными и, в сущности, не носили делового характера. Иное дело – Ваффеншмидт и его команда: с ними мы общались часами и не раз обсуждали очень серьезные и острые проблемы.

Правда, обсуждение наиболее щекотливых тем Х. Ваффенщмидт, как и многие большие начальники, нередко поручал своим сотрудникам, и именно с ними, особенно с К. Пёле, М. Майснером, Ф. Вилленбергом, у нас возникали в связи с этим самые резкие перепалки. Вспоминается, например, наше драматичное заседание в январе 1992 г., на котором прибывший из Бонна М. Майснер пытался «успокоить» нас после недавнего провокационного выступления Ельцина в Поволжье и даже настаивал на реализации боннской договоренности между нами о создании нашего представительства в Саратове. Циничная риторика Майснера покоробила меня не меньше пьяного бреда Ельцина, и я в сердцах сказал германскому краснобаю: «Позволю себе заметить, что, не зная настроений наших людей, нужно остерегаться давать им советы». Другой пример: в 1998 г. К. Пёле, прибывший в Москву по случаю открытия Российско-немецкого дома, принялся внушать нам, что теперь, когда у нас есть такой прекрасный дом, мы должны учиться вести свою деятельность за счет собственных средств, больше не полагаясь на германскую помощь, и привел в качестве примера для подражания румынских немцев. Сопоставление нас, принудительно рассеянных по бескрайней Сибири, с Румынией, где почти не осталось немцев и где они всегда проживали компактно на очень небольшой территории, глубоко возмутило меня, и в интервью московской газете «Нойес Лебен» я высказался по этому поводу с «большевистской прямотой»: «Байками и сказками можно заболтать и замазать любую проблему».

Х. Ваффеншмидт вышел в отставку в 65 лет и к концу своей карьеры накопил громадный опыт государственной и политической деятельности. Пост Уполномоченного по делам переселенцев он занимал 10 лет, Парламентского статс-секретаря МВД – 15, входя в этом качестве в состав всех правительств Г. Коля. Ваффеншмидт являлся депутатом Бундестага в течение 26 лет, четверть века избирался в Президиум ХДС. И при всем том оставался живым и энергичным человеком, интересным собеседником со своеобразным чувством юмора. Я к тому времени уже имел немалый опыт общения с

советскими и российскими чиновниками сопоставимого ранга и могу засвидетельствовать, что Ваффеншмидт и его команда превосходили их наголову – по степени компетентности, профессионализма, коммуникабельности и т.п. Однако всех их объединял бессмертный афоризм Талейрана: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Наше общение с «командой Ваффеншмидта» с самого начала касалось не только проблем тогдашнего национального движения российских немцев, которое мы представляли, но и общих перспектив наших соплеменников в странах бывшего СССР и в Германии. Мне самому эти беседы были интересны главным образом тем, что я надеялся получить, так сказать, из первоисточника ответы на волновавшие меня фундаментальные вопросы. Каковы реальные планы германских властей по приему наших переселенцев? В какой мере Германия поддерживает нашу глобальную цель – восстановление немецкой автономии в Поволжье? Наконец: как представляют себе в германском руководстве будущее нашего народа? Прямых ответов на эти судьбоносные вопросы мы от Ваффеншшмидта и его команды, естественно, не услышали, но по их высказываниям я вскоре получил представление о том, как на самом деле относятся к российским немцам в руководстве Германии.

Уже при первых беседах с «командой Ваффеншмидта» в июле 1991 г. у нас зашла речь о численности наших потенциальных переселенцев в Германию. Я сказал тогда, что их число может составить до 3-4 млн. – с учетом многочисленных межнациональных браков среди российских немцев в условиях принудительной ассимиляции после 1941 г. На что Х. Ваффеншмидт решительно отрезал: «Нет, мы будем исходить из официальной численности немцев в СССР – 2 млн.» Услышав это, я обомлел: была названа итоговая цифра Всесоюзной переписи населения 1989 года, включавшая только самих немцев, но не их ненемецких близких. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять подлинный смысл этого высказывания Ваффеншмидта: Германия готова принять лишь половину всех российских немцев и членов их семей. Что в дальнейшем полностью подтвердилось – после 1991 г. и до сего дня на исторической родине было принято ровно 2 млн. наших переселенцев.

В ходе наших встреч в Бонне в декабре 1991 г. начала вырисовываться и подлинная позиция Германии в отношении восстановления Немецкой республики на Волге. На словах германское руководство всячески приветствовало данное намерение и уже официально заверило об этом месяц назад, в Совместном заявлении канцлера ФРГ Г. Коля и президента РСФСР Б. Ельцина.

Однако дьявол, как известно, «кроется в деталях», и эти «детали» в данном случае воистину обескураживали: «команда Ваффеншмидта» категорически отказалась говорить с нами о возможной территории восстановленной Республики – даже в самом предварительном плане. Отговорки были разные: от того, что этот вопрос еще требует проработки, до ссылок на выдвижение всё новых перспективных идей на сей счет – например, о создании автономии на бывшей территории ракетного полигона Капустин Яр. Эта идиотская затея была нам хорошо известна и до скандального выступления Б. Ельцина в Поволжье, где он ее публично озвучил. Едва сдерживая себя, я напомнил Х. Ваффеншмидту, что российский Закон о реабилитации репрессированных народов позволяет нам претендовать только на одну территорию – ту самую, которую когда-то занимала Республика немцев Поволжья, а посему никаких «всё новых перспективных идей» здесь попросту не может быть. Ваффеншмидт отреагировал не менее эмоционально, и мы даже повысили голос друг на друга – единственный раз за все время нашего знакомства.

Ситуация окончательно прояснилась в июле 1992 г., когда был подписан Межправительственный российско-германский протокол «с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев», где ключевой вопрос о территории поволжской автономии обойден гробовым молчанием – невзирая на все наши

требования и увещевания. После этого нам стало вполне очевидно, что немецкой автономии на Волге не желают как в Кремле, так и в руководстве Германии. Будущее сполна подтвердило наше тогдашнее подозрение: российские власти стали все наглее саботировать не только внутренние, но и международные обязательства по восстановлению нашей Республики, а их коллеги из Германии охотно им в этом потворствовали – несмотря на некоторые картинные жесты недовольства в исполнении того же Х. Ваффеншмидта. Понятной была и подоплека позиции Германии: коль скоро там решили принять лишь половину наших потенциальных переселенцев, то требовалось отобрать их лучшую, по германским представлениям, часть, и переезд этих «лучших» в восстановленную Немреспублику мог только спутать германские политические карты.

В этом свете становилось ясно и то, как в Германии представляют себе будущее российских немцев: «лучшая» половина сможет переселиться на историческую родину, а остальные – в отсутствие собственной государственности и сколько-нибудь массового компактного проживания – неизбежно растворятся со временем на бескрайних постсоветских просторах.

Правда, во всей этой безысходной перспективе наличествовала и «хорошая мина при плохой игре»: в Германии на первых порах весьма охотно поддерживали «островки надежды», как любил называть небольшие немецкие районы на Алтае и под Омском сам Х. Ваффеншмидт. Он нередко навещал эти свои любимые детища, а иногда и некоторые другие еще сохранившиеся места компактного проживания немцев в Западной Сибири, и с присущей ему экспрессивностью «внушал надежду» местным жителям. Однако эти сеансы массового гипноза могли иметь некоторый эффект лишь в условиях действенной материальной и прочей поддержки не только из германских, но и российских источников. Как только ручейки этих и без того недостаточных вливаний стали все более явственно иссякать, прекратилось и «гипнотическое воздействие». Впрочем, к тому времени сам Ваффеншмидт уже находился на пенсии, а его глубоко индифферентные преемники никакими массовыми внушениями не пробавлялись.

Наши отношения с «командой Ваффеншмидта» складывались неровно, причем самыми сложными оказались первые 1,5 года. Перелом наступил, мне кажется, в конце 1992 г., когда нас пригласили в Бонн, где 1 декабря в Бундестаге прошли слушания о положении немецких меньшинств и сохранении культурного наследия немцев в странах Восточной Европы, включая территорию бывшего СССР. Туда, помимо нас, были приглашены и представители других немецких меньшинств на востоке Европы. На слушаниях прозвучала, в частности, подготовленная мной справка, излагавшая нашу точку зрения о положении немецкого меньшинства в странах бывшего СССР. Документ был воспринят Х. Ваффеншмидтом вполне благосклонно, хотя я представил ситуацию далеко не в радужном свете. В ответ нам торжественно сообщили, что Бундестаг еще до конца года примет новую версию Закона об изгнанных и беженцах, в которой найдет воплощение заветный лозунг «команды Ваффеншмидта»: „Das Tor bleibt offen!“ («Ворота останутся открытыми!»). У меня словно гора упала с плеч: последние месяцы нас, помимо всего прочего, очень тревожили совершенно неясные перспективы дальнейшего приема наших переселенцев в Германии, и новый закон рассеивал наши худшие опасения в этом плане, которые были далеко не беспочвенны.

После этого наши отношения с «командой Ваффеншмидта» заметно потеплели. Помню, например, их приезд в Москву в июле 1993 г., когда на ужине по этому случаю Х. Ваффеншмидт усадил меня за один стол с собой и тогдашним председателем Землячества немцев из России А. Райссом, и мы весь вечер оживленно беседовали. Вспоминается и более знаменательное событие: в июне 1996 г. мне предложили выступить с развернутым приветственным словом на традиционной массовой встрече Землячества в Штутгарте, и Х. Ваффеншмидт, сидевший в огромном зале в центре первого ряда, горячо аплодировал моему выступлению. Это, пожалуй, и была высшая точка в моих взаимоотношениях с ним и его командой.

Оценивая по прошествии лет непростую личность Х. Ваффеншмидта, я считаю нужным разделять его человеческую позицию и ту политику в отношении российских немцев, ведущим проводником и мотором которой он являлся. После всех наших встреч у меня не осталось сомнений в том, что он искренне сопереживал российским немцам и их нелегкой судьбе и старался делать всё от него зависящее, чтобы как-то облегчить эту участь. В этом отношении Х. Ваффеншмидт разительно отличался от всех своих преемников на посту Уполномоченного по делам переселенцев – этой чиновной братии вообще не было дела до российских немцев.

Однако возможности Х. Ваффеншмидта, при всех его высоких должностях, были далеко не безграничны. Политика Германии в отношении российских немцев формировалась не лично им или «командой Ваффеншмидта», а всей группой людей, которую принято называть «руководством страны». При этом следует иметь в виду, что позиции различных политических сил Германии в отношении приема наших переселенцев далеко расходились – от поддержки в рядах ХДС и особенно баварской ХСС до заметной настороженности у свободных демократов и откровенного неприятия среди социал-демократов и, тем более, «зеленых» или «левых». А германская политика в отношении нас исходила и исходит, конечно, из интересов самой Германии, как их понимают творцы этой политики, а отнюдь не из интересов российских немцев. Рассчитывать на последнее было бы просто нелепо, но многие российские немцы, включая и меня, убеждены, что эта политика в корне противоречит и собственным интересам Германии. Как иначе расценить, например, искусственное ограничение почти до нуля притока наших переселенцев, без труда интегрирующихся в германское общество уже во втором поколении, на фоне безудержного приема афро-азиатских иммигрантов, заведомо не желающих и не способных интегрироваться и через десятки лет?

Как бы там ни было, не будем забывать, что массовый прием в Германии наших переселенцев, далекие предки которых покинули свою родину столетия тому назад, – это отнюдь не рядовое, а, в сущности, уникальное явление в мировой истории. Мне трудно представить себе государство, которое бы в подобной ситуации повело себя существенно лучше или благородней. Если я и осуждаю политику Германии в данном вопросе, то не за прохладное или попросту неприязненное отношение к российским немцам, а за явления, типичные, увы, не только для этой политики, – лицемерие, ханжество, частое расхождение между словом и делом. И в этой связи я не могу не воздать должного всему тому доброму, что сделала для российских немцев «команда Ваффеншмидта».

Федералистский союз европейских национальных меньшинств

В период моей работы в структурах российских немцев в Москве я более десятилетия был связан с Федералистским союзом европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ) – достаточно известным международным объединением, включающем десятки национальных организаций, в т.ч. немецких, из 32 европейских стран. ФСЕНМ официально представлен при Совете Европы, а также ООН. Я дважды участвовал в ежегодных конгрессах ФСЕНМ – в 1994 г. в Гданьске и в 2005 г. в Бухаресте, где оба раза выступал с докладами. Признаться, на этих конгрессах меня впечатлила скорее возможность познакомиться и пообщаться с представителями множества европейских нацменьшинств, чем сама повестка дня, неизбежно аморфная в силу очень разной ситуации, в которой находятся члены ФСЕНМ.

С содержательной точки зрения мне гораздо больше запомнились заседания рабочей группы по немецким и немецкоязычным меньшинствам при ФСЕНМ, проходившие тогда ежегодно в начале декабря в северо-баварском курортном городе Бад-Киссингене. В 1992-96 гг. я участвовал в этих заседаниях 4 раза, и они оставили у меня самую добрую память. Мы жили и заседали в усадьбе Хайлигенхоф (Heiligenhof) близ Бад-Киссингена – давнем культурно-образовательном центре Землячества судетских

немцев. Усадьбу обслуживало в то время семейство Кукук, создавшее в этом заведении теплую атмосферу домашнего уюта.

На наших заседаниях председательствовал тогдашний президент ФСЕНМ Карл Миттердорфер, представлявший в этом объединении немцев Южного Тироля, в прошлом – многолетний депутат итальянского парламента. Однако подлинной душой этих встреч я бы назвал Рольфа Госсмана, курировавшего работу с национальными меньшинствами по линии МВД Германии. Со своей функцией модератора наших заседаний он справлялся просто блестяще. Признаться, до встречи с Госсманом я и представить себе не мог столь компетентного, коммуникабельного и обаятельного госчиновника. Мне очень нравилось общаться с ним и в наше свободное время. Госсман был прекрасным собеседником и просто веселым жизнерадостным человеком с большим чувством юмора. В конце нашего пребывания в Хайлигенхофе нас всякий раз угощали коронным местным блюдом – жареным гусем. Надо было видеть, с каким энтузиазмом предвкушал Госсман это свое любимое лакомство! Помнится, мы с ним приветствовали появление долгожданного гуся старинной детской песенкой: „Fuchs, du hast die Gans gestohlen, gib sie wieder her!..“ («Лиса, ты украла гуся, верни его немедленно!..»).

На наших заседаниях был организован синхронный перевод с нескольких языков, но я выступал там на немецком, которым владело большинство присутствующих. Просмотрев записи своих тогдашних выступлений, я убедился, что тематика наших заседаний была чрезвычайно многообразной. Это вполне естественно, если учесть очень разные проблемы, стоявшие перед немецкими меньшинствами в странах Европы и бывшего СССР. Законодательство о национальных меньшинствах и их защита, представительство нацменьшинств в органах управления, регулирование проблем нацменьшинств на межгосударственном уровне, выезд этнических немцев в Германию, восстановление и развитие мест компактного проживания немцев, степень владения родным языком и немецкое национальное образование, сохранение национальной культуры и поддержка этого процесса из-за рубежа, работа с немецкой молодежью – вот далеко не полный перечень тем, которые мы затрагивали в Хайлигенхофе. И протянуть сквозную нить между всеми ими, организовать их содержательное обсуждение мог, по-моему, только такой искусный модератор, как Рольф Госсман.

Землячество немцев из России

В декабре 1991 г., во время нашей первой поездки в Бонн, мы познакомились с вновь избранным председателем Землячества немцев из России Алоизом Райссом. С этой встречи и начались мои контакты с Землячеством, продолжавшиеся около 5 лет. Землячество насчитывало к тому моменту уже более чем 40-летнюю историю, его в разное время возглавляли такие заметные личности, как Г. Лейббрандт, И. Шлейнинг, К. Штумпп, Й. Шнурр, хорошо известные любителям истории российских немцев. Однако свой подлинный расцвет оно пережило, по-моему, под руководством А. Райсса, в 90-х годах, когда в Германию хлынул бурный поток переселенцев с территории бывшего СССР.

Работу Землячества в этих чрезвычайных условиях я мог наблюдать воочию, когда трижды, в 1992, 1994 и 1996 гг., участвовал в составе делегаций немцев из России в массовых встречах наших переселенцев, которые Землячество проводило в то время раз в 2 года в Штутгарте, на территории огромного ярмарочного комплекса. Эти воистину грандиозные встречи, привлекавшие десятки тысяч людей, были организованы Землячеством просто превосходно, «команда Райсса» работала как часы.

Запомнился при этом и сам А. Райсс – в первую очередь своими яркими публичными выступлениями. В прошлом школьный учитель, он был очень опытным оратором, умел обращаться к аудитории ясно, логично и убедительно. Но больше всего меня впечатляло содержание этих выступлений – Райсс, досконально владея

законодательством о переселенцах и информацией о их приеме в Германии, публично анализировал эти непростые материи и давал им, насколько я мог судить, вполне объективные оценки. Впоследствии мне не раз доводилось слышать от очевидцев, что в этом отношении А. Райсс разительно отличался от своего преемника А. Фётча, произносившего с трибун сервильные речи в то время, как германские власти все сильнее прикрывали перед нашими переселенцами пресловутые «ворота страны». Не берусь судить о публичных выступлениях Фётча, которых я никогда не слышал, но то, что он был личностью гораздо меньшего масштаба, чем Райсс, могу подтвердить на основе неоднократных встреч с ними обоими.

Встречи в Штутгарте продолжались тогда по два дня и предлагали гостям очень разнообразную программу – от выступлений Х. Ваффеншмидта и А. Райсса до книжного базара с массой интересных изданий, в т.ч. по истории и литературе российских немцев, и замечательных выступлений самодеятельных артистов, включая нашего талантливого певца Якова Фишера, с которым я познакомился еще в Москве в 1990 г. Но самой примечательной особенностью этих встреч было, пожалуй, личное общение наших переселенцев друг с другом. Для этой цели в залах ярмарочного комплекса расставлялись длинные столы с табличками, указывавшими, где именно могут встретиться выходцы из разных уголков необъятного бывшего СССР.

Я провел за этими столами множество часов и встретился там с массой друзей, знакомых, даже родственников, уже выехавших в Германию. Некоторые прямо спрашивали меня: «Что же ты там так долго сидишь?» Приходилось объяснять, что я в Москве не «сижу», а занимаюсь работой, непосредственно связанной с проблемами российских немцев и интересной, надеюсь, не мне одному. Однако основная масса собеседников говорила прямо противоположное: «Сидишь себе там – вот и не рыпайся, здесь особо ловить нечего!» Тут я впервые убедился, что по своему восприятию Германии наши переселенцы далеко расходятся друг с другом.

В 1996 г. я встретил в Штутгарте и своего ближайшего товарища по работе в Москве Герхарда Вольтера, выехавшего в Германию полгода назад. После выезда у него стало гораздо больше свободного времени, и он возобновил работу над знаменитой «Зоной полного покоя». Вольтер передал мне тогда рукопись новой главы своей книги, и с этого момента началась наша совместная работа по подготовке второго издания «Зоны», которое вышло из печати в Москве летом 1998 г., всего за несколько месяцев до безвременной кончины автора.

Вспоминается и курьезный эпизод, связанный с этой встречей. Мы сидели рядом с Вольтером за обеденным столом, выпили за встречу по бокалу шампанского, настроение было приподнятое, нас окружали молодые красивые женщины, и я, расчувствовавшись, затянул в их честь „Deutsche Frauen, deutsche Treue, deutscher Wein und deutscher Sang…“ («Немецкие женщины, немецкая верность, немецкое вино и немецкая песня…») – второй куплет старинного германского гимна, не исполняемый в послевоенной Германии. И один деятель из нашей делегации, мнивший себя большим знатоком во всех областях, тут же принялся «стучать» на меня Х. Ваффеншмидту: «А Дизендорф запел фашистский гимн!» По рассказу очевидцев, Ваффеншмидт взглянул на него с нескрываемым презрением, прекрасно зная, что гимн этот отнюдь не «фашистский» (хотя он исполнялся и во времена Третьего Рейха) и текст его был написан еще в 1841 г.

Замечательные встречи в Штутгарте представляли собой как бы фасадную сторону Землячества. Увы, у этой организации были и свои «темные закоулки», в чем я имел несчастье убедиться на собственном опыте. Во время встречи 1994 года А. Райсс поделился со мной своими заботами по поводу официального издания Землячества – объемистого исторического приложения к журналу „Volk auf dem Weg“ («Народ в пути») «Немцы в России и в СНГ». По словам Райсса, в этом издании была масса неточностей, и он попросил меня по-дружески просмотреть его и сообщить Землячеству о том, что там следовало бы поправить. Я уже был знаком и с данным изданием, и с его редактором

Гербертом Винсом, возглавлявшим тогда Совет по культуре немцев из России, однако у меня возник естественный вопрос: неужели в Землячестве и его окружении не нашлось более подходящего адресата для этой просьбы? Я ведь в то время был поглощен своей штатной работой в «Возрождении» и еще только начинал вплотную заниматься историей российских немцев. Однако отказать столь уважаемому человеку мне было неловко, и я пообещал Землячеству свое содействие – благо, теперь в моем распоряжении была необходимая историческая литература, приобретенная на этой же встрече.

По возвращении в Москву я тотчас засел за работу, отодвинув на время большинство своих прочих дел, и, признаться, пришел в ужас: штутгартское издание настолько пестрило большими и малыми ошибками и неточностями, что его пришлось переписывать заново. Что я и сделал примерно за месяц, отправив в итоге Г. Винсу практически новый текст с большим пояснительным письмом. Желающие ознакомиться с сутью внесенных мной поправок могут обратиться к сборнику моих работ «Десять лет в <Возрождении>», где воспроизведено и это письмо. Ответа из Штутгарта пришлось ждать долго, и, прочтя его, я просто обомлел. Г. Винс, почему-то окрестивший меня «профессором», лаконично поблагодарил за усилия и, как ни в чем не бывало, сообщил, что мои предложения они учесть не могут, поскольку уже сдали в печать очередное издание своей брошюры. Отмечу попутно, что новое издание ничем не отличалось в лучшую сторону от предыдущего.

Как расценить эту поистине вопиющую необязательность и непорядочность? Приписать ее лично Г. Винсу я не мог, поскольку уже имел немалый опыт общения с этим милым старичком, и у меня сложилось впечатление о нем, как об образованном и достойном человеке. Да, в нюансах истории российских немцев он ориентировался слабо, но это все-таки еще не повод для такого, с позволения сказать, демарша. Вне подозрений был и А. Райсс – ведь он сам обратился ко мне за содействием, я ему в помощники отнюдь не набивался. Оставалось предположить, что почтенные старики действовали в данном случае под чьим-то мощным посторонним влиянием, и меня сильнее всего насторожил сам этот факт, а не то, от кого именно исходило явно враждебное мне влияние (хотя у меня были свои соображения и на сей счет).

Я вспомнил эту неприглядную историю через год, когда в Москве проходило международное совещание по подготовке Энциклопедии российских немцев, в котором от Землячества участвовали А. Фётч и Э. Штромайер. Первый из них не скупился на щедрые обещания относительно участия Землячества в издании Энциклопедии, и я, помнится, сказал тогда Наталии Варденбург, в будущем – моей жене и ответственному секретарю Энциклопедии: «Не бери в голову, это всё пустые словеса!» Ей не хотелось в это верить, но в итоге оно именно так и оказалось: в Энциклопедию не поступило от Землячества ни единой из многочисленных обещанных нам статей.

Я не настолько хорошо знаком с жизнью и деятельностью Землячества, чтобы дать исчерпывающее объяснение этим более чем странным историям. Однако к середине 90-х годов мне становилось все ясней, что «неладно что-то в Датском королевстве», и я решил больше не иметь с Землячеством никаких серьезных дел. После 2000 г. кризис Землячества стал достаточно очевиден для всех, кто был знаком с его деятельностью, и я не стал бы объяснять это явление только отходом от руководства А. Райсса. К этому моменту в корне изменились многие обстоятельства, непосредственно связанные с работой Землячества: ушел на пенсию его многолетний покровитель Х. Ваффеншмидт, пришли к власти «красно-зеленые» с их откровенно неприязненным отношением к российским немцам, прием наших переселенцев в Германии был низведен почти до нуля, и в этом смысле ничего не изменилось и с возвращением к власти ХДС/ХСС. Однако я все же надеюсь, что Землячество немцев из России сумеет найти себя и в этой новой, чрезвычайно сложной ситуации.

Союз изгнанных

Название западногерманской организации «Союз изгнанных» и имена некоторых его лидеров, особенно двух Гербертов – Чаи (Czaja) и Хупки (Hupka), были известны мне едва ли не со школьной скамьи. Тогда я, конечно, и представить себе не мог, что с одним из этих людей мне через много лет доведется познакомиться и узнать о его взглядах и деятельности, что называется, из первых уст.

Хотя в советской печати тех лет имена Чаи и Хупки обычно фигурировали рядом, их политические привязанности отличались весьма существенно: если Чая после войны влился в ряды христианских демократов, то Хупка поначалу примкнул к СДПГ и перешел в ХДС только в начале 70-х, в знак несогласия с «восточной политикой» В. Брандта. Однако по характеру своей деятельности эти политики действительно близки: Чая много лет был президентом, а Хупка вице-президентом «Союза изгнанных». При этом они оба являлись депутатами Бундестага и стремились донести до его членов политическую позицию своего Союза.

Сам «Союз изгнанных» традиционно характеризовался советскими СМИ, как оплот и прибежище самых отъявленных «западногерманских реваншистов». Недалеко ушла от этих оценок и нынешняя русская Википедия, согласно которой «Союз поддерживал конфронтационную и реваншистскую линию в политике ФРГ, требуя возвращения утраченных земель на Востоке и изъятого имущества». Эти жесткие формулировки не могут не вызвать у мыслящего читателя целую серию недоуменных вопросов. Например: кто из ведущих деятелей ФРГ представлял «реваншистскую линию в политике», которую, якобы, поддерживал «Союз изгнанных»? Или: от кого именно требовал Союз «возвращения утраченных земель на Востоке и изъятого имущества»? Поставив перед собой такие вопросы, любой достаточно сведущий человек поймет, что концы с концами тут явно не вяжутся.

На деле в 50-60-х годах «реваншистской линии» не придерживались ни канцлеры ФРГ – К. Аденауэр, Л. Эрхард и К.Г. Кизингер, ни лидеры какой-либо из ведущих политических партий страны. И ни один здравомыслящий политик не стал бы требовать от этих деятелей возвращения восточных территорий или имущества, изъятого при депортации оттуда немецкого населения, прекрасно зная, что они совершенно не в состоянии пойти навстречу подобным требованиям, даже если бы очень того захотели. А предъявлять такие требования самим странам Восточной Европы или каким-то влиятельным международным организациям, проникнутым сильнейшим антигерманским духом, было бы вообще абсурдно.

Я сам приблизился к ответам на подобные вопросы, простые только на первый взгляд, лишь после личного знакомства с Г. Чая. Произошло это в Москве в начале 90-х, на одном из наших общенациональных съездов, на который в качестве гостя был приглашен и он. Однако возможность полноценно пообщаться с ним представилась мне только в феврале 1994 г., в пригороде Бонна Бад-Годесберге, где я участвовал в заседании Общества культуры немецких изгнанных, посвященном правам немецких национальных меньшинств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР. Я выступил там с докладом по тематике заседания, внимательно выслушал приветственное слово Г. Чаи и имел возможность побеседовать с ним в кулуарах. Он был еще достаточно бодр, говорил свободно и заинтересованно, хотя ему оставалось жить всего три года.

Из общения с Г. Чая я вынес впечатление, что он был не только умным, но и вполне здравомыслящим человеком, прекрасно понимавшим, что «политика – это искусство возможного». Чая не являлся профессиональным юристом, но правовая проблематика привлекала его особое внимание, и в 1979 г. он даже издал и прокомментировал сборник документов о правовом положении Германии и немцев, в т.ч. к востоку от линии Одер-Нейсе (на территориях, отторгнутых у Германии после Второй мировой войны), в свете норм международного права. Коснусь в этой связи только

ключевой из целого комплекса правовых проблем, возникающих при анализе данной тематики, – юридической оценки самого факта поголовной депортации немцев с «восточных территорий».

Конкретные распоряжения об изгнании немецкого населения издавались в первые послевоенные годы властями соответствующих стран – Чехословакии, Польши, Югославии, СССР и др. Однако принципиальное решение на сей счет было принято еще в феврале 1945 г., на Ялтинской конференции «Большой тройки» – И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Эти акции мотивировались чаще всего необходимостью возмездия немецкому населению за преступления, совершенные им в ходе или накануне нацистской оккупации соответствующих территорий. Однако такая трактовка порождает неизбежный вопрос: кто должен нести ответственность в подобных случаях – конкретные преступники или все население определенной национальности? Иными словами: следует ли здесь вести речь об индивидуальной или же коллективной вине?

Ялтинско-потсдамские «миротворцы» и их последователи сделали однозначный выбор в пользу коллективной вины и ответственности всего немецкого населения. Между тем, в русской Википедии «принцип коллективной ответственности» характеризуется следующим образом: «в человеконенавистнических теориях и законодательствах националистических тоталитарных режимов – <правовой> принцип, оправдывающий преследование и истребление тех или иных социальных и этнических, религиозных, культурных групп под предлогом коллективной ответственности за преступные действия их представителей». И такая трактовка «коллективной ответственности» – отнюдь не новомодное правовое изобретение: аналогичные формулировки присутствовали еще в решениях Нюрнбергского трибунала. Если не закрывать глаза на историческую правду и не страдать рабской приверженностью принципу «двойных стандартов», то нельзя не признать, что приведенная формулировка имеет непосредственное отношение не только к практике нацистского режима, но и к действиям его победителей в отношении многих миллионов немцев. Потому те люди, которые стремятся не допустить повторения таких варварских акций, должны не осуждать, а приветствовать настойчивое обращение к этой проблематике «Союза изгнанных» и его многолетнего президента Г. Чая.

Боннский художественный музей

Изобразительное искусство интересовало меня всегда – в детстве сам любил рисовать, а старшеклассником, по случаю поездок на всесоюзные и всероссийскую математические олимпиады, не по одному разу посетил крупнейшие художественные музеи Москвы и Ленинграда. Однако мое знакомство с германскими художественными музеями долгие годы ограничивалось единственным посещением Дрезденской картинной галереи. И когда в одну из первых моих поездок в Бонн наша переводчица от МВД Германии предложила нам осмотреть только что открытое новое здание местного художественного музея, я охотно согласился. Мое любопытство подогревалось еще и тем, что в музее было широко представлено современное изобразительное искусство, о котором я имел к тому времени весьма смутное представление.

В реальности экспозиция боннского музея состояла из двух неравных частей. В нескольких первых залах были выставлены картины известного немецкого художника начала XX века Августа Маке и других «рейнских экспрессионистов». Я не принадлежу к поклонникам данного направления живописи, но эта часть экспозиции показалась мне достаточно интересной или, по крайней мере, заслуживающей внимания. Однако все остальные залы музея занимало «современное искусство», представленное главным образом бездарной мазней «абстракционистов», уродливыми «скульптурами» и разного рода «инсталляциями», имеющими к искусству в любом его разумном понимании очень отдаленное отношение. Увидев в одном месте такое сосредоточие откровенного антиискусства, я, признаться, долго не мог прийти в себя.

Принято считать, что это явление питают сегодня дельцы, наживающие на нем бешеные барыши, а также невзыскательная публика, падкая на всякого рода художественные «сенсации». После посещения боннского музея я бы существенно скорректировал эту точку зрения. Публики в его соответствующих залах присутствовало едва ли не меньше, чем музейных служителей, да и цена входных билетов здесь такова, что даже при максимальном стечении посетителей за их счет нельзя хотя бы возместить затрат на содержание музея, не говоря уже о громадных средствах, которые потребовались для строительства его нового здания. Меценаты тут тоже не приложили рук – иначе, как это принято на Западе, их имена высекли бы на здании музея «золотыми буквами». Стало быть, оставалось одно – музей обильно финансировался из государственной казны.

Если спросить соответствующих германских чиновников о том, что движет их действиями в этом направлении, они бы, думаю, едва ли промолвили что-то вразумительное. Разве только сказали бы, что считают своим долгом поддерживать в искусстве все новое и нестандартное. Между тем, если судить по боннскому музею, то представленная там стряпня и является стандартом «современного искусства», и отражает она отнюдь не новизну, а распад обанкротившегося художественного тренда последних десятилетий. А то, что современное германское государство находит нужным щедро подпитывать этот тренд, не может не вызвать серьезных сомнений относительно его собственной будущности.

Подготовка к выезду

Для подготовки собственного выезда в Германию мне не было нужды бывать там самому, но данный сюжет тоже относится к разделу «Германия вблизи», поскольку при этом я вступал в письменные и устные контакты с соответствующими германскими службами. Заявление на выезд (по-немецки Antrag) я подал, если не ошибаюсь, в 2003 г. – позже всех известных мне российских немцев. Правда, кое-кто из них, включая некоторых моих родственников и коллег по «Возрождению», вообще не предприняли такого шага, поскольку по разным причинам не хотели или не могли выезжать. У меня принципиального неприятия выезда в Германию не было, но решился я на это лишь в силу крайней необходимости, по мотивам, о которых пойдет речь ниже.

Заполнение объемистого заявления на выезд никаких затруднений мне не доставило. Я сам перевел и распространил среди наших немцев в 1993 г. новую версию германского Закона об изгнанных и беженцах, помогал заполнить аналогичные заявления многим своим родичам и знакомым, благодаря чему выезда удалось добиться даже двум бывшим подполковникам Советской Армии, заведомо подозрительным для германских чиновников с точки зрения пресловутой «особой связи с тоталитарной системой». Да и в моей биографии не было ничего «крамольного»: вырос в сугубо немецкой семье, с детства владел родным языком, во всех соответствующих документах значился немцем, в КПСС не состоял, высоких постов не занимал.

Поскольку мне довелось быть одним из лидеров «Возрождения», а об отношении нашей организации к выезду распространялась масса всяких небылиц, то я считаю своим долгом остановиться на этой тематике отдельно. Так, наши противники охотно рассуждали о том, что многие лидеры «Возрождения», дескать, для того и стали его активистами, дабы заручиться теплым местечком в Германии. В этом утверждении правдиво только то, что в стандартном бланке заявления на выезд значится и вопрос о членстве в немецких общественно-политических организациях. Однако мне не известно ни единого случая, когда бы это членство сыграло существенную роль в принятии решения о допуске заявителя в Германию или в его трудоустройстве здесь. Это и понятно: наши активисты были по большей части мыслящими, инициативными,

самостоятельными, подчас даже самовольными людьми, а это совсем не те качества, которые высоко ценятся современными германскими чиновниками.

Не меньше россказней распространялось и о том, что «Возрождение», якобы, активно призывало российских немцев к выезду. В действительности таких призывов не найти ни в одном официальном документе нашего национального движения. Другое дело, что в публичных выступлениях некоторых наших лидеров подобные призывы – в более или менее завуалированном виде – иной раз звучали. Однако от меня самого их не слышал никто и никогда, в чем нетрудно убедиться по достаточно полному сборнику моих работ того периода «Десять лет в <Возрождении>». Но при этом я, как и вся наша организация, конечно, считал, что российские немцы и члены их семей должны иметь возможность самим решать вопрос о месте своего проживания. Некоторое отличие моей позиции по данному поводу коренилось в том, что я занимался изучением Германии еще в студенчестве, а потому не питал по ее поводу, как и насчет перспектив российских немцев на исторической родине, никаких особых иллюзий.

Примерно через год после подачи заявления на выезд меня пригласили в визовый отдел посольства Германии в Москве для сдачи небезызвестного «языкового теста». В этом отделе (бывшем посольстве ГДР) на Ленинском проспекте я еще не бывал – в отличие от основных зданий посольства на Большой Грузинской, а затем на Мосфильмовской, которые были мне хорошо известны. На всякий случай я прихватил с собой две основные свои книги о российских немцах, изданные к тому времени. Моя жена, уже сдавшая «языковый тест», оставивший у нее весьма тягостное впечатление, скептически заметила по этому поводу: «Очень им нужны твои книги!» Однако мой скромный презент все-таки произвел впечатление: когда я сказал в конце беседы, что хотел бы преподнести его визовому отделу, то старшая чиновница, беседовавшая со мной, попросила надписать книги лично ей.

Само собеседование длилось более получаса и носило форму свободного обмена мнениями по самым разным вопросам, интересовавшим сотрудниц отдела. В комнате присутствовала переводчица, но она за все время нашей беседы не проронила ни слова – я в самом начале сказал, что готов общаться без переводчика. Атмосфера на встрече была вполне дружелюбной, я бы даже сказал – теплой. Что это могло означать – судить не берусь, тем более что был наслышан весьма мрачных историй об этих «языковых тестах».

Впрочем, нечто подобное я услышал и здесь, пока сидел в коридоре, ожидая приема. За дверью напротив вдруг стало шумно: чиновник заорал на бедную заявительницу – кажется, за то, что она в свое время записалась в паспорте русской. Это меня просто взбесило: я считаю, что о нашей жизни в годы преследований имеют моральное право судить только люди, пережившие их сами, а уж повышения голоса любыми чиновниками вообще на дух не выношу. Потому я воскликнул в сердцах нарочито громко: «Ну, натуральное гестапо!» Не знаю, возымел ли мой выкрик какое-то действие, но вопли за дверью почти сразу же прекратились.

Два года спустя я получил вызов в Германию, причем мне присвоили, так сказать, высшую категорию «позднего переселенца» – § 4, автоматически дающий право на получение германского гражданства. А еще через год мы с женой опять наведались на Ленинский проспект, на сей раз – за визами для въезда в Германию на постоянное жительство. После этого нам осталось только заказать билеты и собрать свои пожитки.

8. ГЕРМАНИЯ ИЗНУТРИ

Дневник запоздалого переселенца

Вскоре после прибытия в Германию я первый раз в жизни взялся вести дневник, дав ему приведенное хлесткое название, как бы полемизирующее с официальным германским термином «поздний переселенец». Из этой затеи, естественно, ничего не

вышло – если у меня и есть склонность к эпистолярным занятиям, то уж никак не в дневниковом жанре. Однако фрагмент, написанный мной более 8 лет назад, сохранился, и я приведу его целиком, дабы дать представление о моих первых ощущениях после переезда на историческую родину.

13 ноября 2007 г., 2 часа ночи

Сегодня ночью, в указанное время, я впервые в жизни задумал вести дневник. Эту идею настойчиво внушал мне Александр Бастерс, муж тети Лиды, младшей сестры моего отца, еще в далеком 1962 году. Дядя Шура, как я звал своего родича, ушел из жизни ровно 20 лет назад, но мне только теперь захотелось последовать его совету. Тому имеются достаточно веские основания: я никогда не любил водить ручкой по бумаге, однако с некоторых пор у меня появился компьютер, пользование которым доставляет мне гораздо меньше дискомфорта. Немаловажно, конечно, и то, что совсем недавно, 31 октября, круто изменилась жизнь и у меня, и у моей жены Наталии Варденбург: мы переселились из России в Германию.

На нашей исторической родине российских немцев, подобных нам, принято называть «поздними переселенцами» (Spätaussiedler). В конце 1992 г. это словечко проникло даже в германские законы. Оно имеет вполне определенный смысл: дескать, пора, наконец, подвести черту под Второй мировой войной, но, поскольку некоторые группы людей, особенно немецкое население стран бывшего СССР, все еще страдают от последствий этой давней войны, то Германия готова с запозданием их принять, как приняла после 1945 г. многие миллионы немцев, изгнанных и бежавших с территории Восточной Европы. На мой взгляд, подобная трактовка этих проблем, имеющая свои основания, оставляет в стороне очень важные обстоятельства.

Во-первых, трагедия российских немцев берет свое начало вовсе не в 1941 г., а, по меньшей мере, на полстолетия раньше. Тогда, в правление Александра III, в России были приняты первые законодательные акты, дискриминировавшие немецкое население по сугубо национальному, а также конфессиональному признаку. Примерно четверть века спустя, в годы Первой мировой войны, за ними последовало откровенно антинемецкое «ликвидационное законодательство» Николая II.

Во-вторых, многолетняя привычка политиков и историков взваливать на Германию всю ответственность за развязывание двух мировых войн, во время которых российские немцы пострадали особенно сильно, вызывает сегодня все более серьезные сомнения. Отмечу, что таковые высказываются не в последнюю очередь в таких странах, как Россия, США, Великобритания, Франция, которые в обоих случаях воевали против Германии. По-своему показательно и то, что первая книга, обратившая на себя мое внимание после приезда в ФРГ, посвящена именно данной проблеме и была впервые издана в Париже уже в 1967 г.

В-третьих, независимо от вопроса о виновниках мировых войн, совершенно очевидно, что ответственность за жестокие преследования ни в чем не повинного немецкого населения Российской империи и СССР в их результате лежит в первую очередь на властях этих государств, а не Германии. Нынешняя Россия, сразу же объявившая себя правопреемницей СССР, за полтора десятилетия своего существования практически ничего не сделала, чтобы хоть как-то сгладить огромную непоправимую вину Советского государства перед российскими немцами. Напротив, Германия, вставшая после своего объединения в 1990 г. перед очень нелегкими проблемами, нашла возможности, чтобы принять с тех пор почти 2 млн. российских немцев и членов их семей. Этот процесс имел, конечно, не только плюсы, но и немалые минусы, и о некоторых из них я расскажу чуть ниже. Однако, при всей его неоднозначности, полное недоумение лично у меня вызывает лишь один момент: почему германские власти, активно занимаясь проблемами российских немцев, ни разу не напомнили публично новоиспеченным правителям постсоветских государств, что ответственность за судьбу их немецкого населения несет отнюдь не только Германия?

Как бы там ни было, мы с женой оказались в Германии не только поздними, но и явно запоздалыми переселенцами. Об этом свидетельствуют уже словари: немецкое слово «spät» можно перевести на русский и как «поздний», и как «запоздалый». А нам по прибытии в Германию чаще всего задавали два вопроса. Первый: почему вы выехали сейчас, когда жизнь в России и, тем более, в Москве (откуда мы и прибыли) вроде бы налаживается? Второй: почему вы решились на выезд так поздно?

Дабы не утомлять читателя излишними в данном случае деталями, скажу только, что ответы на эти вопросы связаны в первую очередь с нашей профессиональной деятельностью. Мы много лет были сотрудниками Общественной академии наук российских немцев, которая с нашим участием выпустила в Москве немало книг по российско-немецкой проблематике, включая 4-томную Энциклопедию «Немцы России». В начале 2007 г., когда последние два тома Энциклопедии, издававшейся при содействии германских, а отчасти и российских властей, вышли в свет, стало окончательно ясно, что финансировать дальнейшие проекты Академии никто не собирается.

Чему удивляться? Общественные науки переживают в нынешней России не лучшие времена, все более откровенно опускаясь до функций «сферы обслуживания» и вырождаясь в апологетику существующего режима, а заодно советского и досоветских режимов. Этой печальной участи не избежали, увы, и некоторые известные историки российских немцев. С другой стороны, власти России наиболее охотно финансируют сегодня применительно к российским немцам не научные исследования какого бы то ни было характера, а разного рода массовые тусовки, якобы способствующие «национально-культурному возрождению». Да и читателей научной литературы по нашим проблемам остается в России все меньше. Чрезвычайно показательно, что львиную долю откликов на наши издания мы получали из Германии, а не с территории бывшего СССР.

Минувшей зимой я написал «Гомо антиполитикус» – обширные воспоминания о 60-х и частично 50-х годах, пока что не опубликованные. Теперь мне ясно, что этой книгой я распрощался не только с незабвенными временами моего детства и юности, но и со всей своей жизнью в СССР, а также постсоветской России. В нынешних записках мне бы, в свою очередь, хотелось отразить впечатления о встрече с Германией.

Возможно, слово «встреча» здесь не совсем уместно: как-никак, я впервые побывал в ГДР еще в 1970 г., а в ФРГ – в 1991 г., и с тех пор приезжал в Германию более десятка раз. Уже моя дипломная работа в Ленинградском университете (1977 г.) была посвящена экономической истории ФРГ в 50-70-х годах, да и после этого мне не раз доводилось писать или выступать о различных сторонах жизни этой страны. Но впечатления туриста, гостя, стороннего наблюдателя и, с другой стороны, постоянного жителя – это все-таки очень разные вещи, в чем я и убедился сразу же по приезду в Германию.

За минувшие с тех пор 2 недели у меня практически не возникало желания сесть за компьютер – эти дни, как увидит читатель, были заполнены множеством других дел, а по ночам я спал как убитый. Прошлой ночью я первый раз в Германии долго не мог заснуть. Мне показалось, что я начинаю привыкать к своей новой жизни, и именно поэтому у меня, видимо, возникло желание ее отобразить. Хотя эти записки задуманы как дневник, о минувших 14 днях я могу написать, естественно, только в ретроспективе. Но это время еще настолько живо в моей памяти, что я помню его «как сегодня».

Сейчас мне кажется, что я брошу вести свой дневник, как только перестану ощущать свое временное, промежуточное состояние переселенца. Какие события могут этому способствовать – переезд из общежития на квартиру, устройство на работу и т.д., мне пока еще, разумеется, неизвестно.

31 октября 2007 г.

Наши последние дни в Москве были заполнены нескончаемой предотъездной суетой. Где-то за неделю до отъезда я практически перестал спать по ночам. Вдобавок ко всему у меня вдруг разболелся зуб и раздуло щеку, что со мной бывает очень редко.

Мы могли добраться до Германии тремя способами – автобусом, поездом и самолетом. Взвесив все «за» и «против», в конце концов отдали предпочтение авиации. Благо, компания «КрасАйр» предлагала на рейс Москва – Ганновер весьма недорогие билеты. Забегая вперед, скажу, что уровень сервиса красноярского авиаперевозчика вполне соответствовал стоимости его услуг.

Несколько дней перед нашим отъездом над Москвой стоял густой туман. Мы уже пожалели, что связались с авиацией, но под вечер 30 октября погода, к счастью, прояснилась.

Утро 31 октября выдалось солнечным и довольно теплым. Это были последние погожие часы нашей последней московской осени. Распрощавшись с нашей привычной квартирой на юго-восточной окраине Москвы, неподалеку от станции метро «Выхино», мы двинулись на такси в близлежащий аэропорт «Домодедово».

Домодедово – Фридланд

По прибытии в Домодедово мы были ошарашены известием о том, что вес нашего багажа заметно превышает норму и нам надлежит доплатить за это, кажется, 6000 рублей. В действительности у нас было совсем немного вещей, но среди них – два тяжеленных чемодана, битком набитых книгами и бумагами. Между тем, я взял с собой лишь то, что было мне совершенно необходимо для продолжения работы в области истории российских немцев – мои собственные книги, 4-томную Энциклопедию «Немцы России», другие справочные издания, все основные словари, имевшиеся у меня. Последние понадобились мне только через 4 года, когда у меня, наконец, дошли руки до воплощения моей давней задумки – составления фундаментального словаря нашего поволжского диалекта.

Мы внесли требуемую сумму, но вскоре еще раз поплатились за дешевые билеты компании «КрасАйр» – наш рейс отложили на несколько часов. Это было неприятно вдвойне – в ганноверском аэропорту нас должны были встречать моя двоюродная сестра Лида Виншу с мужем Виктором. Лиду я знал с раннего детства, а с ее семьей познакомился несколько лет назад в Москве, куда они прибыли из своей Караганды по случаю собственного выезда в Германию.

Пока мы томились, ожидая посадки на самолет, я обратил внимание на человека, показавшегося мне знакомым. Это был мой давний товарищ по нашему национальному движению Виктор Данн, с которым мы встретились еще в 1990 г., когда оба оказались членами Оргкомитета I съезда немцев СССР. Мы не виделись уже около десятка лет, а потому не сразу узнали друг друга. Виктор летел тоже в Германию, но другим рейсом. Он рассказал, что несколько лет назад выехал туда всей семьей, однако, получив германское гражданство, вскоре вернулся в Новосибирск. Тут он был при деле, не без успеха занимался коммерцией, а в Германии не смог себя найти, и она показалась ему очень скучной. Я давно уже был знаком с подобными историями, но рассказ Виктора, прозвучавший в самый неподходящий момент, еще больше испортил мне настроение, и без того не особо радужное.

Когда мы, наконец, долетели до Ганновера, родичи нас уже заждались. Мы сразу же поехали с ними в приемный лагерь Фридланд, находившийся неподалеку от Гёттингена, где я побывал еще в 1996 г., на международной научной конференции по проблемам российских немцев. Уже совсем стемнело, дорога не освещалась, но Виктор вел машину уверенно – он не раз возил наших переселенцев по этому маршруту. По прибытии во Фридланд нас довольно быстро зарегистрировали, выдали нам ключи от комнаты, анкеты для заполнения и «бегунки», с которыми нам наутро предстояло обойти

все необходимые службы лагеря. Родичи проводили нас в комнату, вручили нам самую необходимую посуду, еды, дабы перекусить с дороги, и отправились в дальний путь к себе, в район Кайзерслаутерна. Они по собственному опыту хорошо знали, без чего не обойтись переселенцам по прибытии в лагерь.

Мы наскоро поели и тут же свалились с ног от усталости и дорожных переживаний. Комната была большая, в ней стояло немало железных кроватей – как нам потом сказали, доставленных сюда вроде бы из американских казарм. Я, по своей привычке ездить в поездах на второй полке, залез на верхотуру и здесь. Помимо нас в комнате не было никого. Вообще Фридланд был к тому моменту уже почти пуст, тогда как в середине 90-х, в разгар массового приема наших переселенцев, здесь, по их рассказам, было негде ступить ногой. В то время в Германии функционировало еще несколько приемных лагерей, а теперь остался один Фридланд, но и в нем сколько-нибудь заметное скопление людей можно было наблюдать разве что перед кабинетами чиновников или в столовой. Кормили нас там бесплатно, однако еда была весьма скудной и немудреной.

Лагерь Фридланд был открыт британской оккупационной администрацией уже в 1945 г. Место для лагеря было выбрано с учетом того, что оно находилось у пересечения трех оккупационных зон Германии – британской, американской и советской. Впоследствии Фридланд был передан в распоряжение властей ФРГ и использовался ими для приема и первичной регистрации самых разных категорий людей, прибывавших в страну, – бывших военнопленных, беженцев, переселенцев из Восточной Европы и с территории СССР и т.п. В 1949 г. в лагере, на пожертвования его обитателей, был установлен мемориальный Фридландский колокол, существующий и поныне. В начале 1954 г. Фридланд посетил канцлер ФРГ К. Аденауэр, и через пару лет сюда прибыли последние немецкие военнопленные, освобождения которых ему удалось добиться в ходе своего визита в Москву в сентябре 1955 г.

Мы с женой еще раз побывали во Фридланде в октябре 2010 г., когда сюда прибыли из Москвы ее дочь и внучка. Тогда нам говорили, что лагерь вскоре закроют и создадут на его территории музей. Сегодня эта участь Фридланду больше не грозит – он наводнен беженцами из Сирии и других стран «третьего мира». Только в 2015 г. их, по некоторым сообщениям, прибыло в Германию свыше миллиона, тогда как немцев-переселенцев из стран бывшего СССР – чуть более 6000: что называется, иммиграционные приоритеты в действии.

Наутро, после завтрака, мы сразу же отправились в маршрут по лагерю, начертанный в наших «бегунках». Первым делом прошли флюорографию грудной клетки, на что затратили около часа. Интересно, сколько времени требует эта процедура теперь, когда ее ежедневно проходят сотни людей, нуждающихся в медицинском обследовании никак не меньше нас?..

Затем мы приступили к обходу всевозможных кабинетов, который тоже занимал немало времени – очереди были не так уж велики, но опрос продолжался долго, поскольку немецким наши переселенцы владели слабо, и их приходилось опрашивать через переводчиков. К тому же некоторые чиновники, особенно дамы польского происхождения, наводили на бедных переселенцев страх и ужас. Опрос касался многих тем, включая такие важные, как то, в какой Земле хотел бы проживать переселенец и не желает ли он скорректировать немецкое написание своей фамилии. Тут мне вспомнился известный в ту пору анекдот, в котором один наш переселенец спрашивает другого: „In welche Erd kamst du?“ («Ты в какую землю попал?»). Соль анекдота в том, что если под «землей» подразумевается территориальная единица, то следует говорить не „Erde“, а „Land“. Я сказал, что мы хотели бы попасть в Землю Баден-Вюртемберг, поскольку там живет моя старшая сестра, которая по состоянию здоровья нуждается в уходе. К вечеру обход кабинетов был, наконец, завершен, мы уложились со всей этой процедурой всего в один день.

Однако на следующее утро выяснилось, что наше пребывание во Фридланде может затянуться. Накануне, 1 ноября, в Баден-Вюртемберге был выходной по случаю католического церковного праздника, и потому уведомление о том, что нас там согласны принять, во Фридланд еще не поступило. Ближе к середине дня ответ из Баден-Вюртемберга, наконец, пришел, и он поверг меня в крайнее изумление: там значилось, что нам надлежит прибыть в переходный лагерь Тюбинген-Вайльхайм, тогда как я просил поселить нас поближе к Штутгарту. Дело в том, что Штутгарт был мне уже достаточно знаком (хотя не особенно нравился), и я знал, что там находится библиотека с лучшим в Германии подбором литературы о российских немцах. А в Тюбингене я никогда не бывал и слышал о нем лишь то, что там расположен знаменитый университет и издается много книг (некоторые из них, посвященные экономике, попадались мне еще в студенчестве). Сегодня я благодарю судьбу за то, что нас тогда отправили именно в Тюбинген: жить, да и просто бывать в этом красивейшем городе и его окрестностях, по-моему, намного приятней, чем в безликом Штутгарте, к тому же переполненном мигрантами.

Когда нам, наконец, вручили извещение из Баден-Вюртемберга, во Фридланде уже находился мой двоюродный брат Володя Нихельман, вызвавшийся довезти нас до места назначения. Мог ли я тогда представить, что брату, с которым мы были так дружны с детских лет, осталось жить всего два месяца?..

Спецслужбы не дремлют

Самым пикантным эпизодом нашего пребывания во Фридланде оказался опрос (или, если угодно, допрос) с пристрастием, учиненный мне влиятельной германской спецслужбой. От приведения ее названия воздержусь – зачем мне, лояльному гражданину Германии, выдавать кому ни попадя наши государственные секретики? Контрразведчик первым делом известил меня, что я могу при желании не отвечать на его вопросы. Я пожал плечами и сказал, что мне нечего скрывать от властей исторической родины. Тут собеседник, облегченно вздохнув, воскликнул: «Что же вы так долго не ехали? Мы вас уже заждались!» «Заждались», как оказалось, потому, что германская контрразведка составила целый кондуит о деятельности нашего Общества «Возрождение», и в этом гроссбухе недоставало, якобы, только моих «свидетельских показаний». Я пообещал поделиться всей интересующей их информацией, которой я располагаю, и услышал, что это лучше сделать не во фридландской суете, а в спокойной обстановке переходного лагеря, куда нас должны были вскоре отправить. Я заверил, что готов пообщаться с ними и там, на чем мы и расстались к обоюдному удовлетворению.

Через несколько недель контрразведчики действительно нагрянули к нам в Вайльхайм, вызвав в нашем зачуханном лагере изрядный переполох. Наша начальница видела столь важных персон, похоже, первый раз в жизни, а потому была и смущена убогостью окружающей обстановки, и озабочена тем, где же разместить нежданных гостей. Те, заглянув в наш непритязательный барак, только укоризненно покачали головами и озадаченно поцокали языками. Тут явно не было места для конфиденциальной беседы, и начальница выделила нам в этих целях большую комнату с отдельным входом, примыкающую к своему кабинету, о существовании которой я даже не подозревал.

Контрразведчиков было двое – мужчина и женщина. Всю беседу-допрос вел мужчина, а женщина лишь что-то записывала по ходу дела. Мы общались два дня подряд, каждый раз часов по пять. Общение было вполне корректным, но к вечеру у меня голова шла кругом – просто потому, что по нескончаемому кругу вращался сам наш разговор.

Как известно, слово к бумаге не пришьешь, а посему контрразведке хотелось выудить из меня не только некие словеса, но и, так сказать, вещдоки. За последние сошли несколько файлов с моими работами по проблемам российских немцев, которые сохранились у меня в компьютере. Меня особенно удивило, что германскую спецслужбу заинтересовал файл с частью текста моей первой книги «Прощальный взлет», которая

была давно издана и достаточно известна, в т.ч. и в Германии. Видимо, в германских (как и в российских) бюрократических структурах начальство ценит не столько содержание или качество, сколько количество добытого материала. На второй день контрразведчики привезли с собой целую коробку пустых дисков, и я потратил пару штук из них для размещения своих файлов. Неиспользованные диски были оставлены мне в презент (я и по сей день израсходовал их не полностью), как и коробка конфет для моей жены – в виде мзды за доставленные ей треволнения.

Основным чувством, владевшим мной во время этих бесед, была, признаться, неловкость. Мне было мучительно неловко, что солидные занятые люди за два дня «намотали» на служебной машине ради общения со мной не одну сотню километров, а я практически ничем не мог компенсировать эти титанические усилия. Не мог потому, что германскую контрразведку интересовали любые детали контактов «Возрождения» со всесильным, по их мнению, КГБ, тогда как все известные мне подробности на сей счет можно было спокойно изложить за полчаса. За 10 лет своего пребывания в «Возрождении» я беседовал по поводу деятельности нашего общества всего с двумя сотрудниками КГБ, причем первый из этих контактов вообще не представлял интереса для какой-либо спецслужбы, а о втором – с небезызвестным подполковником КГБ Александром Кичихиным – я уже написал к тому времени в своих книгах и прочих публикациях с исчерпывающей полнотой.

В первом случае со мной пожелал побеседовать представитель местной структуры КГБ в небольшом кузбасском городе Белово, где я встречался с избирателями как кандидат в народные депутаты РСФСР. Шел февраль 1990 г., и вся моя активность в «Возрождении» еще ограничивалась местным уровнем – так, я принял участие в создании структур этой организации в нашем Кемерово и в Кемеровской области. Однако беловского товарища интересовало совсем не это, а наши планы на всесоюзном и всероссийском уровнях. Но тут я был в состоянии только изложить соответствующие материалы московской газеты «Нойес Лебен», с которыми в КГБ могли при желании ознакомиться и без меня.

С А. Кичихиным я впервые встретился в Москве в августе того же 1990 г., и он произвел на меня тогда впечатление человека, терзаемого одиночеством и какой-то странной неприкаянностью. Посудите сами: высокопоставленный сотрудник КГБ битый час излагал свои соображения о дальнейшей деятельности «Возрождения», имея перед собой всего лишь активиста регионального уровня, еще никому не известного за пределами Кузбасса и Западной Сибири. Впоследствии мне доводилось общаться с Кичихиным неоднократно, и все наши встречи проходили по тому же сценарию: он что-то рассказывал (чаще всего – довольно дельные или хотя бы интересные вещи) и практически ничего не пытался выяснить у меня. А ведь я стал со временем в «Возрождении» тем, что в советские времена называлось «замом по идеологии», и был исчерпывающим образом осведомлен о нашей политической деятельности. На мой взгляд, это более чем странное поведение Кичихина могло иметь лишь одно разумное объяснение: российские немцы и их «Возрождение» по-настоящему интересовали тогда в КГБ только его самого, нашего официального «куратора».

Этим я вовсе не хочу сказать, что КГБ никогда не стремился держать движение российских немцев под своим «колпаком». Стремился, и еще как – к примеру, в 1965 г., когда неустанно травил участников первых делегаций российских немцев, посетивших тогда Москву, да и всех наших соплеменников, поддерживавших этих делегатов. Живые следы этой былой активности КГБ я мог наблюдать и четверть века спустя: по всем повадкам некоторых тогдашних лидеров «Возрождения» было видно, что они знакомы с этой структурой далеко не понаслышке. Однако их непосредственными «поводырями» были в то время уже не спецслужбы, а тупые партийные органы, гадившие нашим немцам по старой привычке при каждом удобном случае. Результаты этой бурной деятельности хорошо известны: пока кретины из ЦК КПСС «воевали» с российскими немцами,

рассыпалась в прах вся их прогнившая партия. Что же касается тогдашнего КГБ, то мы, по-моему, интересовали его только в одном отношении – как бы нас не втянули в какие-нибудь межнациональные конфликты, которых эта структура опасалась вполне резонно. Не раз говорил со мной на эти темы и А. Кичихин. Впрочем, говорил не особенно активно: он-то ведь прекрасно знал, что, скажем, противостояние между русскими и немцами на Волге разжигают местные партбоссы, а отнюдь не «Возрождение».

Сегодня для любого человека, достаточно осведомленного об истории последних лет существования СССР, не составляет секрета, что тогдашнюю верхушку КГБ во главе с В. Крючковым заботило, по большому счету, только одно: судьба громадного национального достояния, становившегося в процессе распада КПСС и СССР, что называется, бесхозным. Что могли значить на фоне этих глобальных потрясений какие-то российские немцы со всеми их национальными организациями?!

Не знаю, удалось ли мне убедить во всем этом моих собеседников из германских спецслужб. Они ведь привыкли считать своими соперниками – в т.ч. по части влияния на разные слои населения – в первую очередь аналогичные спецслужбы противодействующей стороны. Да и желающих публично поразглагольствовать о связях «Возрождения» и КГБ с годами ничуть не поубавилось – скорее, наоборот. В чем тут дело – в буйной фантазии, в привычке к пустому зубоскальству или в обычном скудоумии, судить не берусь.

Вайльхайм

После отъезда из Фридланда мы провели несколько дней в Баден-Вюртемберге, у наших ближайших родственников, где отметили и день рождения моей жены – первый на германской земле. В понедельник, 5 ноября, тот же Володя Нихельман повез нас по назначенному адресу в Тюбинген-Вайльхайм. До 8 января 2008 г., даты безвременного ухода моего двоюродного брата из жизни, мы встречались с ним еще трижды, но нашей квартиры в Роттенбурге Володя уже не увидел, хотя о вручении нам ключей от нее я еще успел ему рассказать.

В машине Володи был навигатор, но мы, тем не менее, пару раз проехали мимо нашего лагеря – приземистый барак возле трассы Тюбинген – Роттенбург совершенно не увязывался с нашими представлениями о виде общежития для переселенцев. Въехав, наконец, во двор, мы увидели человека в белой майке-безрукавке – день выдался не по-ноябрьски теплым и солнечным. Это чинил свой видавший виды велосипед один из обитателей барака Валерий Лумельский, приехавший сюда из Донецка как «контингентный беженец» (т.е. по еврейской линии). Начальница лагеря довольно быстро нас оформила, и мы, с помощью Валерия Михайловича, понесли наши увесистые чемоданы по наружной лестнице барака на второй этаж.

Впервые оказавшись в Тюбингене, я был буквально очарован этим старинным городом, живописно раскинувшимся на холмах вдоль реки Неккар, особенно его историческим центром. Примечательно, что архитектура Тюбингена относительно мало пострадала от бомбардировок в годы Второй мировой войны. Нам рассказывали, что английские летчики, когда-то учившиеся здесь в университете, якобы, старались не сбрасывать бомбы на Тюбинген – аналог известной истории о спасении российского города Липецка от немецких бомбардировок. В послевоенные годы Тюбинген стал центром Земли Вюртемберг-Гогенцоллерн (в этих местах находились владения прусской династии Гогенцоллернов), влившейся затем в Баден-Вюртемберг.

Вайльхайм, насчитывающий более чем 900-летнюю историю, является теперь частью Тюбингена и расположен в 3-х километрах к юго-западу от его центра. Вайльхайм известен своей старинной церковью, а также трактиром, где любили попировать тюбингенские студенты, сооруженным у дороги из Тюбингена в Роттенбург еще в XVIII веке. Это заведение существует и поныне, и мы всё собирались его посетить, да так и не

собрались – наше пребывание в Вайльхайме оказалось слишком скоротечным. Зато регулярно навещали другое заведение по соседству с нашим лагерем – универсам «Реал», где мы вскоре приобрели большой телевизор.

Комната, выделенная нам в бараке, была крошечной, в ней едва уместились двухэтажная деревянная кровать, небольшой стол с парой стульев и шкаф для одежды, на который мы водрузили новоприобретенный телевизор. Наши дни в лагере были заполнены беготней по чиновным кабинетам, а затем посещением языковых курсов. Так что мы обычно появлялись в нашей комнате только к вечеру, и тогда там бывало людно.

Нас навещали две немецкие семьи из Казахстана, жившие рядом с нами, и три еврейские семьи из Донбасса, включая семьи В. Лумельского и его сестры Ирины, размещенные за соседней входной дверью в барак. Чаще других у нас бывал Валерий Михайлович: человек деловой, он сразу же озаботился поиском квартиры, и мы регулярно штудировали с ним многочисленные объявления о сдаче жилья, появлявшиеся в местных газетах. Кроме того, Лумельский оказался хорошим рассказчиком, и мы нередко слышали от него занимательные житейские истории, в т.ч. о его учительской работе на далеком экзотичном Сахалине. С Лумельским мы общаемся до сих пор, и для меня не стало неожиданностью, что наши взгляды на трагические события в Донбассе полностью совпали, хотя я никогда не бывал в тех местах, а он прожил там почти всю свою предыдущую жизнь.

Из обитателей нашего барака у нас не было контактов лишь с негритянкой средних лет, жившей в комнате с отдельным входом. С ней, не зная языка друг друга, мы могли только здороваться, да и виделись весьма редко – разве что слышали громкую музыку, регулярно доносившуюся из-за ее двери. Все остальные беженцы (по-немецки Asylanten) из Азии и Африки, которых здесь было заметно больше немецких и еврейских переселенцев, вместе взятых, жили не в нашем бараке, а в соседнем административном здании, гораздо более солидным и благоустроенном. Нехитрым лагерным хозяйством заведовал комендант (по-немецки Hausmeister), наш переселенец Иван Дорш. Он был столь же энергичен и жизнерадостен, как В. Лумельский, и тоже охотно общался с ним. В обязанности Вани входила и каждодневная раздача беженцам продовольственных пайков – денег им на руки не давали, но обеспечивали бесплатным питанием.

Судя по виду этих беженцев, они здесь далеко не бедствовали, но Германия как таковая их, похоже, не интересовала вовсе. Разительный контраст с нами и нашими соседями-евреями: тот же В. Лумельский без конца выяснял разные особенности немецкого языка и жизни в Германии. В общем, как гласила советская присказка, «два мира – два Шапиро», и наблюдая их воочию изо дня в день, трудно было не задуматься: зачем нужны Германии жители, которых она интересует разве что в качестве источника доходов, желательно – нетрудовых? От представителей германских властей я за 8 лет жизни здесь так и не услышал сколько-нибудь вразумительного ответа на этот кардинальный вопрос.

Из обитателей нашего барака, как и следовало ожидать, раньше других нашел подходящую квартиру В. Лумельский. Мы ездили вместе с ними на «смотрины» в одну из тюбингенских высоток, и нас всех впечатлил красивый вид, открывавшийся на город с балкона этой квартиры. Правда, первыми уехали из барака не Лумельские, а мы, сумевшие разобраться с жилищным вопросом и вовсе молниеносно. 22 декабря нам уже вручили ключи от квартиры в соседнем Роттенбурге, а через несколько дней мы, с помощью Володи Реша, сына моей двоюродной сестры, перевезли туда наши немудреные пожитки.

Первый Новый год в Германии мы встретили хотя и не в новой квартире, к тому времени еще совсем пустой, но уже вдалеке от вайльхаймского барака, у наших друзей по Москве – Эдуарда Бернгардта и его жены Марины, живущих на западе Баден-Вюртемберга, неподалеку от французской границы. А перед этим они свозили нас в старинную эльзасскую деревушку к югу от Страсбурга. Живописная деревенька и ее

фирменные крепкие напитки нас весьма впечатлили, однако мы обратили внимание и на контраст между Германией и Францией: переехав через Рейн у Страсбурга, ты будто оказываешься в другом мире – и порядка поменьше, и дороги похуже, и придорожного мусора побольше.

Роттенбург

Наше появление в Роттенбурге-на-Неккаре (это уточнение нелишне, поскольку в Германии существуют и другие Рот(т)енбурги) имело довольно странную предысторию: после прибытия в Вайльхайм я полтора месяца сопротивлялся вполне естественному поселению в соседнем с нашим лагерем городе. Дело в том, что Роттенбург, в отличие от протестантского Тюбингена, является исконно католическим городом, более того – одним из центров католицизма на юге Германии, а мои близкие много рассказывали мне о том, насколько непростым было соседство лютеран с католиками в их родном Марксштадте на Волге.

Прожив в Роттенбурге свыше 8 лет, я вспоминаю об этих своих опасениях разве что с недоумением. Ничего похожего на межконфессиональную рознь я здесь так и не обнаружил, в Роттенбурге даже есть лютеранская церковь, построенная еще в середине XIX века. Да и мои собственные предки жили отнюдь не в изоляции от католиков. Так, на католичке был женат один из наших прародителей Карл Лоос (фамилия моей бабушки по отцу), а совсем недавно я узнал, что католиками являлись, видимо, и первые поволжские Дизендорфы.

По прибытии в Германию нас с женой распределили в округ (Kreis) Тюбинген, и, согласно германскому законодательству о переселенцах, мы могли в течение первых трех лет проживать только здесь. Изучив географию нашего округа, я обнаружил в нем немало населенных пунктов, но они в подавляющем своем большинстве были сельскими, а на селе мы оба никогда не жили. Городов здесь было всего три – Тюбинген, Роттенбург, Мёссинген. В Тюбингене мы бы остались с удовольствием, но это было, увы, нереально: в результате громадного скопления студентов здесь практически отсутствовало подходящее для нас недорогое жилье. В Мёссинген я как-то заехал ненароком, и он показался мне совсем захолустным. Стало быть, оставался только Роттенбург. Я, скрепя сердце, согласился съездить сюда, город мне в общем и целом понравился, но все-таки не настолько, чтобы сразу же смириться с проживанием в нем.

К счастью, один наш знакомый посоветовал нам обратиться к роттенбургскому жилищному маклеру Ульриху Видмайеру. Тот сообщил, что может предложить подходящую для нас квартиру неподалеку от своего маклерского бюро, и едва мы переступили ее порог, как для меня стало ясно: это и есть то, чего мы ищем! Впоследствии мы еще раз прибегли к услугам У. Видмайера и вновь убедились, что на этого превосходного специалиста и человека можно твердо положиться.

Наш Роттенбург – один из древнейших городов Германии, он возник под кельтским названием Сумелоценна (Sumelocenna) около 2000 лет назад и изначально входил в состав Римской империи. Об этой седой старине в нынешнем Роттенбурге напоминают не только остатки древней крепостной стены и Римский музей, но даже автобусная остановка у нашего дома – „Flavierweg“, название которой восходит к Флавиям, тогдашней династии римских императоров. Однако в период распада Римской империи город был заброшен и возродился под современным названием, означающим не то «Красная (т.е. кирпичная) крепость», не то «Крепость на руинах», лишь в XIII веке. А еще через столетие эту территорию приобрели Габсбурги, после чего Роттенбург почти 500 лет принадлежал к их австро-германской империи и только в итоге наполеоновских войн отошел к Вюртембергу. Далее на чисто католическую территорию к юго-западу от Тюбингена стали постепенно переселяться протестанты, чем и объясняется возведение в Роттенбурге вышеупомянутой лютеранской церкви.

В нашем городе сохранились некоторые здания и сооружения полутысячелетней давности, однако сегодня наиболее знамениты два местных учреждения, возникшие только в XIX веке, – Епископат и тюрьма, сооруженная на территории старинной крепости. Роттенбургские застенки служили «приютом» многих известных людей – от одного из создателей Компартии Германии В. Мюнценберга до современного дипломированного химика Р. Гермара, угодившего сюда за публичные сомнения в том, что давно утвердившийся образ газовых камер в нацистских концлагерях соответствует исторической действительности.

Как бы там ни было, все перечисленные объекты расположены в историческом центре Роттенбурга, на левом берегу Неккара. Мы же поселились на возвышенном правобережье, в южной части города, в районе Кройцерфельд (Kreuzerfeld). Данное название связано с местной достопримечательностью – двумя липами у старинного каменного креста („zwei Linden beim Kreuz“). Эта часть Роттенбурга начала застраиваться лишь в 1960-х годах, и наш дом на Конрад-Аденауэр-Штрассе, возведенный в 1969 г., явился здесь одним из первых крупных зданий.

Дела квартирные

Когда меня спрашивают: «Ну, как тебе живется в Германии?», я предпочитаю отвечать уклончиво: «В нашей германской квартире мне живется хорошо». Да, лучшей квартиры сравнимых размеров, чем наша, я себе и представить не могу. Очень хорош и наш Роттенбург, уютно раскинувшийся на невысоких холмах, привычных мне по родному Кузбассу. Чуть меньше мне по душе Баден-Вюртемберг, хотя более живописной и ухоженной Земли я в Германии не знаю. Не хотел бы показаться новообращенным «квасным патриотом», но даже хваленая соседняя Бавария нам в этом смысле, по-моему, не конкурент: едва только пересекаешь баварскую границу, как видишь, что здесь «и трубы пониже, и дым из них пожиже». Ну, а к Германии в целом я отношусь весьма неоднозначно, что и пытаюсь отразить в этих своих записках.

В квартире, доставшейся нам через маклера У. Видмайера, две большие комнаты, просторная кухня, великолепный балкон, раздельный санузел, вместительный чулан – в общем, все мыслимые удобства. И при этом наша жилплощадь не выходит за пределы, установленные для неработающих переселенцев германской социальной системой. Квартира расположена на 2-м этаже – оптимальном, на мой взгляд, для 4-этажного дома без лифта. Наши большие окна выходят на север и юг, открывая живописный вид соответственно на историческую часть Роттенбурга и на просторную лужайку за домом, обсаженную деревьями. На эту лужайку выходит наш балкон, и я могу поминутно любоваться ею из-за своего письменного стола, стоящего у окна.

Примерно через 30 лет после возведения нашего дома его наружные стены капитально утеплили. В результате мы за все годы проживания здесь еще ни разу не включали квартирного отопления – нам вполне хватает тепла от солнечного света, а также от небольших участков отопительной системы, функционирующих и без ее включения. Напротив, летом в нашей квартире почти никогда не бывает жарко.

Для полноты картины опишу и наши внеквартирные удобства. В подвале дома есть запираемые помещения для личных вещей жильцов (у каждой квартиры отдельное), установки стиральных машин, сушки белья, хранения велосипедов и детских колясок. Мусор мы выносим в запираемое хранилище, куда, как принято в Германии, отдельно складываются пищевые отбросы, разная пластиковая упаковка (в выдаваемых нам желтых мешках) и прочие отходы. Ненужную картонную упаковку, бумагу, старую мебель и т.п. мы выносим в установленные дни к дороге, где их собирают коммунальные службы. Гаражей у нас нет, но перед домом каждой квартире отведено место для стоянки автомобиля. Приезжие могут оставлять свои машины чуть ниже, на бесплатной стоянке у дороги.

Весной 2008 г. приобрели подержанный синий «Рено» и мы. Теперь нашей машине 15 лет, но она еще на ходу, только выглядит уже не очень импозантно – летом 2013 г. ее сильно побило градом. Да и больших вылазок мы на ней больше не предпринимаем – у нас водит только моя жена, но и она уже не рискует отправляться в дальний путь за рулем.

После въезда в квартиру мы первым делом принялись ее обставлять. Из новой мебели купили только два раскладных дивана. Почти вся остальная наша обстановка – обеденные и письменные столы, шкафы для белья, посуды и книг, кресла, стулья и т.п. – приобретена в роттенбургском магазине подержанных товаров „Gebrauchte Waren“, который располагался в то время у вокзала, неподалеку от нас. Эта старая мебель вполне добротна и, на наш взгляд, весьма импозантна, хотя стоила она совсем недорого. При содействии знакомого переселенца мы купили в близлежащем городе Нагольде у других переселенцев подержанный кухонный гарнитур. На «блошином рынке» в соседнем Тюбингене приобрели несколько старых картин – я люблю живопись с детских лет и очень ценю ее присутствие в квартире. Самую большую картину с красивым горным пейзажем, а также вместительную книжную полку нам подарила соседка по подъезду, общительная пожилая немка.

Все эти вещи исправно служат нам и сегодня, промашка вышла только с нашим новоприобретенным холодильником «Самсунг». Года через три в нем вышло из строя реле, он перестал включаться и отключаться, мы отвезли его в ремонтную мастерскую, но там, несмотря на все усилия, нам так и не смогли помочь. В итоге пришлось оставить этот металлолом ремонтникам и купить новый холодильник марки «Сименс» – однажды обжегшись на азиатских поделках, мы больше не стали искушать судьбу. Мораль сей «басни» такова: современная электронная техника, особенно азиатского производства, очень ненадежна и ремонту чаще всего не подлежит. Впрочем, иначе и быть не может: если бы клиентам не приходилось регулярно обновлять свою технику, то «потребительский конвейер» дал бы сбой, что для пресловутого «общества потребления» совершенно непозволительно.

Хотя нашему дому уже более 45 лет, в квартире до поры до времени все функционировало нормально, разве что иногда приходилось заменять краны в ванной и на кухне. Аврал произошел, как на грех, в самый неподходящий момент – в апреле 2014 г., когда мы с внучкой выбрались на недельку в Северную Италию. Едва успели там обосноваться, как позвонил по мобильнику из Роттенбурга комендант дома (Hausmeister), огорошивший нас известием, что в нашей квартире прорвало водопроводную трубу. Поскольку мы никому не оставили ключей от квартиры, пришлось согласиться с тем, что комендант взломает нашу входную дверь и затем сменит в ней замок. По прибытии домой мы узнали, что течь не столь уж велика, но установить ее точное место не удалось, а потому придется заменить всю трубу, проложенную под цементным полом от ванной до раковины на кухне.

Так мы получили возможность лично убедиться в том, как работают германские службы по ремонту квартир. Должен сказать, что они произвели на нас крайне противоречивое впечатление. Сами ремонтники, довольно молодые немецкие парни, работали выше всяких похвал: очень четко, слаженно, спокойно, без обычных для России перекуров. А ведь работа у них была воистину адская – с утра до вечера долбить жуткий цементный пол. Не знаю, чем и как мотивируют таких ребят, но они вели себя так, будто от этой работы зависит их личная судьба. Однако организация их труда, увы, никуда не годилась: рабочих что ни день перебрасывали на другой объект, в результате чего наш ремонт затянулся на 1,5 месяца, хотя сами ремонтные работы не заняли в общей сложности и недели.

В конце мая 2014 г. ремонтная эпопея получила продолжение – не у нас в квартире, а во всем нашем доме, который заново побелили снаружи. Этот ремонт продолжался уже не 1,5, а целых 3,5 месяца. Конечно, работа была довольно трудоемкой – пришлось монтировать и перемещать вдоль всего дома строительные леса, – но ведь не настолько,

чтобы потратить на это такую уйму времени! Достаточно сказать, что побелка нашего балкона продолжалась две недели, хотя с ней вполне можно было управиться и за день. Иным, чем у нас в квартире, был контингент ремонтников, состоявший на сей раз в основном из «гастарбайтеров». Трудились они в общем-то неплохо и с побелкой дома вполне справились, но зато целыми днями, ничуть не смущаясь, оглушительно галдели под нашими окнами. Какой контраст с рабочими-немцами – культурными, вежливыми, приветливыми! Вот и еще один аспект массового привлечения в Германию иностранных рабочих…

Личные документы

Перечень личных документов жителя Германии несколько отличается от привычного нам по России, в чем мы убедились сразу же после прибытия на историческую родину. Первым делом нам пришлось завести счет в тюбингенской Kreissparkasse (окружной сберегательной кассе), дабы на него поступало причитавшееся нам социальное пособие.

В самом конце 2007 г. мне прислали удостоверение о моем приеме в Германии в качестве позднего переселенца по § 4. Это означало получение мной германского гражданства, после чего можно было заказывать в роттенбургской ратуше (Rathaus) внутренний и выездной паспорт. Вместо внутреннего паспорта в Германии используется удостоверение личности (Personalausweis), совершенно не похожее на свой российский аналог: пластиковая карточка, выдаваемая на 10 лет, на обороте которой указан домашний адрес. Выездной паспорт (Reisepass), аналог российского загранпаспорта, выдается также на 10 лет. Отметок в моем выездном паспорте немного – выезды в Турцию (дважды), Египет, Черногорию (через Белград). Наши выезды в страны Шенгенской зоны (Франция, Кипр, Португалия, Италия, Хорватия) в выездные паспорта не занесены, а в Россию мы ездим по российскому загранпаспорту.

Получение и обмен российского загранпаспорта в Германии – гораздо более дорогостоящее и утомительное дело, чем аналогичные процедуры с германскими документами. Я занимался этим в 2010 и 2015-16 гг. и оба раза долго приходил в себя. В первом случае мы отправили необходимые документы некой посреднической фирме и только после длительной проволочки получили наши паспорта в Штутгарте, отстояв там длинную очередь. 5 лет спустя «сервис» стал и того хлеще: в Штутгарт пришлось съездить дважды – для личной подачи заявления на паспорт и для получения паспорта. В общем, создается впечатление, что российские чиновники стремятся по максимуму затруднить посещение России ее гражданами, проживающими за границей.

Наконец, такой важный документ, как «карточка здоровья» (Gesundheitskarte), которую выдает AOK – больничная касса по месту жительства. С помощью этой карточки оказываются медицинские услуги, предоставляемые бесплатно или на льготных условиях. Подробностей сообщить не могу, поскольку подобными услугами, к счастью, еще не пользовался.

Job-Center

Англицизм Job-Center (Джоб-центр), столь неблагозвучный для русского уха, означает у нас что-то вроде гибрида бюро по трудоустройству переселенцев и некоторых других категорий безработных с ведомством по выплате им социальных пособий. Данный термин не является в Германии общепринятым: в 2003 г. пресловутая Agenda 2010 позволила объединять эти две столь разные функции также в рамках социального ведомства (Sozialamt).

Нашим бессменным консультантом (Beraterin) по вопросам трудоустройства в тюбингенском Джоб-центре является Сузанна Гайслер. Тут, я считаю, нам явно повезло:

эта молодая доброжелательная женщина меньше всего похожа на бездушную чиновницу. Я с самого начала заметил, что ее искренне беспокоит, как чувствуют себя в Германии наши переселенцы, особенно немолодые образованные люди. Она не раз расспрашивала меня об этих непростых материях, и я пытался объяснить ей на личном примере, что основная проблема подобных людей в Германии – ощущение своей невостребованности, если не сказать ненужности. Фрау Гайслер знает, что я продолжаю здесь свои исследования по проблемам российских немцев, и при каждой нашей встрече интересуется состоянием моих дел в этой области.

Результатом наших бесед с фрау Гайслер являются своего рода контракты между Джоб-центром и мной, где мы раз в полгода принимаем на себя некие обязательства: я – продолжать свои исследования, а Джоб-центр – содействовать мне по мере возможности в этом отношении или в других необходимых случаях. Увы, это ведомство мало чем может мне помочь – уже потому, что сведения о вакансиях в области квалифицированного умственного труда в германские бюро по трудоустройству, как правило, не поступают. В связи с этим фрау Гайслер направила меня однажды в местный Arbeitsamt – учреждение, ведающее, в отличие от Джоб-центра, трудоустройством безработных 1-й категории, у которых перерыв в работе относительно невелик. Там есть специальная служба трудоустройства «академиков», т.е. людей с высшим образованием, но и здесь мне не смогли порекомендовать ничего конкретного.

В сложившейся ситуации функции моей консультантки практически сводятся к тому, чтобы не осложнять мне дополнительно и без того небеспроблемную жизнь, с чем фрау Гайслер справляется вполне успешно. В частности, она никогда не заставляла меня рассылать во все стороны совершенно бессмысленные заявления о трудоустройстве, на что жалуются многие наши переселенцы старшего возраста. Правда, некоторые из них тоже не без греха – они сами стремятся рассылать подобные заявления, поскольку за каждое из них получают от Джоб-центра небольшую мзду.

Единственное, что на первых порах несколько омрачало мои отношения с фрау Гайслер, – это суровый, даже грубый тон ее извещений о наших предстоящих встречах: дескать, попробуй только не явиться – уж тогда мы тебе покажем! Однако вскоре я понял, что дело тут вовсе не в ней, а в общем отношении ее ведомства к нашим переселенцам. Правда, наиболее рельефно это проявляется не в вопросах трудоустройства, а при выплате социального пособия. Тут практически не было случая, чтобы нам продлевали его на очередные полгода без проволочек и придирок, зачастую совершенно идиотских. Соответствующих сотрудников я знаю гораздо меньше, чем фрау Гайслер, виделся с ними всего несколько раз, но эти контакты подсказывают мне, что и тут дело не в личных качествах тех или иных чиновников, а в общей линии деятельности их ведомства. Если сверху постоянно требуют жесткой экономии на социальных расходах, то как могут низовые чиновники продемонстрировать начальству свое служебное рвение? Ясно, что за счет придирок к наиболее безобидным и безответным своим «клиентам». Посмотрел бы я на них, к примеру, если бы они позволили себе нечто подобное в отношении практически неприкосновенных афро-азиатских иммигрантов! В общем, я с нетерпением жду того дня в конце сентября 2016 г., когда, наконец, смогу выйти на пенсию по возрасту и, тем самым, навсегда избавиться от любых контактов с чиновниками Джоб-центра.

Курсы для переселенцев

Мне, как переселенцу, прибывшему в Германию по § 4, полагались здесь бесплатные «интеграционные» (языковые) курсы. В Тюбингене они организуются местной «высшей народной школой» (Volkshochschule), расположенной на городской окраине, в так называемом «французском квартале» (после войны здесь размещались французские войска, оккупировавшие эту часть Германии). В этом заведении нам с женой первым делом предложили сдать тест, дабы установить, в какую категорию обучаемых

нас следует зачислить. Как считает моя жена, мы при этом «сильно перестарались»: ее зачислили в высшую категорию, а мне вообще отказали в курсах за их ненадобностью. В итоге жене удалось добиться перевода в более низкую категорию, а мне пришлось довольствоваться месячным «ориентировочным курсом» (Orientierungskurs), где слушателей знакомили с историей и общественно-политической системой Германии.

Поскольку я когда-то вплотную занимался экономической историей ФРГ, содержание этого курса было мне в основном знакомо. Однако эти занятия все же могли бы пойти мне на пользу, если бы мы там интенсивно общались на немецком – ведь разговорной практики у меня было далеко не густо. Увы, с общением там обстояло совсем «швах», несмотря на все усилия нашей преподавательницы Риты Шойерэккер, достаточно опытного и умелого педагога.

Слушатели, не считая еще одного нашего переселенца и старательной молодой женщины из Индии, общаться на немецком не желали, да и не могли – их знания языка были очень примитивны, хотя многие из них прожили в Германии уже не один год. Для меня осталось загадкой, как эти иммигранты из Азии и Африки вообще попали в нашу группу – ведь для зачисления туда надо было успешно окончить основной языковый курс. В самом начале занятий, когда мы публично представлялись друг другу, Рита, помнится, сказала после моего выступления; «Вы на Виктора не смотрите, для него немецкий – родной язык». Они и не смотрели – ни на Риту, ни, тем паче, на меня, а большей частью просто молчали или несли какую-то околесицу, не имевшую никакого отношения к обсуждаемым вопросам. Да и их кругозор, мягко говоря, оставлял желать большего. Например, на вопрос о том, с какими понятиями ассоциируется у них Германия, несколько человек неожиданно ответили: „Mülltrennung“, имея в виду вышеупомянутое разделение мусора на три категории. Я допускаю, что этот процесс может показаться примечательным людям, не знакомым с ним по собственной стране, но уж не настолько, чтобы считать его чуть ли не «визитной карточкой» Германии.

Хотя я не был зачислен на основные языковые курсы, выпускной экзамен по их программе мне сдавать разрешили. Это не составило мне труда, и через месяц, в середине января 2008 г., я понес свое свидетельство об успешной сдаче экзамена в тюбингенский Job-Center. На положенных переселенцам курсах мне поучиться не дали, но я надеялся, что теперь чиновники все-таки снизойдут к моему усердию на экзамене и направят меня на курсы в том же Тюбингене, которые я выбрал себе сам, – по подготовке для сдачи экзаменов на Großes Deutsches Sprachdiplom, высшую ступень владения немецким языком, существовавшую тогда в Германии для иностранцев. Не тут-то было: фрау Гайслер сказала, что направить меня на эти курсы она, к сожалению, не может, но предлагает мне «привлекательную альтернативу» – курсы по трудоустройству max40 в соседнем Ройтлингене.

Это странное название вызвало у меня ассоциацию с какими-то «Рогами и копытами», но делать было нечего: раз начальство направляет – стало быть, надо идти, тем более, если ты, в сущности, напросился сам. Курсы действительно оказались никчемными: их создатели, похоже, исходили из дурацкого представления о том, что главное для безработного – научиться искусно предлагать себя работодателю. Чем мы и занимались битый месяц с утра и до вечера, прекрасно зная, что основное условие успешного трудоустройства – наличие в данном регионе подходящих рабочих мест в соответствующем количестве, без чего не возымеют действия никакие вопли: «Возьмите, я хороший и очень даже вам сгожусь!» Германские власти, видимо, придерживаются диаметрально противоположного мнения – иначе бы такие курсы-пустышки не расплодились по всей стране, поглощая далеко не малые бюджетные средства.

На этих курсах нам явили и другое обманное «изобретение» – нас приехали заманивать к себе представители крупной местной «ляйфирмы». Поясню, что Leiharbeit или Arbeitnehmerüberlassung – это система найма через фирму-посредника: ты нанимаешься к ней, а она «сдает» тебя тому работодателю, у которого ты реально будешь

трудиться. Значительная часть твоей зарплаты на этом извилистом пути, естественно, «испарится»: налицо откровенно хищническая эксплуатация, наглядно демонстрирующая «волчьи законы капитализма» на примере современного «гуманного» Запада.

До такого наглого трюка могли додуматься, конечно, только в США – в первые послевоенные годы. Оттуда «изобретение», подобно раковой опухоли, стало постепенно расползаться по Европе. В Германии прорыв произошел, как ни парадоксально, благодаря народолюбивым «красно-зеленым»: практически все ограничения на эту грабительскую систему отменила в 2003 г. их Agenda 2010, о которой я уже упоминал. Рекордными для расползания системы по Германии оказались следующие 5 лет – пока этот процесс не был приторможен экономическим спадом, из которого страна не выбралась и поныне. Публика на наших курсах была совершенно неподходящей для заманивания на «ляйфирму»: в большинстве своем – молодые грамотные немцы, хорошо знакомые с сутью дела на собственном опыте. Потому незадачливые агитаторы покинули нас с видимым разочарованием, но и облегчением.

Из трех курсов, на которых я обучался в Германии в 2007-08 гг., удовлетворение доставили мне лишь одни – упомянутые платные курсы по подготовке к сдаче экзаменов на Großes Deutsches Sprachdiplom. Здесь не было ни обмана, ни скучающей публики – только высоко мотивированные люди, главным образом молодые женщины из Восточной Европы (этот диплом был им нужен для учебы в германских вузах), направляемые нашей замечательной молодой преподавательницей Фрауке Гроссхенниг. Ее педагогическое мастерство восхитило даже меня, хорошо знакомого с преподавательской работой. Фрауке удавалось поддерживать в аудитории активное работоспособное состояние в течение всего времени наших занятий, которые проводились раз в неделю на протяжении 2,5 месяцев.

Венцом наших усилий стали трехдневные экзамены, которые желающие из нас, внеся дополнительную плату, сдавали в Штутгарте в мае 2008 г. Там был и экзамен в виде устной беседы, но в основном от нас требовались письменные работы – сочинения на самые разные темы, в т.ч. узкопрофессиональные (в моем случае – по экономике Германии). И все шло нормально, пока мы не добрались до диктанта. Тут я с ужасом обнаружил, что многолетняя работа за компьютером практически отучила меня быстро водить ручкой по бумаге. В общем, диктант я завалил с треском, начертав на экзаменационном бланке одни каракули.

Однако, вопреки моим мрачным предчувствиям, высоких оценок по другим видам экзаменов оказалось достаточно, чтобы компенсировать этот досадный «неуд». В начале сентября 2008 г. мне неожиданно прислали по почте мой диплом с оценкой «хорошо». Никакой реальной выгоды я из него не извлек – устроиться на квалифицированную умственную работу в Германии в моем возрасте невозможно и с помощью десятка дипломов. Но тот факт, что на этих экзаменах я смог успешно конкурировать с гораздо более молодыми людьми, мне, конечно, польстил.

Медицина

Мое непосредственное знакомство с современной германской медициной последовало за фиаско на экзаменационном диктанте, в связи с чем мне посоветовали обзавестись врачебной справкой о том, что я не могу выполнять такого рода письменные работы по состоянию здоровья. В итоге я отправился к нашему участковому врачу (Hausarzt), легкомысленно полагая, что получение подобной справки – плёвое минутное дело. В России распространено мнение, что медицина находится сегодня в Германии на высочайшем уровне – ведь именно здесь предпочитают лечиться так называемые «новые русские». Однако не следует забывать, что этим нуворишам ничего не стоит выложить за лечение сколь угодно высокие гонорары, тогда как основная масса населения Германии

лечится бесплатно, но у «врачей для бедных». К подобному врачу мне и угораздило попасть.

Отсидев положенную очередь, я оказался во врачебном кабинете, сплошь уставленном разнообразной медицинской аппаратурой. Услышав мою незатейливую историю, улыбчивый врач заметно помрачнел и сказал, что к ней следует отнестись со всей серьезностью и что я нуждаюсь в основательном медицинском обследовании. Что и было затем проделано при помощи наличной медаппаратуры. Это продолжалось более получаса, и я был обследован буквально с ног до головы. Наконец, врач изрек, что заподозрил во мне признаки диабета, а потому мне нужно сдать соответствующий анализ крови. Замечу, что этот глубокомысленный вывод вовсе не был результатом проведенного обследования – я сам, отвечая на вопрос врача о возможных наследственных болезнях, сознался, что среди моей родни по отцовской линии распространен диабет.

На следующий день я сдал требуемый анализ, для чего мне сначала пришлось приобрести в аптеке необходимый при данной процедуре препарат. После анализа я вновь оказался у нашего участкового врача, который сообщил, что подозрение на диабет, к счастью, не подтвердилось, но мне теперь надлежит обратиться к специализированному врачу-невропатологу, и выписал соответствующее направление. Оказавшись у этого невропатолога, мы приуныли окончательно. Шла середина мая, врач готовился к летнему отдыху, к нему на прием была записана уйма людей, а потому меня записали только на середину сентября. Однако уже в начале сентября я, как отмечалось, получил свой диплом, а потому необходимость во врачебной справке отпала сама собой. После этого я поклялся, что без крайней нужды никогда больше не переступлю порога германского медучреждения «для бедных».

Я недостаточно сведущ в медицине, чтобы должным образом оценить всю эту кафкианскую эпопею. Не могу сопоставить ее и с аналогичными процедурами в нынешних российских медучреждениях – с их деятельностью я практически не знаком. Однако с работой сибирских врачей 50-80-х годов сталкивался самым непосредственным образом, так что сравнить их с этим немецким доктором могу без труда. Тут мне вспоминаются и слова, сказанные о германских медиках моим двоюродным братом Эрнстом Майером, теперь уже, увы, покойным: «Это не врачи, а диспетчеры». Он знал, о чем говорил, поскольку и с этими медиками, и с работой диспетчеров на угольной шахте был знаком не понаслышке.

У наших сибирских врачей и среднего медперсонала и в помине не было современной медицинской аппаратуры, но это были прекрасные специалисты и на редкость самоотверженные люди – иначе меня, до 10 лет почти непрерывно болевшего воспалением легких, давно бы не было в живых. Мой опыт общения с германскими медиками слишком скуден, чтобы судить о наличии у них подобных качеств в должной мере, но у роттенбургского участкового врача они, по-моему, отсутствовали напрочь. А если врач видит в пациенте не человека, нуждающегося в безотлагательной помощи, а лишь некоего подопытного кролика, над которым надлежит проделывать эксперименты с помощью наличной медицинской аппаратуры, то ждать добра от такого «лечения», конечно, не приходится.

Помимо этого вопиющего случая у меня были и другие поводы поразмыслить о состоянии нынешней германской медицины. К примеру, в нашем небольшом Роттенбурге в изобилии имеются как аптеки, так и дома для престарелых. Эти аптеки невелики по размеру, но если ты закажешь там нужное тебе лекарство, то его доставят от силы за пару дней: потребляй – не хочу! Сегодня хорошо известно, до чего довела такая доступность любых медикаментов советского лидера Брежнева – до самой настоящей токсикомании. Боюсь, что токсикоманами можно считать и значительную часть населения нынешней Германии, в особенности людей старшего возраста.

Один из роттенбургских домов для престарелых, находящийся поблизости от нас, мне хорошо известен – туда я в конце 2010 г. перевез свою старшую сестру Эльвиру.

Всевозможные таблетки там едят килограммами, и результат, что называется, налицо: почти у всех пациентов заметен явный, как здесь выражаются, Demenz – то бишь старческое слабоумие. Я не специалист, который в состоянии компетентно проследить причинно-следственную связь этих двух прискорбных явлений, но воздействие лекарств, особенно антибиотиков, на человеческий организм мне известно хорошо. Вставая в детстве с постели после очередного воспаления легких, я вел себя примерно так же, как эти роттенбургские старики: ходил, держась за стенку, ни на чем не мог сосредоточиться, едва воспринимал окружающий меня мир.

Нынешняя массовая токсикомания, в т.ч. в Германии, – далеко не случайное и не спонтанное явление. Она без устали подпитывается и направляется могучими фармацевтическими концернами, рекламная продукция которых преследует людей на каждом шагу. А если ты обратишься к врачу, то можешь быть уверен, что уйдешь от него с целым ворохом рецептов. И нужны очень серьезные волевые усилия, чтобы отгородиться от всей этой заразы и не «подсесть» на какие-нибудь фармацевтические препараты, навязываемые тебе со всех сторон.

Транспорт

В отличие от медицины, высокий уровень развития транспорта в современной Германии не вызывает у меня сомнений. Но и тут, конечно, есть свои проблемы и накладки, о некоторых из которых я сейчас расскажу.

Пока мы жили в вайльхаймском лагере, наше пользование транспортом ограничивалось в основном автобусом, которым мы ездили на занятия в «высшую народную школу» в Тюбингене. Автобусы были удобные, ходили точно по расписанию, но проезд на них стоил довольно дорого, хотя ехать надо было всего несколько километров. Вскоре нам подсказали, что эти расходы можно существенно сократить, если приобрести месячные проездные билеты, что мы и сделали.

В небольшом Роттенбурге, куда мы переехали из Вайльхайма, городское автобусное сообщение развито незначительно – на весь город всего несколько маршрутов, автобусы ходят только до 6 вечера. Здесь основным для нас видом транспорта стал железнодорожный – мы ездим на нем и в Тюбинген, и в разные другие места. Это удобно еще и потому, что взяв, например, железнодорожный билет до Тюбингена и обратно, можно ездить по нему и на тюбингенских городских автобусах. Есть также льготные железнодорожные билеты на различные маршруты. К примеру, на проходящий через Роттенбург маршрут от Тюбингена до Пфорцхайма, который называется Kulturbahn. Можно приобрести и льготный билет для проезда в пределах всего Баден-Вюртемберга, а с 1995 г. – даже в любое место Германии. Правда, последний действует только в конце недели (отсюда название Schönes-Wochenende-Ticket) и не годится для поездок на скоростных поездах, так что преодоление по нему значительных расстояний требует немалого времени.

В Германии очень густая железнодорожная сеть, но при поездках из одного пункта в другой иной раз приходится совершать до пяти, а то и более пересадок. Ориентироваться в этих случаях помогает подробный план поездки (Fahrplan), выдаваемый билетными кассами или автоматами. Однако поезда имеют обыкновение запаздывать даже в Германии, и тогда эта скрупулезно начертанная схема, конечно, дает сбой. Неопытных пассажиров может ввести в заблуждение и то обстоятельство, что некоторые поезда на узловых станциях разделяются: головная часть следует далее в одном направлении, а хвостовая – в другом. Поначалу мы из-за этого не раз попадали впросак, пока, наконец, не освоились.

Железнодорожное сообщение в Германии продолжает развиваться, хотя иной раз и в ущерб удобствам пассажиров. Ликвидируются небольшие станции, как это произошло, например, в близлежащем к нам Кильхберге. На некоторых вокзалах, в т.ч. в нашем

Роттенбурге, закрылись кассы, и теперь там можно приобрести билет только с помощью автомата. Изменилась и сама эта техника: убраны старые автоматы, достаточно простые в обращении, и вместо них установлены гораздо более «навороченные», но для некоторых категорий пассажиров (например, людей с пониженным зрением) мало подходящие. Настоящий фурор вызвало давно назревшее строительство нового железнодорожного узла и вокзала в Штутгарте. Этим планам решительно воспротивились местные «зеленые», возмущенные тем, что в ходе строительства предстояло спилить некоторое количество старых деревьев. Неразумные, если не экстремистские действия «зеленых» по данному поводу лишний раз убелили меня, что эту «отвязную» публику трудно назвать респектабельной политической силой.

Значительное развитие получил в Германии и авиационный транспорт. Правда, он используется в основном для поездок за границу, а не внутри страны. Так, я летал на внутренних германских линиях всего несколько раз, в т.ч. в 2009 г. из Штутгарта в Берлин и назад. По этому случаю я вновь поразился контрасту между комфортабельным новым аэропортом нашего Штутгарта (когда мы прилетали сюда в 90-х годах, его еще не было) и захолустным видом Тегеля, самого крупного на сегодня аэропорта столицы Германии. Правда, в Берлине еще до нашего переезда в Германию начал строиться крупнейший аэропорт им. Вилли Брандта (в районе Шёнефельда, бывшего аэропорта столицы ГДР), однако воз, как говорится, и ныне там. Первоначально открытие этого авиагиганта намечалось на 2007 г., теперь оно сдвинуто уже на конец 2017 г., но уверенности в том, что будет выдержан хотя бы этот срок, нет в Германии ни у кого. Эта «стройка века» побила, кажется, все рекорды по части скандалов, в т.ч. финансовых. Зная всю эту неприглядную историю, прямо скажем, трудновато поверить, что современная Германия – высокоорганизованное государство с процветающей рыночной экономикой.

Особая роль в Германии принадлежит автомобильному транспорту. О легендарных немецких автобанах я услышал еще в начале 60-х годов от соседа по дому, который вернулся со срочной службы в ГДР и рассказывал у нас во дворе: «По ним нужно ездить не ниже ста – иначе тебя просто сомнут». Не знаю, как тогда, но через 3 десятилетия, когда я впервые увидел автобаны бывшей ГДР, ездить по ним «не ниже ста» было уже чревато – дорожное полотно напоминало по рельефу стиральную доску. Однако в сегодняшней Германии дороги действительно хороши. Тем не менее, их постоянно перекладывают, расширяют, ремонтируют и т.д. Например, у нас в округе это делается настолько часто, что наш автонавигатор, настроенный в 2008 г., с тех пор безнадежно устарел. Правда, в последние годы мы им уже почти не пользуемся, поскольку стали очень редко выезжать на дальние расстояния. Особенно примечательны на германских дорогах многочисленные развязки, отмеченные надписью „Ausfahrt“ («Выезд»). Среди наших переселенцев даже распространен соответствующий анекдот. Вопрос: какой город в Германии самый известный? Ответ: Ausfahrt – к нему отовсюду ведут дороги.

Иной раз мы ездим и на такси, особенно у нас в Роттенбурге, где слабо развит общественный транспорт. Наши таксисты по большей части из мигрантов – турки, итальянцы, российские немцы и т.д. И я бы сказал, что качество обслуживания на такси никак не зависит от национальности таксистов – все они, как правило, вежливые, обходительные, коммуникабельные люди.

Почтовая служба

О германской почтовой службе я тоже высокого мнения – вся почта доставляется в пределах Германии за 1-2 дня, случаев пропажи корреспонденции у нас никогда не было. Однако и здесь случаются свои накладки. Так, в начале 2002 г., приехав в Германию на новогодние каникулы, я договорился по телефону с нашим замечательным тяжелоатлетом, Олимпийским чемпионом Рудольфом Плюкфельдером, давно живущим здесь, что он вышлет мне рукопись своих обширных воспоминаний для их последующего

издания в Москве (что и удалось, наконец, сделать в 2008-09 гг.). Сообщил ему свой временный германский адрес, но забыл упомянуть, на чье имя следует выслать посылку. В итоге он отправил ее на мое имя, и она, естественно, вернулась назад – такого имени местная почта не знала, квартиры в доме (как и в нашем нынешнем роттенбургском) не имели номеров, а потому почтальон никак не мог вручить посылку адресату. Другой пример: я поначалу всё не мог привыкнуть, что на германской почтовой корреспонденции отправитель указывается в верхнем левом углу, а адресат – в нижнем правом, и потому мои письма несколько раз возвращались ко мне.

К работе самой почтовой службы эти казусы, конечно, отношения не имеют – она все делала правильно. Нравятся мне и порядки на нашей роттенбургской почте, расположенной напротив вокзала. Там установлен ксерокс, и при необходимости можно снять копию с отправляемого документа за символичную плату, на почте постоянно работают два «окошка», посетителей обслуживают достаточно быстро и четко. Растущее недоумение вызывает у меня лишь содержание доставляемой мне корреспонденции, но тут уж почтовая служба ни при чем.

В самом деле, что же мне присылают по почте? Письма от родственников или друзей – очень редко (я давно уже привык переписываться только по электронной почте или по сайту «Одноклассники»), книги от знакомых мне авторов – чуть чаще, но тоже далеко не каждый месяц. Между тем, не проходит и недели, чтобы я не получил по почте нескольких писем, и все это – послания от разного рода германских учреждений. Причем бумаги никто из них не жалеет – на то, что можно изложить парой фраз, расходуется, как правило не одна страница. А многие из этих писем вообще не содержат значимой информации, и читая их, трудно не задаться вопросом: зачем вы пишете такую ерундень? Да и всевозможной рекламы – рекламных изданий местных и даже центральных газет, буклетов нашей телефонной компании, мебельного магазина, где мы много лет назад купили свои диван-кровати, и т.д. и т.п. – я получаю здесь намного больше, чем в Москве. Озверев от этого «бумажного спама», мы приклеили к своему почтовому ящику специальную табличку: «Рекламу не бросать!», однако и от нее нам полегчало ненамного. Живя в России, я искренне полагал, что более забюрократизированного государства не может и быть. Однако теперь, пожив в Германии, воочию убедился: еще как может!

Плоды этой чудовищной гримасы «общества потребления», совершенно бессмысленного растранжиривания дорогостоящей бумаги, мы ежемесячно наблюдаем возле нашего дома, когда настает время выставлять у дороги бумажные отходы. Глядя на них, я, признаться, всякий раз вспоминаю крылатое выражение из «Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина» – «круговорот дерьма в природе»…

Продовольственное снабжение и кухня

Я всегда любил вкусно поесть и с детских лет интересовался гастрономией – например, охотно просматривал, а отчасти и читал роскошно изданную «Книгу о вкусной и здоровой пище». И перед первой в моей жизни поездкой в Германию меня не в последнюю очередь занимал вопрос: насколько схожа тамошняя кухня с нашей российско-немецкой, которая мне очень нравилась. Побывав в Германии много раз и уже успев здесь пожить, могу сказать точно, что сходство это, увы, весьма отдаленное. Да, есть некоторые общие гастрономические предпочтения – пристрастие к мучным и молочным блюдам, к свинине (правда, мы ели ее главным образом зимой, после забоя свиней), к натуральному кофе (его мы могли себе позволить только пару раз в год), сладким пирогам и тортам. Имеется и несколько схожих блюд: к примеру, яичная суповая лапша, продаваемая здесь в магазинах, напоминает нашу домашнюю, а знаменитый Eisbein, поданный с тушеной квашеной капустой и картофельным пюре, несколько похож на российско-немецкий Kraut und Brei. Однако здешняя Dickmilch, которую мы часто покупаем, – это вовсе не привычная для нас простокваша, а нечто вроде кавказского

мацони, продаваемого сегодня и в Москве. Потому я в дальнейшем буду сравнивать германскую кухню не с российско-немецкой, а, так сказать, с общероссийской.

Когда мы приехали в Роттенбург, в нашем районе Кройцерфельд из продовольственных магазинов имелась только булочно-кондитерская. Однако через несколько лет неподалеку от нас выстроили большой магазин «Нетто» (довольно дешевый, но не настолько, как, скажем, «Альди» или «Лидл»), где мы с тех пор обычно покупаем продукты. Исходя из опыта посещения этого магазина, я в основном и изложу свои впечатления о продовольственном снабжении в современной Германии.

Если сравнивать германские продукты с российскими, то первые можно условно разделить на три категории: высококачественные (более высокого качества, чем то, к которому мы привыкли), среднего качества и низкокачественные. К 1-й категории я бы отнес, прежде всего, хлеб и хлебобулочные изделия, выпечку, мясопродукты, колбасы, копченую ветчину, сыры, в особенности мягкие, мороженое, ко 2-й – рыбу, яйца, сало, молоко, овощи, фрукты, ягоды, к 3-й – местный «творог» (Quark), все виды солений, горчицу. О напитках, многие из которых не имеют прямых российских аналогов, я расскажу отдельно.

Примечательно, что перечисленные высококачественные продукты почти сплошь германского производства, тогда как среди продуктов среднего качества немало импортных. Я, например, стараюсь пореже есть многообразную импортную рыбу, носящую почему-то одно и то же название Lachs (т.е. лосось или семга), как и норвежскую нарезку из копченой семги – всё это весьма и весьма безвкусно. Германская копченая форель или кильские шпроты, по-моему, гораздо аппетитней. Кстати, видя эти шпроты, продающиеся здесь практически в каждом продмаге, я всякий раз вспоминаю, как Латвия в угаре внезапно обрушившейся на нее независимости грозилась завалить Европу рижскими шпротами. Эти новоявленные европейцы, видимо, не знали известного русского изречения – «возить в Тулу самовары».

Лучшие овощи (разваристый картофель, редиска, баклажаны, салат), фрукты (груши, сливы, абрикосы), ягоды (клубника, малина, красная и черная смородина) – тоже сплошь германская продукция. Из зарубежных продуктов этого рода выделяются разве что цитрусовые (лимоны, мандарины или «клементины») и манго. Большинство остальных овощей, фруктов и ягод, к сожалению, принадлежат к разряду «пластмассовых», как выражаются сегодня в России, и с точки зрения вкуса не выдерживают никакой критики. Разве можно сравнить, например, нынешние «деревянные» яблоки с памятными мне алма-атинскими или огурцы и помидоры явно муляжного вида и вкуса с ароматными сибирскими времен моего детства? Пусть мне из каждой дырки расскажут о гигантском прогрессе в производстве овощей и фруктов, но питаться плодами этого «прогресса» – нет уж, увольте!

Однако справедливости ради надо отметить, что целый ряд низкокачественных, с моей точки зрения, продуктов, продаваемых в германских магазинах, – отнюдь не импортного происхождения. Чего стоит хотя бы вышеупомянутый Quark – весьма неаппетитное месиво, которое нашим переселенцам приходится есть вместо творога! Последнего, как и привычных нам солений – капусты, огурцов, помидор, грибов и т.д., в современной Германии нет вовсе. Вместо настоящих соленых грибов магазины предлагают шампиньоны в подсоленной водичке, вместо привычных нам соленых огурцов – безвкусные размякшие огурцы в такой же водичке с небольшим добавлением укропа. А все остальные «соления» и вовсе приправлены уксусом сверх всякой меры. Истоки бешеной популярности этого специфичного продукта в современной Германии так и остались для меня загадкой. Уксус здесь добавляют во что угодно – в салаты, соления, консервы, даже в горчицу. Германская горчица – это вообще особая «песня». Ее тут множество сортов, но практически все они неострые, даже сладкие. После долгих поисков мне удалось обнаружить лишь пару видов горчицы, несколько напоминающих продукт, известный нам под этим названием, да и те отдают уксусной кислятиной. Не

радуют и «деликатесы» нашей местной кухни – швабские Spätzle (лапша в форме колбасок, которые почти невозможно прожевать) и Maultaschen («пельмени», начиненные то шпинатом, то вообще невесть чем).

Исходя из изложенного, трудно удивиться тому, что многие наши переселенцы предпочитают покупать продукты в «русских магазинах», которых в Германии немало. Мы тоже не раз бывали в таком магазине, расположенном в пригороде Ройтлингена, покупая там квашеную капусту, настоящие соленые огурцы, помидоры и грибы, овощные консервы, пельмени, сало, горчицу, конфеты, пастилу, зефир, чай (в нашей «Норме» он продается теперь только в непривычных для нас пакетиках) и т.п. К сожалению, подобные магазины не вполне соответствуют своему названию: там немало продуктов польского производства, между тем как польская кухня напоминает русскую только отдаленно (я узнал об этом, побывав в Польше в 1994 г.).

Наконец, о напитках, предлагаемых германскими магазинами. Меня радует здесь изобилие овощных и ягодных соков, которые я пью с удовольствием. Привлекает, конечно, и пиво, особенно любимое мной пшеничное с дрожжами (Weissbier mit Hefe). Лучшие светлые сорта пива производятся в соседней с нами Баварии, в чем я убедился, бывая в тех краях, а из темных мне больше всего по душе ирландский «Гиннес». Нравятся и более крепкие зарубежные напитки – шотландский виски, английский джин, французский коньяк, португальский портвейн, которые можно приобрести в Германии без проблем.

Приехав в Германию, мы были поражены обилием виноградных вин – как местных, так и импортных. В Сибири я, естественно, не мог быть привычен к их потреблению, а потому мне понадобилось время, дабы освоиться с винным ассортиментом хотя бы в пределах нашего магазина «Нетто». В итоге оказалось, что комплименты, щедро расточаемые по адресу французских, итальянских, испанских и прочих южно-европейских вин, сильно преувеличены. Относительно недорогие сорта подобных вин, увы, производят впечатление «налитых из одной бочки», как выражались у нас в Сибири. Кстати, посетители нашего магазина, как я мог заметить, нередко отдают предпочтение не продукции этих корифеев виноделия, а полусухому красному вину из мало кому известной Македонии. А мы чаще всего покупаем полусухие белые вина, произведенные в традиционных винодельческих районах Германии – Гессене и Пфальце.

Основным недостатком продовольственного снабжения в Германии я считаю ущербность здешней рыночной торговли. В связи с этим нам часто вспоминается сказочно изобильный и весьма недорогой рынок в московском районе «Выхино», где мы жили до выезда (теперь этого рынка, увы, уже нет). В Германии есть рыночная торговля продовольствием – например, на «блошиных рынках» и даже на городских площадях. Однако, в отличие от Москвы, ассортимент там, как правило, немногим более разнообразен, чем в магазинах. Видимо, это вызвано тем, что крестьян, которые могли бы торговать своей продукцией на рынках, осталось в Германии совсем мало.

Наряду с магазинами-«дискаунтерами» наподобие нашего «Нетто», где продовольствие продается по льготным ценам, в Германии имеются и магазины для самых неимущих слоев „Tafel“ («Тафель»), что означает «обеденный стол». Первый из них открылся сравнительно недавно – в 1993 г., однако теперь их насчитывается по Германии уже около 1000, включая и «Тафель» в нашем Роттенбурге. Это яснее ясного свидетельствует, что проблема бедности далеко не изжита даже в богатейшей стране Европы.

Доступ в «Тафель» возможен только по специальным пропускам, выдачей которых в Тюбингене занимается Управление по регистрации граждан (Bürgeramt). Когда мы регистрировались там по прибытии в Вайльхайм, нам, как неимущим, предложили такие пропуска, и мы решили испытать на себе, что такое германский магазин для бедных. «Тафель» находился в Тюбингене в уже знакомом нам месте – напротив Volkshochschule, куда мы записались на интеграционные курсы. Пропуска нам были выданы на месяц, в

течение которого мы могли посещать «Тафель» в определенные дни один раз в неделю. Мы сходили туда пару раз и зареклись делать это впредь – зрелище оказалось, прямо скажем, не для слабонервных.

«Тафель» торговал продуктами с истекшим сроком хранения, свозимыми сюда из местных магазинов. Продукты выдавались по разовому талону, стоившему символическую сумму, но их можно было взять только в определенном количестве и под присмотром продавцов. Большей частью эти продукты мало отличались по качеству от продаваемых в магазинах – в Германии сроки годности обычно устанавливаются с определенным запасом, но некоторые из предлагаемых продуктов уже имели весьма жалкий вид. Однако больше всего удручали нас в «Тафеле» не ассортимент и не система обслуживания, а посетители, сходившиеся туда. Некоторые – как местные немцы, так и иммигранты – выглядели настоящими люмпенами: изорванная одежда, испитые, давно не мытые лица, другие были явно под шафе. В общем, мы увидели пьесу «На дне» в исполнении самодеятельных тюбингенских «артистов».

Книготорговля, библиотеки и литературный процесс

Приезжая в Германию, я всякий раз посещал книжные магазины и никогда не возвращался домой без покупок. Однако со временем мой интерес к этой книжной продукции пошел на убыль – я убедился, что достаточно тиражные книги по новейшей истории, продаваемые в германских магазинах, четко укладываются в идейно-политический «мейнстрим», господствующий сегодня на Западе, и никаким «идеологическим плюрализмом» здесь, как правило, и не пахнет. Переехав в Германию и поселившись возле Тюбингена с его замечательными букинистическими магазинами («антиквариатом», как их здесь называют) и богатейшим «блошиным рынком», я понял, что книжную продукцию надо приобретать именно там, а не в идейно «стерильных» магазинах новой книги. Тюбинген обладает в этом смысле уникальными ресурсами: здесь, благодаря старинному университету и многочисленным издательствам, в личных библиотеках скопилась масса интереснейшей исторической и политической литературы. В результате я за несколько лет до отказа набил подобными изданиями свой книжный шкаф и вместительную книжную полку.

Вот только один пример на сей счет: я купил за бесценок на «блошином рынке» тома 7 и 8 многотомных «Документов германской политики» („Dokumente der Deutschen Politik“), изданные в Берлине соответственно в 1940 и 1943 гг. Воспользовавшись ими и аналогичным советским изданием, мне удалось подробно осветить с обеих ведущих сторон широкомасштабный, но полузабытый исторический процесс – переселение немцев в Германию в 1939-40 гг. с территорий, присоединенных в этот период к СССР (Прибалтика, Западная Белоруссия, Западная Украина, Северная Буковина, Бессарабия). Соответствующая работа вошла в мой сборник «К истории российских немцев», размещенный на сайте wolgadeutsche.ru.

С 2000 г. началось и мое знакомство с германскими библиотеками: приехав тогда в Берлин, я посетил старинную Государственную библиотеку, основанную еще в XVII веке (бывшая Королевско-Прусская или Королевская библиотека). Я уже был хорошо знаком с крупнейшими книгохранилищами Москвы, Ленинграда и Новосибирска, но порядки в здании Государственной библиотеки на Потсдамер Штрассе меня просто поразили: свободный доступ за символичную плату даже для иностранцев, к каковым я тогда принадлежал, удобные каталоги, по которым можно легко найти интересующие тебя книги, прекрасные условия для работы.

Я в это время готовил к изданию том последних писем известного историка западной литературы Франца Шиллера, и меня особенно интересовали его работы по проблемам российских немцев. Основная из этих работ Шиллера – его знаменитый библиографический указатель на сей счет – имелась в фондах берлинского

книгохранилища, и я загорелся желанием получить ее ксерокопию. Это оказалось не так-то просто: по здешним правилам, подобные услуги нужно было оплачивать не заранее (хотя я был готов это сделать), а лишь после получения заказа. Как было произвести эту оплату из Москвы, не знали ни я, ни библиотекарша, но она, в конце концов, сказала: мол, москвичи обращаются к нам с подобными просьбами не каждый день, и мы готовы в виде исключения сделать эту ксерокопию бесплатно. Так оно и произошло: примерно через месяц я получил из Берлина пакет с драгоценной для меня копией. Стало быть, в крупнейшей германской библиотеке руководствовались замечательным принципом: не люди существуют для правил, а правила для людей.

После переезда в Германию мне пришлось убедиться, что здешнее библиотечное дело имеет не только блестящую фасадную сторону. Так, в нашем Роттенбурге, старинном и, по германским меркам, не столь уж малом городе, есть городская библиотека, которая меня, прямо скажем, обескуражила. Там по средам работает на общественных началах моя жена (весьма распространенная практика для данной библиотеки), и по этому случаю туда не раз наведывался и я. У роттенбургской библиотеки нет даже собственного здания (хотя вскоре оно вроде бы должно появиться), но еще больше озадачивает там количество и подбор имеющейся литературы. Все библиотечные фонды умещаются в нескольких комнатах, причем в основном это книги для детей и юношества. Взрослым читателям предлагаются почти исключительно «крими» и прочая бульварная литература.

Единственная книга, которую я смог себе выбрать для чтения в роттенбургской библиотеке, – это «Моя жизнь» М. Райх-Раницкого. Я много раз видел ее в продаже, знал, что по ней даже снят известный телефильм, и мне было любопытно узнать, что же представляет собой этот современный германский бестселлер. Книга читается легко, автор красочно осветил в ней многие перипетии своей неординарной жизни, но больше всего меня заинтересовало то, что написал известнейший критик М. Райх-Раницкий о современном литературном процессе в Германии и своем собственном месте в нем. Увы, он был человеком с большим самомнением и, похоже, всерьез воспринял эпитет «литературный папа Германии», данный ему не в меру восторженными поклонниками.

На мой взгляд, в нынешней Германии, как и в остальной Европе или в России, нет и не может быть никакого «литературного папы». Времена, когда выдающиеся критики, подобные Белинскому или Писареву, играли заметную роль в литературном процессе, давно остались в прошлом. Сегодняшний литературный критик, даже если он, как М. Райх-Раницкий, публикуется в крупнейших газетах или имеет свою программу на телевидении, может стать «властителем умов» разве что в окололитературной тусовке. Всех же прочих читателей гораздо больше интересуют сами литературные произведения, чем мнения любых критиков на этот счет. Пока в Германии были по-настоящему крупные писатели, заинтересованная публика читала именно их. Не стало таковых – и читателям приходится довольствоваться «литературой для домохозяек», как в той же роттенбургской библиотеке. И никакие Райх-Раницкие в этом ничего не изменят.

Центральный военно-исторический архив

В конце 2010 г. мы с женой провели несколько дней в старинном городе Фрайбурге(-им-Брайсгау), на юго-западе нашего Баден-Вюртемберга. Я решил воспользоваться этим случаем, дабы ознакомиться с Центральным военно-историческим архивом Германии (Bundesarchiv-Militärarchiv), который с 1968 г. размещается во Фрайбурге. Если в России все центральные архивы находятся в Москве или, на худой конец, в С.-Петербурге, то в Германии нет такой территориальной концентрации архивного дела. Да и само нахождение Центрального военно-исторического архива во Фрайбурге вызвано довольно случайным обстоятельством: он был переведен сюда из Кобленца, т.к. во Фрайбурге располагался (в 1958-94 гг.) Военно-исторический исследовательский центр (Militärgeschichtliches Forschungsamt) Бундесвера.

Мое знакомство с фрайбургским архивом имело довольно долгую предысторию. В 1-й половине 2000-х гг. я перевел на русский язык две книги известного немецкого военного историка Йоахима Гофмана – о «Власовской» армии и о «Сталинской истребительной войне», изданные затем в Москве и основанные главным образом на материалах фрайбургского архива. Примечательно, что вторая из них вышла в свет без указания переводчика. Шел 2005-й год, приближалось 60-летие Победы, и известный московский историк К. Залесский, поручивший мне перевести книгу, смущенно заметил: дескать, выпускать в такой момент столь «крамольное» издание, да еще в переводе немца – это уже чересчур. Я отнесся к этому спокойно: на мой взгляд, книга Гофмана вполне заслуживала публикации в России, а будет ли в ней указана моя фамилия, меня волновало постольку-поскольку.

Как свидетельствует судьба Й. Гофмана, многолетнего сотрудника вышеупомянутого Военно-исторического исследовательского центра Бундесвера, в Германии в подобных случаях заботятся о «политкорректности» ничуть не меньше. В последние годы своей работы в центре Бундесвера Гофман подвергся на службе настоящей травле: его неустанно шпыняли за поддержку пресловутого «тезиса о превентивной войне» (Präventivkriegsthese) – строжайшего «табу» для современной германской историографии. По-моему, уже эта неприглядная история неопровержимо свидетельствует, что данная сфера по-прежнему крайне далека от реального научного плюрализма. В нашем конфликтном мире превентивной может в той или иной мере считаться любая война («не нападу я – нападут на меня»). И то, что одним из мотивов нападения Гитлера на Советский Союз могло быть его подозрение о намерении Сталина напасть на Германию, ровным счетом ничего не меняет в оценке захватнической гитлеровской политики, в т.ч. в отношении СССР.

Мы с женой жили во Фрайбурге возле вокзала, и до архива оттуда было довольно далеко: минут 20 на трамвае, потом еще столько же пешком. Однако я сразу же отправился в архив и не пожалел об этом. По сравнению с известными мне московскими архивами условия для работы были здесь гораздо лучше – запись всего лишь по удостоверению личности, доступные и аккуратно составленные описи, небольшой, но уютный читальный зал. Времени у меня было в обрез, и я решил для начала узнать, имеются ли в архиве материалы о российских/советских военнопленных, в т.ч. немецкой национальности, находившихся в Германии. Как оказалось, материалов о военнопленных тут немало, однако установить по описям, идет ли при этом речь о российских немцах, невозможно. Данная тема интересовала меня еще и потому, что среди таких военнопленных были и мои родственники: в Первую мировую войну – один из братьев отца (о нем я уже упоминал), во Вторую – двоюродный брат отца по линии Лоос (фамилия моей бабушки по отцу). В эту поездку мне удалось только проштудировать соответствующие архивные описи, но я надеюсь еще оказаться во фрайбургском архиве и просмотреть интересующие меня архивные дела.

Образование и наука

Лет 100 назад германское образование и наука заслуженно считались одними из лучших в мире. Нынешняя Германия может претендовать на нечто подобное разве что в пределах Европейского континента, но сама старушка-Европа уже далеко не всемирный лидер в этих сферах и едва ли еще в состоянии снова стать таковым. Взять хотя бы результаты международных олимпиад школьников в области «царицы наук» – математики. Последние 5 лет на этих олимпиадах абсолютно доминируют Китай и США – те самые страны, которые намного опережают всех и в развитии экономики. За ними на математических олимпиадах следуют Россия, Канада, ряд стран Юго-Восточной Азии. Европа далеко позади, и даже Великобритания с ее хваленными школами, куда так стремятся отправить своих чад российские толстосумы, всего однажды за эти 5 лет смогла

пробиться в десятку сильнейших, заняв 9-е место. А на счету Германии нет и таких скромных достижений, причем ведущие роли в германских олимпиадных командах играют отнюдь не коренные немцы, а выходцы из других стран – главным образом, той же Юго-Восточной Азии.

Об уровне германской науки в настоящем и недавнем прошлом позволяют судить итоги присуждения наиболее престижных научных премий – Нобелевской (физика, химия, физиология и медицина) и Филдсовской (математика). Так, лауреатом Филдсовской премии стал за весь послевоенный период всего один германский математик, да и то уже 30 лет назад. Для сравнения: в те же годы эту премию получили 9 советских и российских математиков, включая работающих за пределами России. Несколько лучше показатели Германии по Нобелевским премиям в сфере естественных наук, причем германские лауреаты получали эти премии главным образом за прикладные, а не фундаментальные исследования. В области технических наук Нобелевские премии не присуждаются, но здесь, как известно, Германия по-прежнему занимает ведущие позиции в Европе, а отчасти и в мире.

Картина, как видим, весьма пестрая, и это вполне объяснимо. После Второй мировой войны в руинах лежала практически вся германская наука – научные центры подверглись разрушению и разграблению, ведущие ученые уехали за границу или были вывезены в страны-победительницы – США и СССР. Однако с конца 40-х годов германская экономика стала восстанавливаться, и тем самым в стране вновь возник запрос на развитие техники и технических наук. Вслед за этим начали возрождаться прикладные исследования в области математики и естественных наук, без чего не могут успешно развиваться ни техника, ни экономика. А фундаментальные исследования в этих сферах редко имеют непосредственное практическое приложение, и для их возрождения требовались многолетние целенаправленные усилия в сфере соответствующих ветвей образования, как и немалые бюджетные затраты. Но всего этого в послевоенной Германии не было и в помине.

Переехав в Германию, я получил из разных источников дополнительную информацию о состоянии образования и науки в стране. Так, вторую половину 1-го класса проучилась в ближайшей к нам Кройцерфельдской школе наша внучка Сашенька. В свое время она пару лет посещала детский сад, расположенный прямо за окнами нашей роттенбургской квартиры, а потому была знакома с немецким – но, конечно, не настолько, чтобы успешно учиться в германской школе. Первые несколько месяцев здешней школьной жизни внучка овладевала языком, но потом мы заметили, что ей стало в школе скучновато. Судя по ее рассказам, программа в этой школе была гораздо примитивней, чем в московской, хотя училась она в Москве в хорошей, но вовсе не элитной школе. Заметный интерес вызывали у внучки, пожалуй, только уроки английского, которых в 1-м классе ее московской школы еще не было.

Я тоже считаю, что обучение языкам, особенно английскому, поставлено сегодня в Германии хорошо, да и как здесь обойтись без этих знаний? Что касается других школьных дисциплин, то я в свое время просмотрел несколько учебников математики для баден-вюртембергских школ (в Германии каждая Земля имеет свои школьные учебники), и они поразили меня своей примитивностью по сравнению с памятными мне советскими. Дело не только в сложности излагаемого материала, но и в характере его подачи. Германские учебники, к моему изумлению, были явно рассчитаны на зубрежку, а не на понимание материала, что для математики совершенно губительно.

Авторы данных учебников не могли это не понимать. Остается предположить, что они руководствовались не традициями немецкой школы, отличавшейся когда-то высоким уровнем преподавания, а какими-то чуждыми новомодными веяниями. И в данном случае вполне понятно, «откуда дует ветер»: такая манера подачи материала, включающая нескончаемое тестирование (типа одиозного российского ЕГЭ), более всего характерна для американской системы образования. Вышеупомянутые успехи школьников США на

международных математических олимпиадах этому факту вовсе не противоречат. Там побеждают ученики элитных американских колледжей, где уровень преподавания на порядок выше, чем в обычных школах.

Сказанное – отнюдь не моя выдумка. Именно так характеризовал американскую систему преподавания всемирно известный российский математик В. Арнольд. Он же вскрыл и корни подобного подхода к школьному образованию, на первый взгляд – совершенно непостижимого. Образованные мыслящие люди нужны пресловутому «обществу потребления» лишь в тех пределах, которых безусловно требуют наличные рабочие места. Потребителю такие качества только во вред – имея их, он воздержится от приобретения многих навязываемых ему товаров, что приведет к коллапсу отлаженного «потребительского конвейера».

Поскольку я уже много лет занимаюсь новой и новейшей историей, то особый интерес представляют для меня, естественно, исследования в этой области в современной Германии. Людям, выросшим в СССР и интересовавшимся новейшей историей, хорошо известно, что работы в данной сфере могут базироваться на двух диаметрально противоположных подходах: в одном случае автор собирает и анализирует материал по интересующей его проблеме, постепенно приходя на этой основе к определенным научным выводам, во втором выводы делаются заранее, а материал подбирается и препарируется в строгом соответствии с ними. Советская историография, как известно, отдавала однозначное предпочтение второму подходу, и ведущие историки современной Германии, увы, ушли от этого весьма и весьма недалеко. Между тем, я всегда обходил за версту такого рода экзерсисы по части «антиистории», и мне совершенно безразлично, основываются ли они на догмах «марксизма-ленинизма» или на вере в непогрешимость нынешних «общеевропейских ценностей» и в универсальное превосходство западного (читай: американского) образа жизни.

Весьма тягостное впечатление осталось у меня и от попытки установить личные контакты с германскими коллегами-историками. Узнав о том, что при университете соседнего Тюбингена функционирует Институт восточно-европейской истории и страноведения (Institut für osteuropäische Geschichte und Landeskunde), я решил съездить туда познакомиться, прихватив для этой цели свои последние книги, изданные перед нашим отъездом из Москвы. Однако с моими работами они уже были знакомы: четыре моих книги неведомым для меня образом попали в фонды университетской библиотеки.

Еще больше меня удивила странная реакция на мой невинный дружеский визит: пожилой профессор, принявший меня, был явно напуган моим появлением. Между тем опасаться моей скромной персоны у него не было ни малейших оснований: я хотел всего лишь прощупать почву для возможных научных контактов с институтом и ни в коей мере не претендовал на трудоустройство там. Тем более что тематика исследований института, с которой я ознакомился по Интернету, показалась мне малоинтересной, хотя она была посвящена в основном СССР и России. Так, один из основных трудов нынешнего руководителя института излагает историю строительства сталинских «высоток» в Москве. В какой-то мере они импонируют и мне, но я считаю, что в советской и постсоветской истории есть масса явлений и процессов, куда более значимых и заслуживающих изучения. После такого приема я, естественно, никогда больше не переступал порога тюбингенского института со столь громким названием.

Религия и церковь

Я вырос в глубоко религиозной семье, однако о посещении богослужений в нашей традиционной лютеранской церкви нам не приходилось и мечтать – в советский период в Сибири, где мы тогда жили, и в помине не было подобных церквей. В отличие от родителей, я дожил до распада СССР, после чего власти вернули религиозным общинам российских немцев некоторые уцелевшие здания бывших лютеранских церквей. В

результате я несколько раз смог посетить богослужения в нашей старинной церкви в г. Марксе, бывшем Марксштадте, а также в московской церкви Св. Петра и Павла (еще до возобновления богослужений в основном ее здании). Навещая в Баден-Вюртемберге родственников, бывал вместе с ними на рождественских службах в местной лютеранской церкви.

Мои весьма редкие контакты с церковью не стали более интенсивными и после переезда в Германию. В Роттенбурге мы однажды посетили вместе с нашими московскими гостями новогоднее богослужение в старинной католической церкви Св. Мартина. По прибытии в Германию нас с женой зарегистрировали как лютеран, и мы дали согласие на ежегодную уплату церковного налога. В связи с этим нас после поселения в Роттенбурге пригласили для знакомства в местную лютеранскую церковь. В общинном доме (Gemeindehaus) рядом с церковью нас приняли две женщины, одна из которых оказалась пасторшей, а другая – церковной старостой. Нам предложили по бокалу вина со сладостями, и мы довольно долго беседовали. К сожалению, о религии или церковной жизни как таковой речь у нас почти не шла – нам в основном рассказывали о различных социальных мероприятиях, в т.ч. для детей, проводимых в общинном доме.

После этой беседы нынешняя ситуация в германской церкви для меня в какой-то мере прояснилась. Не считая массовых религиозных праздников, церковь здесь посещают в основном пожилые люди. Потому церковные служители кровно заинтересованы в привлечении в пустеющие церкви детей и молодежи – хотя бы на мероприятия нерелигиозного характера. Другая относительно новая тенденция – появление пасторов-женщин. С этим явлением я столкнулся еще в 1995 г., в нашей марксштадтской церкви, только что возвращенной верующим. Впервые оказавшись там на богослужении, с изумлением обнаружил за церковной кафедрой пасторшу из Германии. Если бы эту сцену в своей родной церкви могли увидеть мои родители, они были бы поражены, я думаю, не меньше меня. Однако такое демонстративное проявление пресловутого современного феминизма – далеко не самая острая проблема, стоящая сегодня перед германской церковью. Гораздо прискорбней то, что германское и европейское общество становится все более безбожным.

Наглядное свидетельство тому – история, разыгравшаяся при попытке принять Европейскую конституцию. Первоначально предлагалось упомянуть в преамбуле Конституции о христианских корнях Европы, что было поддержано рядом католических стран (Польша, Ирландия, Италия), как и христианскими демократами Германии. Однако категорически возразила Франция, где воинствующее безбожие правило бал еще во времена Революции 1789 года. В итоге пришлось ограничиться фразой о «культурном, религиозном и гуманистическом наследии Европы» – слегка завуалированным потаканием тем радикальным «евроэнтузиастам», которые готовы признать частью европейского исторического наследия даже ислам. Впрочем, вся эта словесная эквилибристика оказалась пустой тратой времени, поскольку референдумы во Франции и Нидерландах, проведенные в 2005 г., отвергли Конституцию целиком.

Христианство, как и другие религии, пережило за свою многовековую историю немало подъемов и спадов. Нынешний спад – лишь один в их долгом ряду, но более стремительного и, я бы сказал, радикального упадка христианство еще не знало. Главное в этом явлении – даже не его религиозная сторона, а то, что оно в корне подрывает мораль европейского общества, которая в течение многих веков базировалась именно на христианстве. Одно из самых заметных проявлений этого разрушительного процесса – распад традиционной семьи, на смену которой приходят однополые «браки», гей-парады и ювенальная юстиция. И глубоко заблуждаются те слепцы, которые усматривают в этой бесовщине некие проявления общественного прогресса. Такой «прогресс» ведет не к замене отживших социальных структур новыми, более современными, а к полному разложению существующего общества – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Насколько я могу судить, мое заинтересовано-отчужденное отношение к церкви разделяет в Германии большинство наших переселенцев. Однако многим из них, кроме того, свойственна тяга к религиозному сектантству, совершенно чуждому мне точно так же, как оно было чуждо моим родителям. Наиболее заметны сегодня в Германии, по-моему, два его течения – «новоапостольская церковь» и «адвентисты седьмого дня».

«Новоапостольская церковь» существует с XIX века, но я впервые услышал о ней только в начале 90-х годов, когда она развернула свою деятельность в России, в т.ч. у нас в Сибири. Примечательно, что эта швейцарская секта обратила самое пристальное внимание именно на российских немцев, которые в течение многих десятилетий были лишены всякой публичной религиозной жизни.

Немало общего с этой структурой у американского околорелигиозного «продукта» – «адвентистов седьмого дня»: они также появились в XIX веке, их нынешний европейский центр тоже находится в Швейцарии. «Адвентисты», разворачивая свою деятельность в России, изначально опирались на немцев-колонистов Причерноморья и Поволжья. Не обходят они нас вниманием и теперь, в чем я убедился в начале 90-х годов, когда летел из Кемерова в Москву рядом с двумя германскими «адвентистами». Они «обрабатывали» меня в течение всего 4-часового перелета, и я сполна ощутил, насколько эта публика по-американски бесцеремонна и навязчива.

Церковь имеет в Германии гарантированный источник доходов – вышеупомянутый церковный налог, однако на эти средства, что называется, не разживешься. Другое дело – германские религиозные сектанты, которые явно не испытывают недостатка в средствах. Они без конца ходят по домам, агитируют жильцов по-немецки и по-русски, щедро раздают свою печатную продукцию. Считается, что в Германии не принято приходить в дом без приглашения, но этой братии начхать на свободу личности и неприкосновенность жилища. Как говорится: только бизнес, ничего личного.

Телевидение

Приезжая в Германию по делам, я обычно бывал настолько занят, что мог смотреть телевизионные передачи только урывками. Больше всего меня привлекали тогда прямые телетрансляции парламентских дебатов из знакомого мне боннского здания Бундестага. Эти дебаты мало походили на многочасовые заседания съездов народных депутатов СССР и России, которые в изобилии демонстрировались нам на рубеже 80-х и 90-х годов. Бундестаг, в отличие от этих съездов, представлял собой реально работающий парламент, а не многолюдную митинговую тусовку, хотя без театральных эффектов не обходилось, конечно, и здесь.

Переселившись в Германию и почти сразу же купив телевизор, мы стали уделять телепередачам гораздо больше внимания. В первые месяцы жизни на исторической родине я к вечеру уматывался настолько, что ни на что другое сил уже просто не оставалось. Теперь я смотрел передачи самого разного жанра по множеству доступных нам телеканалов.

В первую очередь меня заинтересовал вопрос: чем отличаются друг от друга два ведущих телеканала Германии – ARD и ZDF? Со временем убедился, что первый из них больше ориентируется на леволиберальную аудиторию, а второй – на консервативную, но это отличие невелико. Скажем, я сам, безусловно, отношусь ко второй категории зрителей, однако не могу сказать, что политические программы ZDF мне существенно ближе. Чаще всего не нравятся ни те, ни другие: даже претендуя на аналитический характер, они содержат откровенной пропаганды намного больше, чем аналитики. Разницу между тем и другим я определяю очень просто: аналитическая программа (неважно – консервативного или левого направления), по идее, расширяет и углубляет твои представления о соответствующей теме, а пропагандистская не добавляет к ним

практически нечего, оставляя после себя только ощущение затуманенных мозгов и напрасно растраченного времени.

Германские телесюжеты историко-политического характера показались мне более интересными. Помню, скажем, довольно содержательную передачу в октябре 2013 г. по случаю 50-летия отставки канцлера К. Аденауэра. Однако и в этом жанре чаще всего царит откровенная «развесистая клюква». Наиболее памятный мне пример такого рода – передачи пятью годами ранее в связи с 40-летием «студенческих бунтов» 68-го. На сей раз последовала целая серия таких программ, хотя по своей исторической значимости эти молодежные дебоши, конечно, не идут в сравнение с многолетней плодотворной деятельностью первого канцлера ФРГ. Заматеревшие и обрюзгшие бунтари 68-го превозносили свои тогдашние «подвиги» до небес, а германские телеканалы с готовностью содействовали этому малопочтенному занятию.

Доводилось мне видеть и программы, посвященные современной жизни в России. Здесь обычно не наблюдается явного стремления опорочить все российское, как во многих передачах чисто политического характера. Однако уровень компетентности производит, как правило, удручающее впечатление. Похоже, авторы таких передач забывают, что в Германии их программы смотрят по большей части зрители, сами жившие или хотя бы бывавшие в России. А для того, чтобы передачи о российской жизни могли заинтересовать такую аудиторию, их должны готовить или хотя бы комментировать не случайные заезжие репортеры, а люди, хорошо разбирающиеся в этой тематике. Таких людей в современной Германии вполне достаточно, только их точка зрения здесь мало кого интересует.

Однако чаще всего я смотрел по германскому телевидению свои любимые программы о жизни подводного мира. Увы, вскоре мне надоели и они: уж больно назойливо в них демонстрировалось, как рыбы и прочие морские гады жрут друг друга или на худой конец, прошу прощения, совокупляются. В итоге я стал смотреть только футбол, да и то всего раз в два года, когда проходят чемпионаты мира или Европы. Тут нет ни «развесистой клюквы», ни смакования физиологических отправлений, зато есть классный футбол в исполнении сборной Германии под руководством тренера Йоахима Лёва, а также тонкие высокопрофессиональные комментарии Гюнтера Нетцера и Оливера Кана, в прошлом – лидеров этой замечательной команды.

Исходя из изложенного, не приходится удивляться, что многие наши переселенцы предпочитают германским телепрограммам российские. В последние годы, когда германское телевидение вещает по поводу России и ее политики почти сплошную ругань, эта тенденция, думаю, только усилилась. Правда, мы сами так и не установили у себя спутниковую «тарелку»; моя жена предпочитает германские передачи, дабы упражняться в восприятии немецкой речи, а мне российское телевидение доставляло мало удовольствия уже в Москве.

Немецкий язык

Судя по рассказам моих близких, я начал говорить по-немецки ровно в год, а 8 месяцев спустя уже читал подобающий немецкий стишок на рождественской елке. Еще через год окружающий мир прояснился для меня настолько, что я смог запомнить некоторые свои тогдашние впечатления о нем. В частности, мне запало в память, что говорил я тогда только по-немецки, а русские радиопередачи еще почти не понимал. Так что моим родным языком (по-немецки – Muttersprache) был, бесспорно, немецкий, точнее – его диалект, на котором говорили в поволжском Екатериненштадте/Марксштадте все мои предки, проживавшие там. Прошло уже два десятилетия с тех пор, как умерла моя тетушка по матери Элла Карловна Нихельман, урожденная Глейм, последняя из членов нашей семьи, жившая вместе со мной, после чего я практически перестал говорить на родном диалекте. Однако он отложился во мне так прочно, что мне удалось составить

фундаментальный «Словарь немецко-поволжского марксштадтского диалекта», 1-й том которого только что вышел в Саратове.

Очень рано я начал осваивать и немецкий литературный язык (Hochdeutsch), на котором были написаны религиозные тексты, каждодневно звучавшие в нашей глубоко верующей семье. От нескольких наших знакомых-меннонитов я слышал в детстве и немецкую литературную речь: они, в совершенстве зная Hochdeutsch, говорили в нашем присутствии только на нем, а не на своем диалекте. Хорошо понимая Hochdeutsch и постепенно научившись говорить, читать и писать на нем, я, однако, не считал его своим родным языком – он был все-таки привнесен в меня, изначально говорившего только на диалекте, извне. Точно так же я, естественно, не воспринимал как родной язык и немецкие диалекты, отличные от нашего, которые часто слышал с детских лет.

Приехав в ГДР в 1970 г., я был весьма удивлен тем, насколько мало отличался местный разговорный язык от нашего – мне представлялось, что эти различия должны быть гораздо больше. Через два десятилетия, оказавшись в ФРГ, я испытал прямо противоположные ощущения, поводом для чего послужил целый ряд обстоятельств.

Во-первых, здесь не говорили на саксонском диалекте, особенно близком для меня, имевшего прямых предков из Саксонии. Во-вторых, некоторые диалекты жителей ФРГ (северо-германский Plattdeutsch, отчасти баварский) я плохо понимал, т.к. от российских немцев никогда их не слышал. В-третьих, в лексике населения ФРГ оказалось много элементов, связанных с жизнью в совершенно иной социально-экономической системе, чем та, в которой до 40 лет довелось жить мне. Наконец, в-четвертых, – мне совершенно не по душе многочисленные англицизмы, пронизывающие речь современных жителей Германии.

Отчасти это связано с тем, что английский язык, на котором я когда-то самостоятельно выучился читать интересовавшую меня общественно-политическую литературу, кажется мне – по сравнению с немецким или русским – весьма примитивным и малоинтересным. Но главное – я вообще не люблю смешения разных языков. Скажем, меня с детских лет коробили руссицизмы, которые обильно присутствовали в речи российских немцев, подвергнувшихся многолетней принудительной ассимиляции, хотя сам русский язык я любил всегда. Да и мои родители старались избегать такого вульгарного смешения, придавая большое значение сохранению своего родного языка таким, каков он был до войны в их Марксштадте.

После переезда в Германию эти мои ощущения от здешнего немецкого языка только усилились. Более того, к ним добавилось еще одно негативное чувство – от растущей примитивизации немецкого разговорного языка в духе небезызвестного лексикона «людоедки» Эллочки Щукиной. Это явление заметно, увы, не только в бытовом разговорном языке – оно, по моим наблюдениям, все сильнее проникает даже в теле- и радиопередачи. Связано ли это с упадком германской системы образования, о котором я писал выше, с разрушительным воздействием пресловутого «общества потребления» или с чем-то другим, пусть судят специалисты. Для меня же ясно одно: такой язык я и подавно не могу считать родным.

Данное прискорбное явление присуще, конечно, не только Германии, но и, к примеру, России. Однако там я мог в известной мере отгородиться от него, выбирая себе среду для общения по собственному вкусу. Здесь у меня такой возможности практически нет – скажем, общаться со своими коллегами-историками я, увы, не могу, и вовсе не потому, что не желаю этого сам. В этих условиях мне остается только одно – чтение интересующей меня немецкой литературы, где англицизмы и, тем более, вульгаризмы, слава богу, встречаются не так часто.

9. ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ РАССМОТРЕНИИ

Расклад политических сил

Расклад политических сил в послевоенной Германии отличается редкостной стабильностью. В ФРГ, а затем в объединенной Германии бесспорно ведущими политическими партиями являлись христианские демократы (в Баварии – ХСС, в остальных федеральных землях – ХДС) и социал-демократы (СДПГ). Они неизменно опережали всех на выборах в Бундестаг, и из 8 федеральных канцлеров ФРГ 5 были выдвиженцами ХДС/ХСС, а 3 – СДПГ. Однако за 67 лет с момента образования ФРГ и по настоящее время сами эти политические силы изменились до неузнаваемости.

В первые годы существования ФРГ ХДС/ХСС и СДПГ были ярыми политическими противниками, их возглавляли совершенно несхожие лидеры – Конрад Аденауэр и Курт Шумахер. Этих деятелей объединяло, пожалуй, только решительное неприятие как нацистского режима (почти сразу же после прихода Гитлера к власти Аденауэр был отправлен в безвозвратную отставку, а Шумахер – и вовсе в концлагерь), так и коммунистического, да еще университетское юридическое образование. Во всем остальном они были полными антиподами – консервативному католику и евроцентристу Аденауэру противостоял крайне левый социалист и при этом, как ни странно, убежденный националист Шумахер.

Показательна, например, глобальная политическая цель, которую неустанно провозглашал К. Шумахер: социалистическая и единая Германия, желательно – в границах 1937 года. Как достичь этой крайне амбициозной цели в условиях послевоенной Германии (оккупация непримиримыми политическими антагонистами – западными союзниками и СССР, аннексия у Германии в 1945 г. обширных территорий на востоке страны), Шумахер, естественно, не ведал ни сном, ни духом. Зато он очень хорошо знал, чего нельзя делать ни в коем случае: вступать в какие-либо экономические, политические или военные союзы со странами Запада и сотрудничать в какой бы то ни было форме со сталинским СССР. И то, что при такой экстравагантно-изоляционистской «программе» Шумахер являлся во 2-й половине 40-х годов самым популярным политическим деятелем Западной Германии, было возможно, конечно, только в глубоко травмированном и больном обществе.

Как бы там ни было, в 1949 г., когда в Бундестаге избирался первый канцлер ФРГ, претендентами на этот пост стали К. Аденауэр и К. Шумахер. На первый взгляд, силы были явно неравны. Аденауэр был опытнейшим политическим деятелем и администратором (16 лет занимал пост бургомистра Кёльна), он прекрасно знал, что политика – это искусство возможного, а потому предлагал только меры, поддающиеся реализации в той чрезвычайной обстановке, в числе которых была и перспективная экономическая программа «социального рыночного хозяйства». За буйным фантазером Шумахером не числилось ничего подобного: весь довоенный политический опыт тогдашнего лидера СДПГ в Штутгарте сводился к нескольким годам пребывания в вюртембергском Ландтаге и германском Рейхстаге, он никогда не был администратором и в профессиональном плане занимался только редактированием штутгартской социал-демократической газеты. Тем не менее, Шумахер и Аденауэр набрали почти равное число голосов, и злые языки поговаривали, что победу последнего предопределил его собственный голос.

Германские политологи и историки до сих пор задаются глубокомысленным вопросом: как сложилась бы история ФРГ, если бы ее первым канцлером стал не К. Аденауэр, а К. Шумахер? Ответ, по-моему, несложен: Шумахер усидел бы в канцлерском кресле от силы пару недель – на большее терпения оккупационных властей хватило бы едва ли. Это вряд ли могло отразиться на судьбах ФРГ: после низложения Шумахера все равно пришлось бы избирать в канцлеры Аденауэра – более подходящей кандидатуры на

тогдашнем политическом небосклоне просто не было. А вот СДПГ могла пострадать в результате самым серьезным образом: прожженным «демократам» из западной оккупационной администрации ничего не стоило запретить политическую партию, выдвинувшую из своих рядов такого «отвязного» лидера.

Столь острого политического противостояния при выдвижении кандидатуры канцлера, как в 1949 г., ФРГ не знала больше никогда. В этом я лишний раз убедился после переезда в Германию, просмотрев теледебаты перед выборами в Бундестаг 2009 и 2013 годов, когда Ангеле Меркель противостояли социал-демократы – соответственно Франк-Вальтер Штайнмайер и Пер Штейнбрюк. Дебаты проходили весьма вяло: политические программы двух партий, в отличие от 1949 г., различались настолько незначительно, что разгореться страстям тут было просто негде. Оба раза убедительней выглядела Меркель: говорила она не лучше своих оппонентов, но по всему было видно, что Ангела действительно хочет вновь стать канцлером, тогда как они только «отбывают номер». В самом деле: зачем хлопотливые канцлерские обязанности тому же Штайнмайеру, если он вполне уютно чувствует себя на непыльном посту министра иностранных дел? Ключевыми внешнеполитическими делами Германии – взаимоотношениями со странами Евросоюза – ведает отнюдь не он, а сама канцлерша. А вся остальная внешняя политика страны проще пареной репы: аккуратно следуй в фарватере заокеанского «Большого босса» – вот и вся премудрость.

Едва ли не единственный раз, когда Ф.-В. Штайнмайер попытался сыграть значимую внешнеполитическую роль, он оскандалился самым постыдным образом. 21 февраля 2014 г., на пике противоборства между президентом Украины В. Януковичем и непримиримой украинской оппозицией, обе стороны подписали в Киеве Соглашение об урегулировании политического кризиса, которое от имени ЕС авторитетно «засвидетельствовали» Штайнмайер, а также его коллеги из Польши и Франции. Однако уже через несколько часов оппозиция растоптала это соглашение, захватив власть вооруженным путем, а Штайнмайер сделал вид, что ничего экстраординарного не произошло.

Украинские «лавры» Ф.-В. Штайнмайера, видимо, не давали покоя и его партайгеноссе по СДПГ П. Штейнбрюку: весной 2015 г. последний вошел в «Агентство модернизации Украины», созданное украинскими олигархами, в роли советника по финансовой и налоговой политике. Правда, его пыла по данному поводу хватило ненадолго: уже через несколько месяцев Штейнбрюк покинул «агентство», сославшись на «обострение политических отношений на Украине». Если этот мотив соответствует действительности, то получается, что украинскую миссию Штейнбрюка перечеркнул его близкий коллега Штайнмайер, внесший в это самое «обострение» солидный личный вклад.

Хотя СДПГ была основным политическим конкурентом ХДС/ХСС с самого начала существования ФРГ, «первую скрипку» в политике страны социал-демократы играли нечасто. Так, их канцлеры находились в общей сложности у власти лишь 20 лет из 67. Еще более показательны в этом отношении последние выборы в Бундестаг, состоявшиеся в 2013 г. Тогда в 14 федеральных землях из 16 больше всех голосов получили ХДС или ХСС, тогда как СДПГ опередила своих конкурентов лишь в северных городах-землях – Гамбурге и Бремене, традиционных оплотах германской социал-демократии. С другой стороны, все большее идейное сближение СДПГ с ХДС/ХСС облегчает создание «больших коалиций» между ними. Если во 2-й половине XX века такие коалиции существовали всего 3 года, то в недавно начавшемся XXI веке – уже 7 лет. При этом оба партнера по «большим коалициям» все сильнее ощущают эрозию своей электоральной базы, а также исконной идеологии.

Так, традиционными избирателями ХДС/ХСС являются религиозные люди консервативного склада и старшего возраста. Однако, несмотря на заметное старение германского общества, таких людей становится все меньше – влияние религии ощутимо

падает, а консервативные ценности отступают под мощным напором нынешнего «либерально-демократического» мейнстрима. СДПГ традиционно опиралась на промышленных рабочих и служащих, а также на их профсоюзы. Однако в последние десятилетия промышленность стала стремительно перемещаться из Европы в страны «третьего мира», в первую очередь – в Юго-Восточную Азию. Этот процесс ощутим и в Германии, хотя и в меньшей мере, чем в остальных европейских странах. Соответственно падает значимость профсоюзов – в условиях депрессивной экономики они уже не в состоянии воспрепятствовать падению уровня жизни трудящихся и оказались бессильны даже перед лицом таких грабительских форм предпринимательской деятельности, как вышеупомянутые «ляйфирмы».

Ушли в прошлое также базовые идейные постулаты ХДС/ХСС и СДПГ – соответственно концепция «социального рыночного хозяйства» и реформистская версия социализма, нашедшая свое воплощение в Годесбергской программе 1959 года. К этим концепциям можно относиться как угодно, но трудно отрицать, что их несложно изложить в доступной для избирателя форме и что с точки зрения идейного воздействия на население они были достаточно эффективны. Нынешние программные документы двух ведущих политических партий Германии настолько демагогичны и бессодержательны, что они мало кого могут привлечь и убедить. Потому телевизионные предвыборные дебаты ХДС/ХСС и СДПГ превратились в весьма вульгарное шоу, преподносящее зрителям более или менее крикливую перепалку оппонентов не по каким-либо принципиальным вопросам, а просто «на злобу дня».

В последние месяцы прочность нынешней «большой коалиции» неожиданно оказалась под вопросом: на сей раз серьезные разногласия возникли не между христианскими демократами и социал-демократами, а внутри самого блока ХДС/ХСС. Безрассудные действия А. Меркель в драматичной ситуации с беженцами, наводнившими Европу и Германию, вызвали резкую отповедь Хорста Зеехофера, многолетнего лидера ХСС и премьер-министра Баварии. Похоже, его особенно возмутило, что канцлерша старательно согласовывает свою иммиграционную политику с Брюсселем и Вашингтоном, но не с Мюнхеном и центрами других федеральных земель Германии. Особую позицию по вопросам иммиграционной политики консерватор Х. Зеехофер высказывал и раньше: так, он не раз предлагал принимать иммигрантов из-за пределов Евросоюза только в виде исключения – если выходцами из ЕС невозможно заполнить вакантные рабочие места. Однако столь острая критика по адресу христианско-демократического канцлера не звучала из рядов ХСС со времен экспансивного Ф.Й. Штрауса.

В этой ситуации стали поговаривать даже о разрыве традиционной политической унии ХДС с ХСС. Не думаю, что такая угроза реальна, – гораздо вероятней, по-моему, выдвижение на выборах в Бундестаг 2017 года в качестве кандидата в канцлеры от ХДС/ХСС не А. Меркель, а Х. Зеехофера. Ранее подобное явление наблюдалось лишь в 1980 и 2002 гг., когда кандидатами в канцлеры тоже стали представители ХСС – соответственно Ф.Й. Штраус и Э. Штойбер. Вероятность повторения этой ситуации возрастает сейчас с каждым месяцем – настолько стремительно падает престиж и рейтинг некогда популярной бундесканцлерши. Я не исключаю, что Зеехофер сознательно подталкивает этот процесс, стремясь занять кресло Меркель. И его шансы стать канцлером выше, чем у того же Штойбера: в 2017 г. этому, по всей видимости, не сможет помешать никакая «красно-зеленая» коалиция.

Вероятность создания «больших коалиций» повышается также из-за ухода в политическое небытие третьей старейшей партии Германии – свободных демократов (СвДП). В 2013 г. они впервые в своей истории не сумели пробиться в Бундестаг, а без них ХДС/ХСС может создать правительственную коалицию только с СДПГ. Возможна также коалиция СДПГ с «зелеными», но она менее вероятна: потенциал этих партий

таков, что их совместных усилий хватило для завоевания парламентского большинства лишь в 1998 и 2002 гг.

СвДП была известна во многом благодаря выдающимся лидерам – харизматичному Теодору Хойсу, первому президенту ФРГ, много сделавшему для поднятия престижа своей страны в мире, и Гансу-Дитриху Геншеру, многолетнему министру иностранных дел страны, занимавшему этот пост при коалициях своей партии как с СДПГ, так и с ХДС/ХСС. После Геншера деятелей подобного калибра в СвДП не было и в помине. В последние два десятилетия относительно известным из лидеров партии был разве что Г. Вестервелле, да и то не столько за счет особых политических заслуг, сколько благодаря своей «нетрадиционной сексуальной ориентации».

Печальную судьбу СвДП трудно назвать случайной. Вспомним хотя бы, что аналогичная участь постигла в свое время знаменитых «вигов» – Либеральную партию Великобритании, к которой принадлежал, в частности, такой крупный политический деятель, как Д. Ллойд-Джордж. Идеологией обеих партий являлся традиционный либерализм, имеющий весьма отдаленное отношение к тому, что преподносится под этим названием сегодня. Время подлинного либерализма, придающего особое значение индивидуальным правам и свободам, прошло безвозвратно – нравится это кому-то или нет. Нынешний «либерализм» преследует своей целью не освобождение личности, а нечто совсем другое – разрушение структуры общества и подрыв общественной морали. Показательны результаты выборов 2013 года, оставивших СвДП за пределами Бундестага. она провалилась не только в «восточных землях», где ее позиции были слабы всегда, но и, например, в Гамбурге и Бремене. А ведь оплотом либерализма традиционно являлись именно крупные города.

В последние десятилетия давно сложившаяся партийная структура ФРГ стала меняться. Так, в 1980 г. образовалась партия «зеленых», созданная активистами ряда общественных движений – экологических, сторонников мира, женских и т.п. Дальнейшее развитие партии было стремительным: 1983 г. – избрание в Бундестаг, 1987 г. – один из лучших за все годы результатов на парламентских выборах (8,3%), 1990 г. – сокрушительный провал на первых выборах в Бундестаг объединенной Германии (4,8%). Последний результат ясно показал, что партия, порожденная новыми вызовами и проблемами, зачастую подходит к ним совершенно бездумно, если не выразиться крепче. В данном случае «зеленые» продемонстрировали подчеркнуто наплевательское отношение к важнейшему событию в жизни страны – объединению Германии, взяв на вооружение глупейший лозунг: «Все говорят о Германии. Мы говорим о погоде!», за что заслуженно поплатились. Подобные «бзики», к сожалению, вполне закономерны: к основным идейным предтечам «зеленых» принадлежали пресловутые «бунтари» 68-го, которых можно было заподозрить в чем угодно, но только не в политическом благоразумии.

После этого фиаско «зеленые», наконец, обратили внимание на своих единомышленников в постылых «новых землях» (ХДС, СДПГ и СвДП сделали это гораздо раньше), результатом чего стало создание политического объединения «Союз 90 / Зеленые», существующего и поныне. Совместными усилиями пошатнувшееся реноме «зеленых» стало понемногу выправляться, однако рекордный результат 1987 г. был несколько превзойден лишь в 2002 г. При этом избиратели не забыли отношения «зеленых» к вхождению «восточных земель» в состав единой Германии: на востоке за них по-прежнему голосует вдвое меньше людей, чем в «западных землях». Максимальный результат «зеленых» на выборах в Бундестаг был достигнут в 2009 г. – 10,7%, и вполне очевидно, что дальнейший рост политического влияния партии невозможен без серьезного переосмысления ею всей своей деятельности.

Основным своим идейным постулатом «зеленые» считают глубоко справедливую мысль о том, что люди не должны жить за счет будущих поколений. Не вызывает сомнения и желательность постепенного перехода на возобновляемые источники энергии

(солнечную, ветряную, водную и т.п.). Однако постулировать конкретные сроки полного решения этой сложнейшей задачи, как поступают «зеленые», на мой взгляд, бессмысленно. Результат здесь зависит не от политических заклинаний, а от развития соответствующих направлений науки и техники, от существующих экономических условий и т.п.

Конечно, данному процессу могут содействовать и политики – если, например, примут соответствующие законодательные акты. Не думаю, однако, что они уже сделали это в должной мере, иначе возобновляемые источники энергии не составляли бы сегодня, даже по самым оптимистичным оценкам, всего ¼ в совокупном энергобалансе страны. Но и эти весьма скромные результаты достигнуты главным образом за счет громадных государственных субсидий возобновляемых источников энергии, в результате чего электроэнергия резко подорожала. Вот над чем бы следовало призадуматься «зеленым» и их единомышленникам в данном вопросе!

Другая важнейшая проблема такого рода – запрет атомной энергетики. Первые решительные меры в этом направлении приняло на рубеже веков правительство «красно-зеленых» Г. Шрёдера. А. Меркель, придя к власти, поначалу пыталась «отыграть назад», однако в 2011 г. было принято неожиданное решение о полном закрытии германских АЭС к 2022 г. Почти половина установленного срока уже прошла, пора подвести предварительные итоги, в первую очередь – открыто и четко объяснить, какие конкретные энергоисточники заменят выбывающие АЭС. Пока это не сделано исчерпывающим образом, нельзя ожидать и доверия людей к подобным планам. Тем более что повис в воздухе кардинальный, на мой взгляд, вопрос: почему планы закрытия АЭС принимаются в рамках отдельных стран ЕС, а не всего Евросоюза? Намного ли, например, понизится вероятность серьезного ущерба от аварий на АЭС при их закрытии в Германии, если они сохранятся в соседней Франции?

Партия «зеленых» существует уже почти 40 лет, но сколько-нибудь известных деятелей из ее рядов можно пересчитать по пальцам одной руки. Причем самый нашумевший среди них, Йошка Фишер, известен не столько своей деятельностью в партии «зеленых», сколько в качестве «бунтаря» 68-го, а через много лет – министра иностранных дел Германии. Типичным вожаком «зеленых» по-прежнему остается весьма молодой и безответственный деятель подчеркнуто радикальных взглядов – идет ли речь об экологии, иммиграционной политике, феминизме, однополых браках, гей-пропаганде и т.п. С такого рода лидерами на многое рассчитывать не приходится – тем более при стареющем электорате, среди которого все больше преобладают консервативные настроения.

Однако в последние годы в партии «зеленых» приобретают известность и деятели совершенно иного склада. Среди них я бы выделил, прежде всего, Винфрида Кречмана, который уже 5 лет возглавляет правительство нашего Баден-Вюртемберга, сохраняя при этом достаточно высокую поддержку избирателей. Этот единственный премьер-министр германской земли из рядов «зеленых» – далеко не типичный деятель своей партии, хотя в 1980 г. он был среди ее создателей в Баден-Вюртемберге. Кречман считается представителем либерально-консервативного крыла «зеленых» и воспринимается ортодоксальным руководством партии весьма прохладно. В частности, его критиковали там за то, что Баден-Вюртемберг во главе с ним открывает «двери» для иммигрантов недостаточно широко. Однако в стремлении к практической реализации идей «зеленых», скажем, в области экологии ему не откажешь. В частности, земельное правительство под его руководством приняло меры по более широкому использованию энергии ветра. Таким образом, политическую линию Кречмана можно назвать прагматичной – использование общественно-полезных инициатив партии «зеленых» при одновременном отказе от ее явно сумасбродных затей, не находящих широкой поддержки избирателей. На мой взгляд, будущее партии «зеленых» во многом зависит от того, сумеет ли ее руководство извлечь

должные выводы из позиции и деятельности таких своих авторитетных активистов, как Кречман.

Еще одна партия, представленная сегодня в германском Бундестаге, Левая, возникла в нынешнем виде лишь в 2007 г., за счет слияния наследницы правящей партии ГДР (Левая партия. Партия демократического социализма) с отколовшейся от СДПГ левой группой во главе с известным социал-демократическим деятелем О. Лафонтеном. Лишь после этого «левые» реально стали общенациональной партией – ранее их влияние распространялось практически только на «восточные земли». Однако и сегодня поддержка «левых» на западе страны весьма незначительна – не считая Саара, родины Лафонтена, а также Гамбурга и Бремена с их традиционно левым электоратом.

По своему весу в стране «левые» очень близки к «зеленым». Объединяет их и то, что «левым» не так давно тоже впервые удалось возглавить земельное правительство – в 2014 г. премьер-министром Тюрингии стал их представитель Бодо Рамелов. Тем не менее, проблемы, стоящие перед этими двумя партиями, далеко не идентичны, причем ситуация «левых», на мой взгляд, значительно сложней. Их престиж в стране по-прежнему связан в первую очередь с ностальгией старшей части населения «восточных земель» по временам ГДР. Однако таких людей остается все меньше, а потому электоральная база «левых», связанная с этим фактором, может с годами только сузиться. Далее, «левые», в отличие от «зеленых», до сих пор ассоциируются с коммунистическим режимом бывшей ГДР, а потому им гораздо реже удается вступать в политические коалиции с другими партиями. Так, в настоящее время «левые» представлены в правительствах лишь двух «восточных земель» – вышеупомянутой Тюрингии (вместе с СДПГ и «зелеными») и Бранденбурга (с СДПГ), а на федеральном уровне подобная перспектива для них вообще не просматривается. Наконец, для нынешней Европы гораздо типичней поправение, а не полевение общественных настроений, о чем свидетельствует хотя бы фактическое исчезновение даже столь влиятельных в прошлом компартий, как итальянская и французская.

В этой ситуации многое зависит от наличия у партии сильных харизматичных лидеров. Тут «левым», пожалуй, следует отдать предпочтение: с нынешним сопредседателем их фракции в Бундестаге Сарой Вагенкнехт трудно соперничать кому-либо из лидеров «зеленых». Яркие парламентские речи С. Вагенкнехт, хлестко и убедительно разоблачающие политику правительства А. Меркель, широко известны сегодня не только в Германии, но и в России. На глазах миллионов телезрителей в Бундестаге разыгрываются настоящие политические спектакли: Вагенкнехт бросает в лицо Меркель гневные обвинения, а та, не в силах возразить, неуклюже изображает безразличие к этим разоблачениям. В отношении полемического мастерства молодая, хорошо образованная Вагенкнехт (дипломированный экономист и специалист по философии раннего Маркса) наголову превосходит стареющую бундесканцлершу, не получившую в свое время экономического, юридического или политологического образования, столь нужного для ее руководящего поста.

Однако способность критиковать оппонентов – лишь одна необходимая черта политического лидера. Ничуть не менее важно умение предложить реальную и перспективную политическую альтернативу, а затем добиться ее реализации. В данном отношении «левые» пока мало чего достигли, и ничто не предвещает, что они могли бы добиться этого в обозримом будущем.

Самая молодая из заметных германских политических партий – «Альтернатива для Германии» (АдГ), созданная только в апреле 2013 г. Менее чем через полгода после этого АдГ добилась неплохих результатов на выборах в Бундестаг (4,7%), и лишь относительно слабая поддержка в северной части Германии помешала ей стать парламентской партией уже с первой попытки. Судя по громким избирательным успехам АдГ в трех Землях в марте 2016 г., на следующих выборах в Бундестаг в 2017 г. осечки больше не будет, что

может изменить расстановку политических сил в парламенте страны самым решительным образом.

Привлечению внимания к АдГ способствовала в первую очередь ее жесткая критика существующей еврозоны, в т.ч. громадных субсидий, выделяемых Германией на поддержку экономически слабых стран этой зоны. Политика ЕС и Германии в данном отношении действительно уязвима для критики, но это – лишь часть проблемы, причем, на мой взгляд, не самая существенная. Как будет показано ниже, коренных преобразований требует не только еврозона, но и весь Евросоюз как таковой, однако об этом АдГ по большей части умалчивает. Весьма половинчата и критика АдГ по адресу иммиграционной политики страны. Нет сомнения, что Германия нуждается, прежде всего, в притоке квалифицированных специалистов, как подчеркивает АдГ, ссылаясь на пример Канады. Однако ничуть не менее важно, чтобы привлекались лишь такие иммигранты, которые могут и желают интегрироваться в германское общество, но на сей счет АдГ не предлагает ничего вразумительного. В свете откровенно антироссийского курса, проводимого правительством А. Меркель в последние годы, заслуживает внимания, конечно, и то, что АдГ подчеркивает важную роль России в мировой политике и значимость германско-российских отношений.

В социально-экономической платформе АдГ имеются некоторые элементы, оправдывающие отнесение этой партии к правой части политического спектра. Однако основные идеи АдГ, как видно из вышеизложенного, отнюдь не свидетельствуют о ее «правопопулистском» характере и, тем более, о наличии в ней «правоэкстремистских тенденций», о чем столь охотно вещают основные германские СМИ. Эти ярлыки характеризуют не АдГ и ее деятельность, а неистребимую привычку политического «истеблишмента» Германии добиваться превосходства над своими противниками с помощью нечистоплотных манипуляций и низкопробной клеветы, не имеющих ничего общего с честной конкуренцией. Впрочем, на выборах голосуют все-таки не политические структуры или послушные им СМИ, а конкретные избиратели, и именно оценка АдГ со стороны последних определит дальнейшую судьбу этой неординарной партии.

Что касается политических предпочтений наших переселенцев в Германии, то еще совсем недавно ответ на этот вопрос был очевиден: российские немцы традиционно голосовали за ХДС/ХСС. Это вполне закономерно: именно христианские демократы были мотором привлечения наших переселенцев в Германию, а СДПГ, «зеленые» и «левые» лишь препятствовали данному процессу в меру своих возможностей. Сегодня ситуация уже не столь однозначна: вопрос о возобновлении сколько-нибудь массового приема наших переселенцев в Германии практически снят с повестки дня – как бы шумно ни вещали обратное авторы и энтузиасты законодательных новаций в данной сфере, принятых несколько лет назад. С другой стороны, политика правительства А. Меркель, в т.ч. в отношении России, носит в последние годы столь оголтелый характер, что это не может не сказаться на политических предпочтениях наших переселенцев. Мне представляется вероятным, что часть наших избирателей предпочтет в обозримом будущем голосовать не за ХДС/ХСС, а за АдГ и, возможно, за «левых».

Увы, ни одна из существующих германских партий не имеет достаточно перспективной программы разрешения все более острых проблем, стоящих перед страной, и это обстоятельство склоняет избирателей, в основном, к отказу голосовать на выборах, а наиболее активных – к участию в создании разного рода альтернативных политических структур.

Социально-экономическая политика

С точки зрения экономической ситуации в стране историю ФРГ и затем объединенной Германии можно подразделить на два примерно равных периода продолжительностью свыше трех десятилетий каждый – период сбалансированного

экономического развития и период «рейганомики». Ситуация изменялась и в пределах указанных периодов: через 10-15 лет после начала каждого из них на передний план выходили внешние факторы экономического развития, связанные соответственно с функционированием Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и созданием Европейского союза (ЕС). В соответствии с изменением ситуации в экономике менялась, естественно, и социально-экономическая политика государства.

Приблизительно за год до образования ФРГ, в апреле 1948 г., почти одновременно произошли два события, во многом определившие экономическое развитие этого государства в начальный период его существования. В частности, начал действовать американский «план Маршалла», по которому ряду европейских стран была выделена экономическая помощь, составившая до конца 1951 г. немалую по тем временам сумму – 13 млрд. долларов. Эта акция имела очевидную политическую подоплеку, хотя официально она мотивировалась сугубо экономической необходимостью. В условиях разгорающейся «холодной войны» США хотели видеть подвластную им Европу не в послевоенных руинах, а с восстановленной экономикой, отмобилизованной для целей глобального противоборства двух мировых систем. Западная Германия получила 1/10 указанной суммы – существенно меньше, чем, скажем, Великобритания или Франция. К тому же с Германии еще продолжали взиматься военные контрибуции (репарации). Тем не менее, помощь по «плану Маршалла» сыграла заметную роль в восстановлении западногерманской экономики.

Также в апреле 1948 г. в Западную Германию были доставлены из США напечатанные там новые банкноты – немецкие марки. Это, собственно, и положило начало денежной реформе, проведенной в трех западных оккупационных зонах Германии 20 июня 1948 г. Через три дня после этого денежная реформа была проведена и в советской зоне оккупации. Данная мера послужила толчком к восстановлению разрушенной экономики и ускоренному экономическому развитию в обоих случаях, но в Западной Германии эти процессы протекали более интенсивно. Этому способствовали, в частности, американские заказы, поступавшие в ФРГ в период войны в Корее (1950-53 гг.). Однако более существенную роль сыграло то обстоятельство, что тогдашнее экономическое развитие ФРГ основывалось на доктрине «социального рыночного хозяйства».

Стараниями гайдаровских горе-«реформаторов» переход к рыночной экономике ассоциируется сегодня в России главным образом с пресловутой «прихватизацией». Теоретики «социального рыночного хозяйства», в отличие от этих недоучек, знали экономику не по советским учебникам политэкономии и даже не по американским гроссбухам под многозначительным названием „Economics“, и потому были убеждены, что корень проблемы – вовсе не в форме собственности на средства производства, а в структуре экономической власти. В итоге правительство ФРГ принялось не раздаривать государственные предприятия своим приближенным, а создавать максимально благоприятные условия для рыночной конкуренции, в первую очередь – путем демонополизации экономики. Вот так и получилось, что в ФРГ уже через несколько лет начался настоящий экономический бум, а российская экономика усилиями Е. Гайдара с компанией и их американских «поводырей» была заведена в беспросветный тупик, из которого она не может выбраться и по сей день.

Советские власти ответили на «план Маршалла» и особенно на сепаратную денежную реформу очень жестко. Не удивительно – ведь помощь по «плану Маршалла» предоставлялась только странам, где в правительствах не было коммунистов, а денежная реформа была проведена западными союзниками без уведомления СССР, хотя решения Потсдамской конференции предусматривали, что 4 оккупационные державы будут обладать коллективным суверенитетом над поверженной Германией. Если на «план Маршалла» страны Восточной Европы, подконтрольные СССР, ответили отказом от предложенной американской помощи (впрочем, они не получили бы ее в любом случае,

поскольку в их правительствах задавали тон именно коммунисты), то на одностороннее введение немецкой марки в западных секторах Берлина Сталин отреагировал беспрецедентной мерой – полным прекращением железнодорожного, автодорожного и речного сообщения Западного Берлина с Западной Германией.

Вскоре стало ясно, что эта акция стареющего советского лидера была серьезной политической ошибкой. США сумели наладить снабжение огромного города всем необходимым с помощью авиации, и этот «воздушный мост» бесперебойно действовал почти год, пока в Москве не сочли за лучшее прекратить блокаду. В результате престиж США значительно возрос, а СССР, напротив, упал не только в Западном Берлине, но и на территории ФРГ, а также ГДР.

Вскоре после проведения денежной реформы и принятия необходимых мер по либерализации экономики в ФРГ начался экономический рост. Его темпы определялись уровнем внутреннего спроса на выпускаемую продукцию, а отчасти и военными заказами США, о которых шла речь выше. Оживление экономики привело к постепенному росту доходов людей, что, в свою очередь, повышало их платежеспособный спрос. Эти взаимообусловленные процессы позволяли поддерживать высокие темпы экономического роста более 10 лет. А когда расширение внутреннего спроса замедлилось, то стал играть все более заметную роль внешний спрос, нараставший по мере развития экономической интеграции в рамках ЕЭС.

В этих условиях правительство ФРГ могло проводить активную социально-экономическую политику. В частности, оно поощряло конкуренцию между профсоюзами и объединениями предпринимателей на рынке рабочей силы, благодаря чему заработная плата возрастала пропорционально увеличению производительности труда. За счет налаженной системы перераспределения национального дохода динамично росли также пенсии и разного рода социальные пособия.

Так продолжалось до начала 80-х годов, когда стало ясно, что развитие экономики ФРГ уперлось в недостаточно высокий спрос. В самом деле, нарастание внутреннего платежеспособного спроса ограничивалось темпами роста производительности труда, которые к этому периоду существенно понизились. Спрос на продукцию ФРГ за рубежом также имел свои пределы: внешнеторговые связи с социалистическим лагерем были весьма ограничены по политическим причинам, развитые неевропейские страны отгораживались от западногерманских конкурентов с помощью протекционистских мер, возможности расширения интеграции в рамках ЕЭС в значительной мере исчерпали себя, а в «третьем мире» потребители были слишком малообеспеченными, чтобы предъявлять заметный спрос на дорогостоящие, по их меркам, товары из Западной Германии. Аналогичная ситуация сложилась и в других странах Запада, так что развитие мировой капиталистической экономики зашло в явный тупик.

Рецепт, как это водится на Западе, был выписан в США: резкое повышение спроса за счет обильного накачивания экономики дешевыми кредитами. Это патентованное средство получило название «рейганомики», поскольку в 1980 г. президентом США был избран Р. Рейган. «Рейганомика» означала, что теперь население развитых капиталистических стран будет систематически расходовать больше, чем оно зарабатывает, т.е. жить в кредит. Возврат кредитов осуществлялся по большей части за счет новых заимствований, в результате чего потребители все глубже залезали в долги. В этих условиях стал заметно расти так называемый «средний класс» – многочисленный слой людей, достигших весьма высокого жизненного уровня не столько за счет своих доходов, сколько при помощи непрерывных заимствований.

В период «рейганомики» в Европе вновь стала интенсивно развиваться экономическая интеграция, о чем свидетельствует образование Евросоюза в 1992 г., его последующее резкое расширение на Восток и создание особой европейской валюты «евро» в 2002 г. ЕС стал со временем громадным общеевропейским рынком, так что теперь германская экономика могла расти за счет спроса, предъявляемого на всем этом

рыночном пространстве. С распадом СССР в 1991 г. значительно облегчился и доступ германских товаров на бывшую советскую территорию. Казалось, экономика Германии получила неограниченный простор для дальнейшего развития. Увы, глубокий экономический кризис, потрясший страны Запада, начиная с США, в 2008 г., наглядно продемонстрировал, что это развитие далеко не гарантировано.

Таких гарантий не может быть уже потому, что после уродливого разбухания ЕС и проникновения германской экономики в страны бывшего СССР она так или иначе освоила практически все мыслимые мировые рынки. А для дальнейшей экспансии мировой капиталистической экономики уже недостает просторов всего Земного шара. Перестали срабатывать и механизмы «рейганомики»: непрерывное выделение дешевых кредитов понизило ставку ссудного процента почти до нуля, а накачивание этими кредитами мировой экономики за счет все новых долларовых эмиссий резко ослабило экономические позиции самих США. Достаточно сказать, что их доля в мировой экономике понизилась с 50% в середине XX века до менее 20% в настоящее время. Трудно усомниться, что «рейганомику» ждет судьба любых «финансовых пирамид», хорошо известная жителям России по участи «МММ», «Хопёринвеста» и прочих подобных «лохотронов» 90-х годов. Более того, под серьезным вопросом оказалась дальнейшая судьба капиталистической экономики как таковой.

Социально-экономическое положение жителей Германии в течение двух указанных периодов отличалось в корне: если до 80-х годов уровень жизни населения быстро возрастал, то в дальнейшем он практически стагнировал. Эпоха «рейганомики» отмечена в Германии, как и в остальном капиталистическом мире, давно не виданными негативными явлениями: падением реальной заработной платы, введением откровенно грабительских систем оплаты труда, в т.ч. через вышеупомянутые «ляйфирмы», систематическим нарастанием безработицы, упадком профсоюзного движения, резким демографическим спадом и соответственным увеличением пенсионного возраста и т.п. И нет никаких признаков, что эта безотрадная ситуация может измениться к лучшему в обозримом будущем.

Иммиграционная политика

В постсоветской России было принято восторгаться тем, что послевоенная Германия, покаявшись в преступлениях Третьего Рейха, стала в итоге нормальным демократическим государством. Мне никогда не доводилось наблюдать коллективных покаяний или прозрений таких масштабов, но я готов допустить, что в Германии они действительно имели место. Правда, с немаловажной оговоркой: это происходило в условиях жесткого оккупационного режима и последующего существенного ограничения национального суверенитета. А о том, что «нормальная демократия», привитая в этой ситуации под диктовку США, могла нести с собой не только доброкачественные плоды, красноречиво свидетельствует уже иммиграционная политика Германии.

В 1949 г., когда был принят Основной закон ФРГ, в его ст. 16 значилась такая лаконичная формула: «Подвергающиеся политическим преследованиям имеют право политического убежища» („Politisch Verfolgte genießen Asylrecht“). Это положение мотивировалось тем, что в период нацизма свыше 80 стран мира приняли около полумиллиона беженцев из Германии. Стало быть, ст. 16 Основного закона означала явный акт политического покаяния. Данное положение не сопровождалось никакими оговорками, т.е. на его основе мог, в принципе, рассчитывать на убежище в ФРГ гражданин любой страны, подвергающийся каким-либо политическим преследованиям. В 1949 г. такое право не имело практического значения – на убежище в ФРГ в тех условиях претендовали разве что немцы, но их принимали здесь в качестве «изгнанных» (Vertriebene), а не политических беженцев (Asylanten). Однако через 4 десятка лет эта

«мина замедленного действия», подложенная под иммиграционную политику в самом начале существования ФРГ, реально сработала.

Правда, первые серьезные проблемы, с которыми столкнулась иммиграционная политика ФРГ, не имели отношения к праву на политическое убежище. В 1955-68 гг., в условиях экономического бума и растущего дефицита рабочей силы, ФРГ подписала «соглашения о найме» (Anwerbeabkommen) с 9 странами – как европейскими, так и неевропейскими (Италия, Греция, Испания, Турция, Марокко, Южная Корея, Португалия, Тунис, Югославия). Эти акции возымели далеко идущие последствия только применительно к Турции – «гастарбайтеры» из остальных стран, проработав определенный срок в ФРГ, по большей части вернулись домой, а оставшиеся со временем интегрировались в германское общество. С выходцами из Турции дело обстояло принципиально иначе – с начала 60-х годов их численность в ФРГ, как правило, только нарастала, причем об интеграции в германское общество многие из них не желали и слышать.

Несмотря на то, что к началу 60-х годов нехватка трудовых ресурсов в ФРГ становилась все более ощутимой, власти страны отнюдь не горели желанием заключить «соглашение о найме» с Турцией, отдавая себе отчет в его серьезных последствиях. Эта позиция изменилась только после возведения «Берлинской стены» в августе 1961 г., чем было практически пресечено поступление в ФРГ переселенцев и беженцев из ГДР. В этой ситуации западногерманская сторона, наконец, решилась пойти навстречу настойчивым домогательствам Турции по данному поводу: эта страна была как-никак важным торговым партнером ФРГ, являлась кандидатом на вступление в ЕЭС (каковым остается и по сей день, только применительно к ЕС) и пользовалась однозначной поддержкой США, поскольку играла ключевую роль на юго-восточном фланге НАТО.

В итоге соответствующее соглашение было подписано 30 октября 1961 г. Оно предусматривало пребывание турецких «гастарбайтеров» в ФРГ только в течение двух лет и – в отличие от иностранных рабочих из других стран – без членов семей. Однако такой порядок был невыгоден германским предпринимателям, которым приходилось затрачивать немалые средства на обучение вновь поступающих рабочих, и уже в 1964 г. оба этих ограничения были отменены. В конце 1973 г. ФРГ, как и другие страны Запада, потряс серьезный экономический спад, и прием иностранных рабочих был в итоге отменен. К этому моменту в ФРГ насчитывалось, по разным оценкам, 0,5-0,75 млн. турецких «гастарбайтеров» и членов их семей. Все они были поставлены перед выбором: уехать домой или получить право на постоянное проживание в ФРГ. Большинство, как нетрудно догадаться, предпочло последнее. Дальнейший приток иммигрантов был возможен теперь лишь в случае вступления в брак или воссоединения семей, чем турецкие граждане, живущие в ФРГ, воспользовались сполна.

Новый приток иммигрантов из Турции последовал в конце 70-х – начале 80-х годов. На сей раз речь шла о политических беженцах – внутренняя ситуация в Турции в этот период резко обострилась. После прихода к власти канцлера Г. Коля в 1982 г. его правительство предприняло несколько попыток существенно сократить численность иммигрантов из Турции, не желавших интегрироваться в германское общество, однако успеха эти меры не принесли. Напротив, «красно-зеленое» правительство Г. Шрёдера в 1999 г. облегчило условия получения германского гражданства потомками турецких иммигрантов. Показательно, что на конец 2014 г. среди иностранцев, живших в Германии, уверенно лидировали выходцы из Турции – свыше 1,5 млн., намного больше поляков, итальянцев, румын, греков, хорватов. Кроме того, 2,8 млн. граждан Германии имели турецкие корни.

Как уже отмечалось, ст. 16 Основного закона ФРГ, санкционировавшая ничем не ограниченный прием политических беженцев в стране, сработала в конце 80-х годов. В это время развернулась бурная «демократизация» в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, в результате чего вспыхнула кровавая гражданская война в Югославии, и оттуда

хлынул в Германию настоящий поток беженцев. Я отчасти стал свидетелем этого процесса, оказавшись в мае 1994 г. на центральном вокзале в Варшаве, переполненном югославскими беженцами, которые, естественно, стремились попасть не в Польшу, а в Германию. В итоге всего за 5 лет (1987-92 гг.) число заявлений о приеме в ФРГ в качестве политических беженцев возросло в 7,6 раза, составив в конце периода 438 тыс. в год, почти ¾ которых были поданы выходцами из европейских стран. Тут, под нажимом германского общественного мнения, вынуждены были пойти на попятную даже такие энтузиасты приема беженцев, как СДПГ и СвДП. В 1993 г. между этими партиями и ХДС/ХСС был заключен «компромисс по беженцам» (Asylkompromiss), в соответствии с которым в Основном законе появилась ст. 16а, где впервые предпринята попытка поставить процесс приема беженцев в определенные законодательные рамки. Согласно этой статье, права на признание в Германии политическими беженцами лишались выходцы из стран ЕС, а также других государств, где защита прав человека и основных свобод считалась гарантированной, причем перечень таких государств должен был устанавливаться особым германским законом.

С 1993 г. поток заявлений о приеме в качестве политических беженцев в Германии пошел на убыль – не вследствие принятия «компромисса по беженцам», а потому, что гражданская война на территории бывшей Югославии стала постепенно затухать. Компромисс, достигнутый с таким трудом, позволял дифференцировать претендентов на статус беженцев, в лучшем случае, по странам происхождения, но никак не в зависимости от их личной судьбы, что, конечно, не менее важно. Это и стало одной из предпосылок громадного наплыва беженцев в 2015 г., намного превзошедшего по своим масштабам аналогичное явление четвертьвековой давности. «Кризис беженцев» 2015 года сопоставим в новейшей истории Германии разве что с многомиллионным потоком переселенцев в первые послевоенные месяцы и годы. Но тогда это были люди, изгнанные или бежавшие из стран Восточной Европы именно потому, что они являлись немцами, а теперь – жители Ближнего Востока и некоторых других регионов, не имеющие к немцам и к Германии ни малейшего отношения. Вот как, например, распределялись беженцы по странам их происхождения в январе 2016 г.: Сирия – 53,7%, Ирак – 13,0%, Афганистан – 9,7%.

Нынешний «кризис беженцев» вовсе не был неожиданностью – Европа и Германия так или иначе готовили почву для него многие годы. Меня самого потрясло не то, что этот кризис, в конце концов, разразился, а реакция на него со стороны большинства ведущих германских политиков. Вот что заявила, например, А. Меркель 31 августа 2015 г., на традиционной пресс-конференции по случаю окончания летнего политического тайм-аута: «Скажу совсем просто: Германия – сильная страна. Мотивом, с которым мы подходим к этим вещам, должно быть: мы сделали так много – сделаем и это!» Такая разухабистая лихость, никак не свойственная немцам, закономерно вызвала в обществе мощную волну критики, и 15 сентября, в ходе встречи с канцлером Австрии В. Файманом, в словах канцлерши зазвучали уже совсем другие, явно обиженные нотки: «Должна сказать совершенно откровенно: если мы сейчас начнем еще извиняться за то, что сохраняем в бедственных ситуациях приветливое лицо, тогда это не моя страна».

Как хотите, но мне эта фанаберия живо напомнила известное польское изречение: „Polak potrafi!“ («Поляк всё выдержит!»). Не берусь судить, взыграли ли на сей раз в германской канцлерше ее польские гены по линии Каснер-Казмерчак или что-то другое, но мне, немцу, в подобных случаях всегда приходит в голову естественный вопрос: «Выдержим во имя чего?» Во имя упрямого продолжения прежнего политического курса, который завел в очевидный тупик и германскую иммиграционную политику, и многое другое?

Нынешний «кризис беженцев» напоминает стихийное бедствие только внешне. В действительности это вполне рукотворное явление, ответственность за которое несут конкретные политические силы и деятели. Об ответственности за первые шаги в этом направлении, о которых у нас шла речь, можно говорить только с долей условности.

Парламентский совет, принявший в мае 1949 г. Основной закон ФРГ, включая его пресловутую ст. 16, был далеко не волен в своих действиях – он работал под жестким контролем западных оккупационных властей, в первую очередь американских. «Соглашение о найме» с Турцией в 1961 г. и его новая версия в 1964 г. также подписывались, как мы видели, под серьезным нажимом: в первом случае – внешним, со стороны США и других стран НАТО, во втором – внутренним, исходившим от влиятельных промышленных кругов ФРГ. Однако все эти шаги еще не носили необратимого и неисправимого характера.

Первые меры подобного рода, упомянутые нами, приняли правительства В. Брандта в 1973 г. (разрешение остаться в ФРГ сотням тысяч бывших турецких «гастарбайтеров») и Г. Шрёдера в 1999 г. (облегчение получения германского гражданства потомкам турецких иммигрантов). Тут уже едва ли приходится говорить о действиях под нажимом или о серьезной экономической необходимости. Так, в 1973 г., после очередной арабо-израильской войны, резко подскочили цены на нефть, в результате чего экономика ФРГ впала в глубокую депрессию и никакой потребности в иностранной рабочей силе не испытывала. Дело в другом: «красные» (в данном случае социал-демократы) и «зеленые» всегда ратовали за то, чтобы «двери» Германии были настежь распахнуты перед инонациональными иммигрантами. Если христианским демократам еще приходил в голову кардинальный вопрос о том, есть ли у тех или иных групп иммигрантов способность и желание интегрироваться в германское общество, то «левые» просто отмахивались от таких неудобных вопросов или, в лучшем случае, ссылались на пресловутые идеи мультикультурализма.

Приверженцы этих идей рьяно настаивают, что в любой стране могут и должны сохраняться и развиваться культурные различия. Разумеется, могут – вопрос только в том, останется ли такое общество единым или превратится в механическое смешение принципиально разных культурных общностей. А. Меркель еще до прихода к власти заявляла в полемике с «зелеными», что мультикультурное общество «потерпело грандиозный крах». В 2010 г., став канцлером, она высказалась на сей счет более конкретно: «Наша страна, между прочим, в начале 60-х годов пригласила в Германию иностранных рабочих. И теперь они живут у нас. Некоторое время мы обманывали сами себя, мы говорили: уж они не останутся, когда-нибудь их не будет. Реальность оказалась иной. А подход, естественно, состоял в том, чтобы говорить: теперь мы создадим здесь мульти-культи и будем жить рядом и радоваться друг другу. Этот подход потерпел неудачу, абсолютную неудачу».

Если А. Меркель давно осознала банкротство идей мультикультурализма, то что же побудило ее в 2015 г. неприкрыто зазывать в страну огромные массы людей, абсолютно чуждых немецкой культуре и заведомо не желающих к ней приобщиться? По всей видимости, она склоняется к идее, альтернативной мультикультурализму, – концепции «плавильного котла», согласно которой различные культуры должны не сосуществовать, а сливаться воедино. Так характеризуют, в первую очередь, ситуацию в США, и потому эта идея должна быть особенно близка Меркель, страстной поклоннице всего американского. А до того, что в итоге реализации подобных идей в стране под названием Германия будет оставаться все меньше немецкого, нет дела, как видно, ни ей, ни прочим политикам «без роду-племени» из правящей верхушки нынешней Германии.

Рукотворными были и оба «кризиса беженцев» – как нынешний, так и предыдущий. Так, в развязывание гражданской войны на территории Югославии в начале 90-х годов немалую лепту внесла именно Германия, первой признавшая независимость Хорватии и Словении и вынудившая другие страны ЕС последовать своему примеру. В разжигании гражданской войны в Сирии два десятилетия спустя роль Запада, включая Германию, тем более очевидна. Западные страны с самого начала потребовали ликвидации режима Б. Асада как «антидемократического» и «диктаторского» (будто на Ближнем Востоке возможны сегодня какие-то другие режимы) и поддержали

вооруженную антиасадовскую оппозицию. Что ж после всего этого лить крокодиловы слезы по поводу очередных «кризисов беженцев» в Германии и Европе!..

Политика в отношении российских немцев

В политике ФРГ, а затем объединенной Германии в отношении российских немцев достаточно четко выделяются три принципиально разных этапа: до 1989 г., 1989-98 гг. и с 1999 г. Это видно уже по столь важному показателю, как численность российских немцев и членов их семей, принятых в ФРГ. В целом за 1951-2015 гг. здесь было принято почти 2,4 млн. наших переселенцев, из которых на 1-й период пришлось 6,6%, на 2-й – 68,4%, на 3-й – 25,0%.

В первый из указанных периодов вся политика в отношении российских немцев практически сводилась к тому, чтобы принимать в ФРГ тех немногих из них, которым советские власти разрешали выезд в рамках «воссоединения семей», и время от времени напоминать публично о проблемах, возникавших в этой связи. Ситуация стала быстро меняться с 1987 г., когда советское законодательство кардинально упростило правила выезда из СССР, в т.ч. для российских немцев. Уже в 1987 г. число наших переселенцев, выехавших в ФРГ, впервые превысило 10 тыс., а в 1988 г. достигло почти 50 тыс. В этой ситуации западногерманским властям пришлось волей-неволей задуматься о своей долгосрочной политике в отношении российских немцев.

В результате уже в 1988 г. создается служба Уполномоченного правительства ФРГ по делам переселенцев, и первым на этот пост был назначен не раз упоминавшийся выше Хорст Ваффеншмидт. Второй из выделенных нами периодов – это и есть время деятельности в данной службе Х. Ваффеншмидта и его сотрудников. На их плечи легла поистине масштабная задача – всего лишь за 10 лет организовать прием в ФРГ свыше 1,6 млн. наших переселенцев, т.е. более 2/3 всех российских немцев и членов их семей, выехавших сюда за 7 послевоенных десятилетий. Я был неизменным свидетелем этих усилий с 1991 г., о чем уже рассказал в главе «Команда Ваффеншмидта».

Встретившись с этой командой, я, естественно, заинтересовался тем, имеется ли у Германии какая-то внятная политика в отношении российских немцев. Через несколько месяцев мне стало ясно, что такая политика существует и включает в себя три основных пункта: 1) принять около половины всех российских немцев и членов их семей, представляющих для Германии наибольший интерес; 2) в области восстановления нашей республики на Волге ограничиться чисто словесной поддержкой и реальной помощи не оказывать, т.к. восстановленная республика могла бы воспрепятствовать решению первой и самой важной задачи германской политики в отношении российских немцев; 3) вместо этого направить определенные средства на поддержку российских немцев, остающихся на территории СССР, в особенности в Западной Сибири – регионе их наиболее массового послевоенного проживания.

Не знаю, существует ли документ, где были бы четко сформулированы эти достаточно циничные положения, однако в том, что тогдашняя германская политика в отношении российских немцев руководствовалась именно ими, у меня после 7-летнего плотного общения с «командой Ваффеншмидта» сомнений не осталось. Контуры этой политики были намечены, скорее всего, самим канцлером Г. Колем и его ближайшими сотрудниками, но всей работой по ее конкретизации и осуществлению ведала «команда Ваффеншмидта» – других людей, достаточно компетентных в проблемах российских немцев, в руководстве Германии попросту не имелось.

Прием наших переселенцев в Германии достиг максимума в 1993-95 гг., когда сюда ежегодно прибывало свыше 200 тыс. российских немцев и членов из семей. Столь высокий уровень выезда грозил перечеркнуть рамки, объявленные Х. Ваффеншмидтом в беседе с нами еще летом 1991 г.: принять 2 млн. наших переселенцев – ровно столько, сколько немцев было учтено на территории СССР переписью населения 1989 года. В

результате пришлось запустить «механизм торможения», поразивший желающих выехать в самое уязвимое для них место – слабое владение немецким языком. Потому в 1996 г. для претендентов на статус «поздних переселенцев» было введено предварительное языковое собеседование (Sprachtest).

Чисто формально при этих собеседованиях требуется совсем немного – умение вести простой разговор на немецком языке. Однако на деле это, увы, далеко не просто. Среди нынешних российских немцев этим требованиям удовлетворяют разве что люди старшего возраста, но и они в состоянии поддерживать подобные беседы, как правило, только на своем диалекте, т.к. никогда не говорили на немецком литературном языке. Германские законодатели не могли не знать об этом, и драконовские ограничения, введенные ими, уже очень скоро продемонстрировали свою высокую эффективность: всего за 3 года, с 95-го по 98-й, прием наших переселенцев понизился до 100 тыс. в год, т.е. упал более чем вдвое. В 2004 г. германские власти решили, что и этого слишком много, и потребовали «владения основами немецкого языка» не только от самих кандидатов в «поздние переселенцы», но и от членов их семей. В результате уже в 2006 г. прием наших переселенцев упал ниже 10 тыс. человек в год и находится на этом уровне до сих пор, несмотря на некоторые косметические смягчения правил приема, введенные в последние годы.

И все это, заметим, происходило в то время, когда Германия охотно принимала беженцев из Европы, Азии и Африки, не знавших по-немецки ни слова. По их поводу, в отличие от наших переселенцев, никто не закатывал истерик относительно серьезных проблем с интеграцией из-за незнания ими немецкого языка. Для меня еще в мою бытность в Москве не составляло секрета, что российско-немецкие переселенцы отнюдь не желанны для той Германии, которая так жаждет поскорее избавиться от всего немецкого. Я не особо комплексовал по этому поводу: «Насильно мил не будешь», – гласит известная русская пословица. Однако не упускал случая разоблачить ту массу небылиц и откровенной лжи, которой в Германии привыкли оправдывать свою политику в отношении российских немцев.

Этой теме был в основном посвящен и мой доклад на нашем последнем общенациональном форуме, прошедшем в столице Кыргызстана Бишкеке в конце 1998 г. Доклад под названием «О положении немцев-переселенцев» прозвучал уже после ухода в отставку канцлера Г. Коля, а вместе с ним и «команды Ваффеншмидта», и потому я попытался подытожить там деятельность последней. Под своими весьма жесткими оценками на сей счет я бы подписался и сегодня, однако всё, как известно, познаётся в сравнении. Тогда я еще не знал, что на этом политика Германии в отношении российских немцев, в сущности, исчерпана и далее последует только постепенное «закрытие лавочки». Да и не мог знать: среди «красно-зеленых», только что пришедших к власти, у меня не было никаких близких знакомых, не считая разве что депутата Бундестага Х. Зилаффа. Однако он, известный церковный деятель и поборник интересов немцев, изгнанных из Восточной Европы (к каковым принадлежал и сам Зилафф), был далеко не типичным социал-демократом.

Что представляют из себя последние, мы увидели очень скоро, когда в Москву пожаловал Йохен Вельт, преемник Х. Ваффеншмидта на посту Уполномоченного по делам переселенцев. Это был циничный делец, абсолютно равнодушный к проблемам российских немцев и озабоченный только тем, чтобы закрыть свою «лавочку» как можно скорей. Несколько раз встретившись с ним, я убедился, что говорить нам совершенно не о чем, а потому старался избегать дальнейших подобных контактов. Мало чем отличались и наши контакты с последующими Уполномоченными правительства Германии по делам переселенцев, в т.ч. после возвращения ХДС/ХСС к власти в 2005 г. Полноценная политика Германии в отношении российских немцев осталась в безвозвратном прошлом, и какие-либо политические партии или их деятели не могут изменить в этом отношении практически ничего.

Массовый выезд наших переселенцев в Германию давно вошел в историю, и сегодня может показаться, что этот процесс был не только закономерным, но и исторически неизбежным. Мы, современники и свидетели, воспринимали его иначе, тем более – если знали, сколько привходящих и достаточно случайных обстоятельств обусловили принятие соответствующих решений. Уже начало этого процесса было вызвано решением, принятым не германскими, а советскими властями, – либерализацией выезда из СССР с 1987 г. В ФРГ к тому времени уже свыше трех десятилетий действовал Закон об изгнанных и беженцах, санкционировавший прием лиц немецкой национальности из СССР, так что западногерманским властям оставалось только принять к сведению советское нововведение и подготовиться к резкому нарастанию притока российских немцев-переселенцев. Однако этому препятствовала серьезная внутриполитическая проблема – среди ведущих партий ФРГ прием немцев-переселенцев поддерживал только блок ХДС/ХСС. Против этого возражали даже его партнеры по правительственной коалиции – свободные демократы, не говоря уже о таких убежденных противниках всего немецкого, как СДПГ и «зеленые».

Правда, соответствующим действиям правительства Г. Коля в 1988 г. благоприятствовало то, что до следующих выборов в Бундестаг было еще далеко. В противном случае политические оппоненты ХДС/ХСС не преминули бы воспользоваться очередной избирательной кампанией, дабы поднять шум вокруг наплыва немцев-переселенцев из СССР, и тем самым могло бы оказаться проблематичным не только создание службы Уполномоченного по делам переселенцев, но и само продолжение действия Закона об изгнанных и беженцах. В последующие два года противникам христианских демократов было уже не до пересмотра данного закона – они, как могли, противодействовали возможному объединению Германии.

Когда из этого ничего не вышло и Германия объединилась, Закон об изгнанных и беженцах оказался под настоящим шквалом критики. Тем более что процесс объединения страны потребовал гигантских средств, и в этой ситуации вполне убедительно звучал вопрос: стоит ли нам в такое нелегкое время тратиться еще и на прием каких-то российских немцев? И трудно сказать, чем бы увенчались эти вопли, если бы не разразился вышеупомянутый «кризис беженцев», спровоцированный гражданской войной в Югославии. В этой ситуации правительство Г. Коля выступило с идеей «пакетного» урегулирования двух основных иммиграционных проблем, с тем чтобы ограничить, но не прекратить прием иммигрантов в обоих случаях, что и было реализовано в 1992-93 гг.

Германия и Европейский союз

По поводу нынешнего Европейского союза (ЕС) и его глубокого кризиса, как и относительно роли Германии в этой «единой Европе», исписаны горы бумаги. Увы, вся эта писанина по большей части не столько проясняет, сколько затемняет суть дела. Попытаемся докопаться до этой самой сути, обратившись к нескольким элементарным примерам, доступным для понимания большинства грамотных людей.

Представим себе для начала два соседних государства, в одном из которых экономика намного конкурентоспособней, чем в другом. Вопрос: что произойдет, если упразднить таможенные границы между ними, т.е. создать в пределах этих двух стран некий «общий рынок»? Ответ вполне очевиден: более слабое государство не выдержит такой конкуренции, его предприятия разорятся или, в лучшем случае, будут скуплены конкурентоспособным соседом, а основной массе трудоспособного населения придется искать себе занятие вдалеке от родных мест.

Другой вопрос: что получится, если в этих двух государствах ввести не только общий рынок, но еще и единую валюту? Ответ не менее ясен: в этом случае экономические проблемы более слабого государства только усугубятся. Имея собственную валюту, оно еще может как-то противостоять разорительной для него

конкуренции. А именно, путем девальвации (т.е. официального обесценения) своей валюты можно до некоторой степени повысить конкурентоспособность отечественной продукции на внешних рынках. Если же вводится единая валюта, то тем самым становится невозможной даже такая половинчатая мера защиты отечественного производителя.

Третий пример: представим себе, что в каком-то конфедеративном государстве с единой валютой (к примеру, в Швейцарии) каждый регион (в данном случае кантон) получит право независимого формирования своего бюджета. Нетрудно догадаться, что такое государство ожидает неминуемый финансовый хаос, даже если оговорить некоторые ограничения этой бюджетной вольницы. Это примерно то же, что создать некую общую кубышку (единую валюту) и позволить всем ее пользователям черпать оттуда денежки по собственному усмотрению.

В это, быть может, нелегко поверить, но в приведенных простых примерах отражена вся суть головоломных экономических проблем и противоречий нынешнего ЕС. В этом грандиозном сооружении больше всего поражает, пожалуй, вопиющая нелепость тех основополагающих принципов, на которых оно зиждется последние десятилетия. «Отцы» евроинтеграции Р. Шуман, Ж. Монне и К. Аденауэр наверняка перевернулись бы в гробах, узнав о том, во что превратили их любимое детище нечестивые «ученики». Слов нет, последние сильно уступают по своему интеллекту перечисленным выдающимся политикам. Однако дело, конечно, не только в неспособности, но и в явном нежелании понять элементарные закономерности экономической интеграции. Иными словами – в сочетании скудоумия с очевидными шкурными интересами, очень далекими от тех, что торжественно декларируются с высоких европейских трибун.

Изначально Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), созданное в 1957 г., включало в себя всего 6 стран – Италию, Францию, ФРГ, Бельгию, Нидерланды, Люксембург. По конкурентоспособности своей экономики они отличались мало, да и о полном устранении таможенных барьеров между ними в то время еще никто не думал. Введение единой европейской валюты тем более представлялось делом далекого будущего. Однако уровень экономической интеграции, достигнутый на том этапе, позволял экономике стран ЕЭС развиваться вполне успешно.

Это и послужило одним из поводов к тому, что желание присоединиться к ЕЭС появилось даже у такого закоренелого «евроскептика», как Великобритания. Правда, тогдашний президент Франции Ш. де Голль решительно воспротивился этим поползновениям, резонно полагая, что ЕЭС совершенно ни к чему иметь в своем составе «европейское продолжение» США. Аналогичного мнения придерживался и канцлер ФРГ К. Аденауэр – только он, в отличие от красноречивого французского партнера, обычно избегал высказываться на столь скользкие темы. К 1973 г. этих выдающихся государственных деятелей сменили лидеры гораздо меньшего калибра – соответственно Ж. Помпиду и В. Брандт, в результате чего вступление Великобритании в ЕЭС, наконец, состоялось.

Опасения Ш. де Голля и К. Аденауэра подтвердились с лихвой: Великобритания не привнесла в евроинтеграцию ничего позитивного, зато при каждом удобном случае выставляла напоказ свою «особую позицию» по вопросам деятельности ЕЭС и ЕС. Это нескончаемое политическое позерство опостылело со временем даже такой твердокаменной «евроатлантистке», как А. Меркель, и в последние годы она не раз реагировала на угрозы британского премьера Д. Кэмерона относительно выхода его страны из ЕС вполне определенно: дескать, хочешь уходить – так уходи!

Однако членство Великобритании стало далеко не последней «головной болью» Евросоюза. Так, в 1981 г. в ЕЭС была принята Греция, неконкурентоспособность экономики, как и разнузданность бюджетной политики которой не вызывала сомнений с самого начала. Со временем остатки этой экономики зачахли настолько, что Греция практически перешла на содержание ЕС. В этих условиях германские политики во главе с

А. Меркель и министром финансов В. Шойбле решили отличиться в жанре «разговоры в пользу бедных». Греции и ей подобным промотавшимся членам ЕС постоянно напоминают из Берлина о необходимости затянуть пояса и экономить что есть мочи. В ответ на эти бессмысленные заклинания у их адресатов, видимо, возникают ассоциации с фразой из «Республики ШКИД» в соответствующем переводе: «Дяденька, вы лучше угостите нас папиросочкой, чем говорить так непонятно!» Или попросту появляется желание пририсовать к портрету Меркель гитлеровские усики. А мне в этой связи вспоминается известное изречение М. Жванецкого: «Ой, дурют нашего брата, ой, дурют!» Ведь то, кто поживился на банкротстве греческой экономики, хорошо известно: более сильные страны ЕС, в первую очередь – конечно же, Германия. В общем, разорить – разорили, а содержать отчего-то не рвутся.

Но Греция – еще не самый показательный пример безоглядного расширения ЕС. С 2004 г. к 15 тогдашним членам Евросоюза добавились еще 13 – «молодцы, как на подбор» из Восточной и Юго-Восточной Европы: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Болгария, Румыния, Хорватия. Мотивы этих новообращенных европейцев сочно, хотя и не вполне политкорректно отображены еще в пьесе «Любовь Яровая»: «Пустите Дуньку в Европу!» Понять тех, кто принял их в ЕС, гораздо сложней: барыши – барышами, политиканство – политиканством, но ведь рано или поздно за это безумие придется и отвечать. А ответить уже есть за что и сегодня: от экономики Болгарии, Венгрии, Румынии, Хорватии и т.п. остались одни воспоминания, а трудоспособные жители доблестных стран Балтии разбрелись по всей Европе в поисках хоть сколько-нибудь сносных заработков. Пора, пора вовлекать в ЕС других желающих отведать «европейских пирогов», членов «Восточного партнерства» – Украину, Молдову, Грузию и т.д.

Есть у меня и некоторые личные впечатления от новых членов ЕС. В 2005 г., побывав в Бухаресте, я был просто потрясен донельзя затрапезным видом румынской столицы, особенно ее гигантской центральной площади. В частности, поразило одно из зданий на этой площади – невероятно обшарпанное, но зато с вывесками на румынском и английском: «Министерство европейской интеграции». Тогда я еще не мог поверить в возможность приема Румынии в ЕС, а потому подумал: «Только вас там и не хватало!» Однако уже через два года многовековая мечта румынского народа о присоединении к «большой Европе» действительно реализовалась – с последствиями, о которых у нас уже шла речь. В 2015 г., отдыхая в Хорватии, я поинтересовался у хозяина нашего отельчика состоянием хорватской промышленности, известной когда-то не только в пределах Югославии. В ответ он только горестно махнул рукой.

Политические соображения были не чужды евроинтеграции с самого начала. Однако такой уродливо гипертрофированной роли, как в последние четверть века, они не играли еще никогда. Так, совершенно очевидно, что гигантское расширение ЕС на Восток преследовало не столько экономические, сколько политические цели – воссоздание «санитарного кордона», существовавшего в Восточной Европе в период между двумя мировыми войнами. С той только разницей, что тогдашний «кордон» был призван отделить Европу от СССР, а нынешний – от России: «Украинский кризис» продемонстрировал это вполне недвусмысленно. Кому пришла в голову сумасбродная затея – отгородить «цивилизованную» Европу от «нецивилизованной» России цепью разоренных и даже (как Украина) охваченных гражданской войной стран, история умалчивает. Сдается, однако, что задумка родилась в Вашингтоне, а не в Брюсселе – уж очень явно плоды этой «евроинтеграции» напоминают об идее «управляемого хаоса», столь популярной сегодня среди правящих кругов США.

Нынешний Евросоюз, оказавшись наедине с целой горой зубодробительных проблем, как никогда, нуждается в лидере. Ясно и то, что в современном ЕС эта роль по плечу только Германии – Франция, не без успеха претендовавшая на нее во времена Ш. де Голля, давно утратила общеевропейские лидерские амбиции. В далекой юности, будучи

вузовским преподавателем, я сочинил величальную оду в честь новоназначенного заведующего нашей кафедрой, где были такие проникновенные строки: «Так действуй же, новый наш фюрер, ЦУ поскорее нам дай!» Сегодня члены ЕС обращают к Германии аналогичный призыв – разве что не в столь вызывающей форме. А Германия в лице А. Меркель отвечает на эти воззвания, переходящие в мольбы, весьма уклончиво и невнятно. Да и как иначе, если последние 7 десятилетий Германию, напротив, жестко отучали от любых поползновений на лидерство?

В рамках ЕС Германия традиционно лидировала только в том плане, что вносила наибольший финансовый вклад в его деятельность. Указывать пути развития европейской интеграции в Германии и не пытались, и даже важнейшие шаги в этом направлении, предпринятые в последние десятилетия – введение общеевропейской валюты «евро» и расширение ЕС на Восток, были инициированы не в Берлине, а, насколько можно судить, соответственно в Париже (об этом я уже упоминал) и Вашингтоне. То и другое завело евроинтеграцию в явный тупик, и теперь члены ЕС, в поисках выхода из него, обращают свои взоры почти исключительно на Германию. Увы, отсюда распространяются не принципиально новые идеи, а, в лучшем случае, ЦУ (ценные указания) по текущим вопросам – например, о том, что нужно проводить более экономную бюджетную политику или что тяготы, связанные с «кризисом беженцев», должны нести, в меру своих возможностей, все члены ЕС. Однако ни того, ни другого в Евросоюзе не желают и слышать – убедительное подтверждение тому, что новые члены влились в него, дабы им «сделали хорошо», а вовсе не для того, чтобы сообща развивать европейскую интеграцию.

Но если члены ЕС не в состоянии договориться даже по таким частным вопросам, то как же им прийти к согласию относительно глубоких коренных реформ, в которых остро нуждается Евросоюз? Общая направленность этих неотложных реформ очевидна: при наличии единой валюты и свободного перемещения людей в пределах Шенгенской зоны Евросоюзу необходима гораздо более высокая степень экономической, а также политической централизации. Увы, воспринять такого рода идеи в ЕС совершенно не готовы, тем более, если они будут исходить из Германии – вмиг заговорят о намерении Берлина создать Четвертый Рейх.

Я бы еще мог представить себе идейное лидерство Германии в ЕС, если бы не ее восточная соседка по Евросоюзу – Польша. Думаю, в Берлине давно пожалели, что согласились на прием в ЕС в 2004 г. еще одного «троянского коня» США – будто Евросоюз мало намучился с первым из них в лице Великобритании. Нынешняя «политическая элита» Польши состоит из двух основных частей – «либералов», беспрекословно выполняющих любые американские команды, и отъявленных националистов, настроенных, впрочем, столь же проамерикански. Последние занимают сегодня в Польше все «командные высоты», и в этих условиях не может быть и речи ни о каких серьезных реформах в ЕС, требующих, между прочим, согласия всех его членов. Кстати, крупные избирательные победы ультранационалистической партии «Право и справедливость» побуждают серьезно усомниться в успехе польских экономических реформ, о чем было так много шума в последние годы. В стране с успешной экономикой не приходят к власти партии, люто ненавидящие кого ни попадя, начиная от ближайших соседей (в данном случае – России и Германии).

Отношения с США

Тесные контакты германских земель с США восходят еще к концу XVIII века, но по-настоящему заметную роль германо-американские отношения стали играть лишь в ходе двух мировых войн, в особенности после того, как в 1945 г. США оккупировали поверженную Германию вместе с тремя другими державами-победительницами. 23 мая 1949 г. на территории западных оккупационных зон Германии был введен в действие Основной закон, что и положило официальное начало существованию ФРГ. Однако

подлинная история ФРГ и, стало быть, современной Германии как таковой началась двумя днями раньше, с заключения Государственного договора между западными союзниками и временными западногерманскими властями.

Сведения об этом строго секретном документе просочились наружу по чистой случайности: немцы, когда-то славившиеся своей непревзойденной аккуратностью, умудрились потерять одну из копий самого засекреченного государственного акта послевоенной Германии. Федеральной разведывательной службе (БНД) пришлось известить об этом вопиющем факте германских министров и заодно «настоятельно порекомендовать» им глухую «несознанку» в случае, если утерянная копия попадет «не в те руки». Письмо БНД скопировал Г.-Х. Комосса, некогда – начальник военной контрразведки ФРГ. Выйдя в отставку, этот бывший генерал Бундесвера счел для себя долгом чести довести, наконец, до сведения граждан Германии, где находятся подлинные рычаги власти их государства. Наиболее известная книга Комоссы на этот счет, «Немецкая карта», изданная в 2007 г., переведена и на русский язык.

Как сообщалось в письме БНД, секретный Государственный договор предусматривал: а) сохранение западными союзниками верховного контроля над германскими печатными и электронными СМИ вплоть до 2099 г.; 2) принятие так называемого «Канцлер-акта» (Kanzlerakte), т.е. документа, который должен был подписывать по распоряжению западных союзников каждый канцлер ФРГ до принятия своей официальной присяги; 3) наложение этими союзниками ареста (Pfändung) на золотой запас ФРГ.

В 2009 г. информацию о существовании «Канцлер-акта» косвенно подтвердил газете «Ди Цайт» Э. Бар, в прошлом – ближайший сотрудник В. Брандта. По словам Бара, осенью 1969 г., когда Брандт только что занял пост канцлера ФРГ, он, Бар, однажды вечером застал шефа глубоко взволнованным. Как оказалось, высокопоставленный чиновник принес на подпись Брандту три письма, адресованных послам западных держав в их качестве Верховных комиссаров на территории ФРГ. В этих письмах Брандт должен был подтвердить согласие германской стороны с рядом существенных ограничений, наложенных западными союзниками на Основной закон ФРГ перед его принятием. Брандт был возмущен тем, что от него потребовали подписать такое «верноподданное письмо»: дескать, он ведь избран на пост федерального канцлера, связан официальной присягой, и западные послы едва ли могут сместить его! Тогда ему объяснили, что аналогичные письма подписывали и все предыдущие канцлеры – К. Аденауэр, Л. Эрхард, К.Г. Кизингер. «Так что подписал и я», – завершил свой рассказ Брандт и, по словам Бара, никогда больше не заговаривал на эту тему.

Эти сенсационные разоблачения были воспроизведены не так давно даже в российской телепередаче «Человек и закон», но на меня они, признаться, особого впечатления не производят. Ведь и без них хорошо известно, что государства, обладающие сегодня достаточно полным суверенитетом, можно пересчитать на пальцах одной руки, и нынешняя Германия к числу таких государств явно не принадлежит. Даже если считать доказанным, что все германские канцлеры, подписывая «Канцлер-акт», принимали на себя одни и те же обязательства перед западными союзниками, в первую очередь США, нельзя не видеть и другое: отношение разных лидеров ФРГ к заокеанскому «Большому брату» и его политике было далеко не одинаковым.

Так, во времена К. Аденауэра, К.Г. Кизингера, Г. Коля отношения ФРГ с США были достаточно близкими и ничем особо не омрачались, хотя тогда вовсе не создавалось впечатления, что эти канцлеры руководствуются в своей политике не германскими, а американскими интересами. При Л. Эрхарде отношения ФРГ и США были прохладными – не столько по политическим, сколько по личностным мотивам: западногерманский канцлер и тогдашний американский президент Л. Джонсон на дух не выносили друг друга. Отношение В. Брандта к США было двойственным: он ценил политику «разрядки», начатую президентом Р. Никсоном, но негативно воспринимал продолжение

американской агрессии во Вьетнаме. Г. Шмидт относился к политике США с заметным недоверием – в частности, он считал, что американцы слишком беспечно подходят к обеспечению безопасности Западной Европы. Г. Шрёдер не скрывал, что считает американскую оккупацию Ирака совершенно явной авантюрой.

Труднее всего охарактеризовать в этом смысле, пожалуй, политику А. Меркель. В первый период ее канцлерства казалось, что она отличается от своих предшественников лишь подчеркнуто проамериканскими взглядами и симпатиями, весьма типичными для бывшей интеллигенции ГДР. Однако в последние годы мы наблюдаем, увы, гораздо худшее – откровенную угодливость и сервильность в отношении всего, что затевают США в Европе и вокруг нее, при явном пренебрежении национальными интересами самой Германии. Дело дошло до того, что в стране раздались призывы отдать Меркель под суд по обвинению в национальной измене (Hochverrat). В условиях существенного усиления американского нажима Меркель стала вести себя на редкость беспомощно, махнув рукой даже на прослушивание своих телефонных разговоров спецслужбами США. Потому в Германии крепнет мнение, что американцы нашли способ держать канцлершу «на крючке» – видимо, с помощью какого-то серьезного компромата времен ее восточно-германской юности. «Моментом истины» в этом смысле, как ожидается, станет развязка затянувшейся истории с созданием так называемого Трансатлантического партнерства.

Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) – это предполагаемое соглашение о свободной торговле между Евросоюзом и США, переговоры о котором ведутся уже не один год. А. Меркель известна как твердая сторонница ТТИП – канцлерша заявляла, например, что оно поможет Европе выбраться из нынешнего экономического кризиса и что ТТИП следует заключить еще до окончания президентского срока Б. Обамы, т.е. не позднее 2016 г. Однако уверенности в том, что после неоднократных отсрочек соглашения будет выдержан хотя бы этот срок, нет, пожалуй, ни у кого.

Глашатаи ТТИП заверяют, что его заключение вызвано вполне основательными объективными причинами: ЕС и США все более сдают лидерские позиции в мировой экономике под напором Китая и стран Юго-Восточной Азии, а потому Европа и Америка должны объединить свои экономические усилия. С этим, казалось бы, не поспоришь, однако развитие ситуации вокруг ТТИП явно свидетельствует о том, что подобного рода заявления содержат, в лучшем случае, только часть правды. Вызывает серьезные сомнения уже сам ход переговоров о заключении ТТИП – сугубо келейный и «непрозрачный». Конечно, обсуждение деталей подобных соглашений – дело экспертов, но почему до общественности так и не доведены хотя бы основные идеи ТТИП? Имеются в виду, конечно, реальные идеи, а не пустые декларации типа: «Мы за всё хорошее и против всего плохого». Чудовищно, но факт: ведущие европейские политики, пытающиеся учить демократии и гласности чуть ли не весь мир, не удосужились организовать предметное обсуждение возможного содержания ТТИП даже в стенах Европарламента. Тут уже не остается сомнений: этим политикам, включая и А. Меркель, есть что скрывать.

На мой взгляд, предметного обсуждения идей ТТИП не было и нет уже по той причине, что здесь совершенно явно не вяжутся концы с концами. Основные декларируемые цели ТТИП – устранение разного рода ограничений во внешней торговле ЕС с США, а также во взаимных инвестициях. Между тем, экспорт из той же Германии в США намного превосходит соответствующий импорт, а прямые германские инвестиции в американскую экономику гораздо внушительней обратного их потока. Так что же, США, уже много лет склоняющие Европу к ТТИП не мытьем, так катаньем, стремятся еще более усилить эти преимущества германской экономики? В такую чушь едва ли поверит хоть один здравомыслящий человек.

США, естественно, добиваются прямо противоположного: переломить крайне неблагоприятный для себя характер экономического взаимодействия с Германией, а

отчасти и с остальной Европой в свою пользу. Взять хотя бы такой важный вопрос, как устранение внешнеторговых барьеров. Прямых таможенных препятствий здесь практически нет, речь идет почти исключительно о нетарифных барьерах. В ЕС придумали массу всевозможных «закорючек», предотвращающих проникновение неевропейской продукции, в первую очередь сельскохозяйственной, на европейский рынок. «Снятие нетарифных барьеров» как раз и означает, что американская продукция сможет проникать в Европу беспрепятственно – со всеми вытекающими отсюда последствиями для европейских производителей.

Такая «перспектива», конечно же, совершенно неприемлема для соответствующего европейского бизнеса, и именно этим объясняются бесконечные проволочки с достижением соглашения по ТТИП. От того, кто одержит верх в непримиримом противоборстве между проевропейскими силами, представленными в первую очередь предпринимательскими кругами, и такими откровенно проамериканскими политиками, как А. Меркель, во многом зависит будущее Европы. Евросоюз, «задушивший в объятиях» экономику Восточной Европы, не может не понимать, что США намерены проделать нечто подобное с ним самим. И поддаться этому американскому нажиму – значит совершить экономическое и политическое самоубийство.

Уроженцы ФРГ слышали с детских лет, что Америка – «оплот и лидер свободного мира». Нашим переселенцам, выросшим в СССР, рассказывали об этих вещах, естественно, совсем другими словами. Однако наши нынешние оценки политики Германии в отношении США, как и действий последних на мировой арене, весьма близки – мы всё меньше понимаем и одобряем то и другое. Как объяснить, например, почему через 7 десятилетий после Второй мировой войны американский сапог все еще топчет немецкую землю? Ссылки на необходимость защитить Европу давно уже утратили свою былую убедительность. В Европе и в помине больше нет советского военного контингента, а в деле ее защиты от прочих напастей американские войска, увы, бессильны.

Мы уже отмечали, что правительство Г. Шрёдера расценило американское нападение на Ирак как откровенную авантюру. Сделать то же самое в отношении аналогичной авантюры в Афганистане, увы, не хватило то ли здравомыслия, то ли политического мужества. А ведь цель этого нашествия была более чем сомнительна с самого начала: никто так и не удосужился объяснить, каким образом захват Афганистана может помочь предотвратить новые вылазки международного терроризма, наподобие разрушения «башен-близнецов» в Нью-Йорке. Ведь подавляющее большинство подозреваемых в этом теракте были выходцами не из Афганистана, а из Саудовской Аравии – многолетнего союзника США на Ближнем Востоке. Да и предполагаемый организатор этого теракта У. бен Ладен был обнаружен в итоге вовсе не в Афганистане, а в соседнем Пакистане, еще одном давнем союзнике США.

Тем не менее, после атаки на «башни-близнецы» США заявили о намерении вторгнуться в Афганистан, и Германия послушно последовала за ними. По прошествии почти 15 лет даже такой американский ставленник, как бывший президент Афганистана Х. Карзай, заявляет, что присутствие в стране западных войск только усугубило ситуацию в ней. В самом деле, прозападный режим трещит по швам, противостоящие ему «талибы» овладевают все новыми территориями, а наркотрафик, с которым, якобы, намеревались бороться западные вояки, возрос на порядок.

В разгар авантюры в Афганистане там находились свыше 5000 солдат Бундесвера. Сегодня их осталось 850, но срок окончательного вывода этого контингента так и не установлен. Между тем, это слепое следование в американском фарватере уже обошлось Германии во многие миллиарды евро, как и в десятки убитых и раненых, среди которых были и наши переселенцы. Больно и горько за этих ребят, но к их печальной участи, к величайшему сожалению, вполне применимы строки К. Симонова:

Мне жаль солдат. Они служили,

Дрались, не зная за кого,
Бесславно головы сложили
Вдали от Рейна своего…

Германо-российские отношения

Мои первые личные впечатления о германо-российских отношениях относятся к июлю 1991 г., когда мы, активисты Общества «Возрождение», познакомились с Уполномоченным правительства ФРГ по делам переселенцев Х. Ваффеншмидтом и его сотрудниками. В наших тогдашних беседах не раз упоминался М. Горбачёв – представители Германии говорили о благодарности своих соотечественников президенту СССР за его согласие на объединение страны. Однако гораздо чаще речь у нас заходила о Б. Ельцине, только что избранном первым президентом РСФСР, – очевидно, в Германии понимали, что именно к нему переходят реальные рычаги власти над нашей страной. Нас, в частности, спрашивали, каковы его политические цели и взгляды, но об этом мы еще и сами не имели четкого представления. Посему нам пришлось ограничиться упоминанием о том, что Ельцин, еще в бытность председателем Верховного Совета РСФСР, активно поддержал принятие Закона о реабилитации репрессивных народов, открывавшего путь к восстановлению нашей Республики на Волге.

Наша следующая встреча с «командой Ваффеншмидта» состоялась в ходе 2-го этапа I съезда немцев СССР, в октябре 1991 г. Через два месяца после августовского «путча ГКЧП» больше не оставалось сомнений, что М. Горбачёв утратил реальную власть в стране, и гости из Германии уже практически не упоминали о нем. Речь о «Горби», насколько я помню, у нас зашла лишь однажды – когда наш съезд приветствовал от имени Горбачёва его ближайший соратник А. Яковлев, который, однако, к этому моменту уже лишился своих высоких руководящих постов. В центре внимания германских властей теперь однозначно находился Б. Ельцин, который должен был вскоре посетить Бонн с официальным визитом. Едва ли такой вояж мог порадовать его соперника Горбачёва, но мнение бывшего кумира Германии на этот счет уже, похоже, никого там не интересовало.

Накануне этого визита я беседовал о его программе с нынешним главой Дагестана Р. Абдулатиповым, в то время – председателем Совета национальностей Верховного Совета РСФСР. Речь шла в основном о провокационной затее поволжских и российских властей – «восстановить» нашу автономию на территории ракетного полигона Капустин Яр. Зная об умении Абдулатипова юлить и замазывать суть любых вопросов, я недвусмысленно предупредил его, что в случае обсуждения в Бонне «полигонного варианта» мы устроим крупный международный скандал, и он растерянно пообещал довести до руководства России нашу позицию по данному поводу. Не знаю, было ли это сделано, но в совместном Боннском заявлении Б. Ельцина и Г. Коля никаких упоминаний о Капустином Яре, слава богу, не оказалось. Правда, вскоре мы узнали, что Ельцин все-таки изложил эту «идею» в Бонне, однако на ее отражении в официальных сообщениях о ходе своего визита настаивать не стал.

В декабре 1991 г., когда мы сами встретились в Бонне с «командой Ваффеншмидта», уже состоялась пресловутая «Беловежская вечеря», поставившая крест на дальнейшем существовании СССР. На сей раз мы особенно много говорили о будущей политике российского президента Б. Ельцина и были настроены на этот счет еще весьма оптимистично. В частности, представители Германии заверяли нас, что теперь восстановление нашей Республики на Волге гарантировано, и мы, под впечатлением от этих речей, согласились даже перенести центр тяжести нашей работы на Волгу. Однако уже через несколько недель пьяный Ельцин изрек свою погромную речь в Поволжье, и наши далеко идущие планы развеялись как дым. Германская сторона, как я уже упоминал, предпочла при этом сделать вид, что ничего особенного не произошло, но понимания с нашей страны, естественно, не встретила.

Х, Ваффеншмидт учил нас в подобных случаях „dicke Bretter bohren“, т.е. проявлять терпение и хладнокровие. Не знаю, многого ли добился от ельцинской братии с помощью подобных рецептов он сам, но у меня сложилось впечатление, что эта топорная неотесанная публика понимала только язык «кнута и пряника». Иначе говоря, чтобы добиться от нее чего-то серьезного, будучи человеком со стороны, нужно было либо так или иначе принудить ее к этому, либо как следует «подмаслить». Изменилась ли с тех пор российская верхушка в этом плане, судить не берусь – я уже более 15 лет практически не имел с ней контактов.

Если в первые месяцы правления Б. Ельцина наши германские партнеры явно возлагали на его команду определенные надежды, то со временем в Германии, по-моему, осознали, что никаких серьезных дел с этой камарильей лучше не иметь. Перелом наступил, по моим наблюдениям, в 1994 г., после вывода из Германии огромного российского (в прошлом – советского) военного контингента. Теперь Германия практически уже не зависела ни от каких ельцинских выкрутасов, а потому предпочла попросту дистанцироваться от него и, как следствие, от возглавляемого им государства.

Все более скептическое отношение германского руководства к ельцинскому режиму и новой России так таковой было связано, мне кажется, и с массовым наплывом в Германию весьма странных личностей, представлявших этот самый режим. Вспоминается, например, прием по случаю заседания рабочей группы Межправительственной комиссии по проблемам российских немцев, проходивший в Бад-Годесберге в январе 1993 г. Там в составе российской делегации присутствовал и губернатор Новосибирской области В. Муха, в прошлом – первый секретарь местного обкома КПСС. Зрелище было действительно неординарное: губернатор, обутый в башмаки на толстенной подошве, стоял в самом углу зала в полном одиночестве, вытянувшись во весь свой небольшой рост и многозначительно взирая на происходящее. Германские хозяева были явно впечатлены, и один из них даже поинтересовался у меня, кто такой этот персонаж. Я предпочел не вдаваться в детали и, воздев указательный палец, лаконично произнес: „Das ist Herr Fliege!“ Германский собеседник едва ли мог оценить мой дословный перевод фамилии В. Мухи, но, тем не менее, закивал головой, будто, наконец, осознал, с кем же ему угораздило встретиться на этом приеме.

С уходом «команды Ваффеншмидта» в 1998 г. я больше не мог наблюдать за германо-российскими отношениями непосредственно. Однако взгляд на них со стороны привел меня к выводу, что интерес германских правящих кругов к России начал возрождаться в 2000 г., после отставки Б. Ельцина и прихода ему на смену В. Путина. Этому способствовало, конечно, то обстоятельство, что в Германии в то время находилось у власти «красно-зеленое» правительство Г. Шрёдера – с канцлерами из рядов СДПГ отношения советско-российских лидеров традиционно складывались лучше, чем с христианскими демократами. С другой стороны, с подачи известного эксперта по России А. Рара, Путин сразу же приобрел в Германии репутацию «немца в Кремле».

В действительности В. Путин, конечно же, не «немец» в каком бы то ни было смысле этого слова – он русский, но неплохо знающий Германию (на примере бывшей ГДР) и немецкий язык. Можно также предположить, что то и другое вызывает у него симпатию. Самого Путина тоже воспринимали в Германии достаточно позитивно – вплоть до отставки Г. Шрёдера и по инерции еще некоторое время, пока в феврале 2007 г. президент России не выступил со своей нашумевшей Мюнхенской речью. Крайне нервозная, если не истеричная реакция на нее характеризует, на мой взгляд, не столько само это выступление или фигуру российского президента, сколько то, что на Западе разучились замечать и понимать вполне очевидные вещи. Не только в США и Великобритании, где очень редко обращали внимание на такие «мелочи», как интересы и мнение СССР или России, но, увы, и в Германии, которая традиционно присматривалась к громадному восточному соседу гораздо более пристально.

Основное содержание Мюнхенской речи В. Путина – это протест против «однополярного мира» и резкого расширения НАТО на Восток, а также призыв к Западу одуматься. Что можно возразить на это? По-моему, только то, что «однополярный мир» – это в действительности стремление США к мировому господству, какими бы мудреными словесами оно ни прикрывалось. После Мюнхенской речи первоначальный недоуменный вопрос Запада „Who is Mr. Putin?“ сменился все более частыми сетованиями о «непредсказуемости» В. Путина и российской внешней политики как таковой. Я не эксперт по внешней политике постсоветской России и не смог бы внятно сформулировать хотя бы ее главные цели и задачи – в отличие от советской внешней политики, которую понимал достаточно хорошо. Однако в политической фигуре Путина ничего особо непонятного и, тем более, «непредсказуемого» я, признаться, не нахожу.

Давно уже стали общим местом пассажи о том, что личность и политику В. Путина невозможно понять без учета его спецслужбистского прошлого. По-моему, все эти рассуждения в значительной мере притянуты за уши. Во всяком случае, сам я не вижу в Путине явных черт бывшего сотрудника внешней разведки, не считая разве что повышенной скрытности и сдержанности. Но и эти качества выглядят в нем не вполне естественно и органично – Путина то и дело «прорывает», и тогда от его обычной скрытности и сдержанности мало что остается.

Не будем забывать, что любая человеческая личность формируется, как правило, до 20 лет, от силы – до 25, т.е. в дошкольные, школьные и студенческие годы. В то время В. Путин был еще отнюдь не разведчиком, а обычным питерским пареньком, затем – студентом престижного Ленинградского университета. Эта среда известна мне не понаслышке – у меня было немало знакомых из числа питерских сверстников Путина, а в ЛГУ учился в то время я сам. Вот почему образ мыслей и действий Путина никакого секрета для меня не представляет – «Подумаешь, бином Ньютона!», как говаривал один из персонажей «Мастера и Маргариты». Если в Германии и вообще на Западе действительно хотят разобраться в этих вещах, то гораздо лучше было бы обратиться не к доморощенным шарлатанам-«кремленологам», а к людям, действительно знающим ту ленинградскую среду.

К примеру, я вполне могу себе представить мысли В. Путина в ходе принятия им внезапного решения о присоединении Крыма: «Достали по самое не могу!» «Достали», конечно, не жители Украины или Крыма, а те внешние силы, которые долгие годы раздували «Украинский кризис», пока он, наконец, не обернулся кровавым государственным переворотом. Мне очень трудно вообразить себя на месте Путина в данной ситуации, но одно я знаю точно: у меня, не служившего во внешней разведке, терпение иссякло бы гораздо раньше.

С другой стороны, неожиданный для многих внешнеполитический поворот В. Путина, начавшийся с Мюнхенской речи, совершенно явно связан с его университетской специальностью – международным правом. Я когда-то всерьез интересовался историей дипломатии, но ее юридическая основа – международное право – казалась мне довольно схоластической материей. В самом деле, реализация его положений, закрепленных во множестве международно-правовых актов, определяется не столько их текстами, сколько согласием ведущих мировых «игроков» на этот счет.

От того международного права, которому Путина когда-то учили в ЛГУ, в наши дни осталась только внешняя оболочка – настолько кардинально изменилось за эти 4 десятилетия соотношение сил на мировой арене. Путин не соприкасался с проблемами международного права с середины 70-х, т.е. со времени окончания ЛГУ, и когда через четверть века, став президентом России, он был вынужден обратиться к ним вновь, это должно было вызвать у дипломированного юриста-международника сильнейший шок. И в этой ситуации он не мог не прийти к единственно логичному для себя выводу: дабы международное право опять заработало, нужно заново договариваться о принципах его

реализации. Эта очевидная мысль и легла в основу Мюнхенской речи Путина, а также последующих его выступлений по данной тематике.

Нынешняя позиция руководства Германии и других ведущих западных стран на этот счет диаметрально противоположна: здесь явно рассчитывают, что реализацию принципов международного права, весь миропорядок как таковой будут впредь определять исключительно они, вожди «однополярного мира». Позиции России, Китая и прочих лидеров незападного мира не интересуют ни А. Меркель, ни ее единомышленников на Западе. В этом и состоит суть нынешнего глубокого кризиса в отношениях Германии и всего западного мира с Россией. Эти два фундаментально различных подхода к принципам мироустройства, конечно же, несовместимы. Сегодняшний Запад явно обуяла «самонадеянность силы», и в этой ситуации я могу порекомендовать его лидерам только одно: внимательно прочесть одноименную книгу американского сенатора Дж.У. Фулбрайта „The Arrogance of Power“, изданную еще полвека назад.

В свое время я зачитал до дыр русский перевод этой книги и в итоге, наконец, понял, почему потерпела позорный провал американская авантюра во Вьетнаме. А ведь тогда американские позиции в мире были еще гораздо прочнее, да и Вьетнам, при всем его героизме и всей зарубежной помощи ему, конечно же, несравним с Россией или Китаем, которых Запад во главе с США пытается «поставить на место» сегодня. Упрямая «самонадеянность силы» с неминуемым крахом в итоге или возвращение к политическому здравомыслию с пользой для всех заинтересованных сторон – вот подлинная альтернатива, стоящая сегодня перед политикой Германии в отношении России.

Германия и «Украинский кризис»

Нынешняя кровавая стадия «Украинского кризиса» началась в конце 2013 г., однако сам этот кризис восходит, как минимум, к декабрю 1991 г., когда была провозглашена независимость Украины. Мне не доводилось бывать на Украине в советские времена, но с конца 80-х годов я внимательно следил за развитием ситуации в ней: именно там развернул свою деятельность «Рух» – самое влиятельное национальное движение на территории СССР, которое представляло для нас, российских немцев, вступивших в борьбу за свои права, особый интерес.

В период распада СССР я, признаться, испытал серьезные сомнения относительно будущего многих бывших союзных республик – на мой взгляд, они были совершенно не готовы к независимому существованию (впоследствии так оно по большей части и оказалось). В отношении Украины у меня таких сомнений не было: казалось, что здесь есть все необходимое для успешного самостоятельного развития – выгодное местоположение в сердце Европы, многочисленное, образованное и трудоспособное население, мощная промышленная база, прекрасные условия для ведения сельского хозяйства. В то время я, недостаточно зная Украину, еще не понимал, что всё перечисленное мало чего стоит, если государство, провозгласившее свою независимость, не имеет самого главного – объединяющей национальной идеи и элиты, способной ее реализовать.

В ноябре 1996 г., когда я впервые оказался в Киеве, он меня просто потряс – ни с чем не сравнимым ландшафтом у грандиозных днепровских круч и, с другой стороны, крайне запущенным видом. Облик Киева, особенно его центральной части, напоминал не тогдашнюю Москву, которая тоже переживала не лучшие времена, а, скорее, совершенно затрапезный Бухарест, увиденный мной в 2005 г. Никогда не забуду, как мы с моим товарищем Герхардом Вольтером, автором «Зоны полного покоя», шли по столь знаменитому ныне киевскому Майдану – мимо множества картонных ящиков с ночевавшими в них бомжами. Жители Киева и Украины объяснили нам появление этой массы нищих на центральной столичной площади: всего за 5 лет независимости,

стараниями местных «младореформаторов» и новоявленных «олигархов», была в значительной мере развалена и разграблена мощнейшая украинская экономика, и население стремительно погрузилось в нищету. Все это было знакомо нам по России – пусть не в таких масштабах. Однако на Украине этот «реформаторско»-воровской беспредел наложился на другие разрушительные явления, совершенно не характерные для России.

В первую очередь я имею в виду так называемый «кризис идентичности». Независимой Украине еще только предстояло ответить на фундаментальные вопросы: Если мы единая нация, то что нас объединяет? Отличаемся ли мы от русских настолько, чтобы считать оправданным существование отдельного Украинского государства? Каковы должны быть отношения независимой Украины с Россией и, с другой стороны, с Европой? Ответы на эти и им подобные вопросы были априорно ясны разве что твердокаменным западно-украинским националистам, но никак не остальной Украине, в особенности ее юго-восточной части. В сталинском СССР все вопросы такого рода разъяснял непросвещенному населению сам верховный Вождь и Учитель. На независимой Украине эту неподъемную ношу взвалил на себя ее второй президент – Л. Кучма. В 2003 г., к концу своего президентства, рекордного по продолжительности для независимой Украины, Кучма разразился объемистым фолиантом «Украина – не Россия». Представляя свой труд в Москве, он говорил о необходимости «восстановления и развития украинства» и даже о том, что украинца еще предстоит создать. Однако сама книга не оставляла сомнений, что украинец не просто «создан», но и получился во всех отношениях лучше русского.

Не будучи специалистом по украинской истории, воздержусь от комментариев на эти предельно скользкие темы. Хочу только заметить, что обосновывать национальную идентичность, так сказать, методом от противного – дело заведомо провальное. Любой народ значим и интересен тем, что он собой реально представляет, а никак не тем, чем он не является. Эту нехитрую истину осознали, видимо, и украинские идеологи, результатом чего стала масса всевозможных сочинений о многовековой и даже многотысячелетней истории Украины, некоторые из которых попались мне на глаза во время двух моих посещений Киева. Проблема, мне кажется, не в том, что жителям независимой Украины, начиная с дошкольников, внушались явно фантастичные представления о прошлом (в конце концов, в российских изданиях по истории древней Руси тоже немало легендарно-фантастического), а в том, что это массированное «промывание мозгов» день ото дня навязывало людям очень опасные идеи: дескать, «москали» (т.е. русские) – наши вековечные недруги, и нам, исконным европейцам, нужно решительно отмежеваться от них, неисправимых азиатов. Эта многолетняя, вполне официальная националистическая и русофобская пропаганда закономерно принесла со временем обильные ядовитые плоды, которые и вызвали «Украинский кризис» в его нынешней катастрофической форме.

Перед независимой Украиной встала и другая фундаментальная проблема – здесь не было и не могло быть «государствообразующей элиты». В постсоветской России часть правящей верхушки была унаследована от бывшего СССР, и эти люди, независимо от их деловых или личных качеств, давно привыкли к мысли, что именно они «правят страной». Украина (как и другие страны бывшего СССР, не считая России) могла задействовать в госаппарате только людей, умевших исполнять указания центра, но, как правило, никогда не принадлежавших к союзному центру власти. Они были органически не способны воспринять независимое Украинское государство как свое собственное и навсегда сохранили психологию временщиков – «побольше хапнуть и поскорее убежать». Потому эти «государственные деятели», вкупе с новоявленными «олигархами», и вызвали столь быстрое и радикальное разорение нового государства.

После 1999 г. мне больше не доводилось бывать в Киеве, но, насколько я могу судить, ситуация на Украине с тех пор только усугублялась: отдельные успехи в развитии экономики далеко не компенсировали быстрое исчезновение экономического потенциала

советских времен, нищенский уровень жизни большинства населения, возобладавший уже в первые годы независимости, не возрастал, «олигархи» разбойничали все более нагло и безнаказанно, шовинистический угар, насаждаемый сверху, ощутимо крепчал, крайние националистические силы стали организовываться и даже вооружаться. В этой ситуации Евросоюз и подбросил Украине, вместе с некоторыми другими странами бывшего СССР (Молдова, Беларусь, Грузия, Армения, Азербайджан), идею «евроинтеграции» в рамках «Восточного партнерства». Показательно, что с этой инициативой выступили в 2008 г. Польша и Швеция, выделявшиеся в последние годы в ЕС (наряду со странами Балтии) наиболее последовательной антироссийской позицией. Участие Польши выглядит совсем парадоксально, если учесть давнюю взаимную неприязнь поляков и украинцев. Однако на деле здесь все объяснимо: Польше было нужно вовсе не приобщение Украины к ЕС, а создание – в лице Украины и Беларуси – нового «санитарного кордона» между собой и крайне нежеланным восточным соседом, т.е. Россией.

В 2009 г. идея «Восточного партнерства» была одобрена официальным решением Евросоюза – стало быть, и Германией, неформальным лидером ЕС. Не берусь судить, насколько германское руководство отдавало себе при этом отчет в подлинном положении Украины, самой проблемной страны предполагаемого «партнерства». В 1996 г., когда я беседовал в Киеве с тамошним германским послом, у меня создалось впечатление, что он владеет ситуацией на Украине весьма и весьма поверхностно.

Основными провозглашенными целями «партнерства» перечисленных стран с ЕС являются: 1) совершенствование системы управления и обеспечение стабильности, 2) экономическая интеграция, включая создание зон свободной торговли, 3) энергетическая безопасность, 4) либерализация визового режима. Какие из этих целей могли побудить Германию поддержать «партнерство» с Украиной? Первый пункт явно относится к категории благих пожеланий. Укреплению энергетической безопасности Германии могло бы способствовать разве что налаживание энергоснабжения в обход Украины, но никак не более тесные связи с ней. В безвизовом режиме с Украиной (даже с оговоркой, что он не дает права на трудоустройство в странах ЕС, как это было сделано в отношении Молдовы) совершенно не заинтересованы ни Германия, ни Евросоюз. Остается, следовательно, одно – создание с Украиной некой разновидности зоны свободной торговли.

Эта мера еще могла расширить экспорт Германии на Украину – впрочем, ненамного: украинские потребители имели слишком низкие доходы, чтобы закупать в большом количестве дорогостоящую германскую продукцию. Возможности расширения украинского экспорта в Германию были при этом минимальны – какие бы иллюзии ни строили на сей счет в Киеве. Кроме того, создание этой зоны свободной торговли порождало неразрешимую внешнеэкономическую коллизию: Украина не состояла в Таможенном союзе с Россией, Беларусью и Казахстаном, но имела значительные преференции в торговле с ним, которые не могли сохраниться в условиях экономической интеграции страны с ЕС.

Условия «Восточного партнерства», в сущности, ставили Украину перед головоломной дилеммой: поддаться на посулы ЕС, внешне привлекательные, но не сулящие стране никаких ощутимых выгод, либо сохранить тесные связи с рынком России и других стран СНГ – единственным, где пользовалась высоким спросом основная масса украинской промышленной продукции. Если называть вещи своими именами, то «Восточное партнерство» заманило страну, и без того находившуюся на грани краха, в безвыходную ловушку. И от этого позорного факта никогда не отмыться ни Евросоюзу, ни Германии, ни Польше с Швецией.

Как бы там ни было, в 2012 г. Соглашение об «ассоциации» Украины с ЕС было парафировано, т.е. официально согласовано. Его подписание намечалось на конец ноября 2013 г., когда в Вильнюсе должен был состояться саммит «Восточного партнерства». Однако незадолго до этого, 21 ноября 2013 г., правительство Украины неожиданно для многих решило «приостановить процесс подготовки» к заключению Соглашения с ЕС.

Причина этого внезапного поворота вполне объяснима: руководители Украины, которые до сих пор не удосужились даже прочесть текст предполагаемого Соглашения с ЕС, наконец-то уразумели, что его заключение сулит стране катастрофические последствия – фактический разрыв жизненно необходимых экономических связей с СНГ. Украинский вице-премьер Ю. Бойко даже заявил в этой связи, что переговоры об «ассоциации» приостановлены до тех пор, пока Евросоюз не согласится компенсировать потери Украины от снижения торговли с Россией и другими странами СНГ в случае подписания Соглашения с ЕС.

Такого рода многомиллиардные компенсации, естественно, не могли пригрезиться Евросоюзу даже в страшном сне. Вместо этого его лидеры, включая А. Меркель, обрушились на тогдашнего украинского президента В. Януковича с обвинениями в том, что он, дескать, променял единственно перспективную для Украины интеграцию с ЕС на подачки из Москвы и слепое послушание наущениям оттуда. Очередной «майдан», собравшийся в те дни в центре Киева, был напрямую спровоцирован этими подстрекательскими заявлениями. Отсюда, однако, не следует, что стремление Украины «в Европу» не пользовалось массовой поддержкой внутри самой страны. Тем более что ее рядовые граждане имели еще более смутное представление о возможных последствиях заключения «ассоциации» с ЕС, чем незадачливое украинское руководство. Если, к примеру, спросить у жителей России «Хотите ли вы в Европу?», то очень многие тоже ответят утвердительно – особенно, если им не объяснить, что это реально означает.

Давно уже стали притчей во языцех «печеньки от Госдепа», открыто раздававшиеся на киевском «евромайдане». Относительно аналогичных «пфефферкухен от Бундесканцлерамта» история умалчивает, однако поддержка руководством Германии радикальной украинской оппозиции, витийствовавшей на «майдане», не составляла секрета с самого начала. Правда, предпочтения ведущих патронов «евромайдана» несколько разошлись: если Берлину импонировала «нордическая прямота» бывшего боксера Виталия Кличко, лидера партии с подобающим названием «УДАР» и обладателя вида на жительство в Германии, то Вашингтону приглянулся более «рафинированный» шоколадный олигарх Петр Порошенко, предпочитавший не светиться на «майдане», а финансировать его из-за кулис. Симпатии «Большого брата», как и следовало ожидать, оказались в итоге более весомыми.

Мы уже упоминали о постыдной позиции Германии, в лице ее министра иностранных дел Ф.-В. Штайнмайера, в ходе вооруженного государственного переворота на Украине в феврале 2014 г. Если германское руководство рассчитывало, что теперь-то Украина уж точно устремится в Европу на всех парах, то оно глубоко заблуждалось. Режим Турчинова-Порошенко-Яценюка двинулся в диаметрально противоположном направлении – к проведению «антитеррористической операции» на юго-востоке страны и, как следствие, к развязыванию кровавой гражданской войны. С тех пор прошло уже два года, но признаков того, что киевская верхушка, несмотря на всестороннюю поддержку Запада, близка к победе в этой войне, как не было, так и нет. В Киеве не устают повторять, что Украина воюет не с донецкими и луганскими «сепаратистами», а с «российскими агрессорами», но эти дежурные заклинания вызывают главным образом естественный вопрос: «Неужели вы надеялись, что Россия будет безучастно взирать на бойню, устроенную вами у самых ее границ?»

Однако, что бы ни говорили и ни думали в Киеве, но в Берлине озабочены сегодня отнюдь не победой своих ставленников в «антитеррористической операции», а полной реализацией Минских мирных соглашений. Похоже, до германских правящих кругов, даже до А. Меркель, наконец, дошло, что расплачиваться за последствия авантюры, в которую они, сообща с Евросоюзом и США, втянули Украину, Германии придется отнюдь не в последнюю очередь.

В самом деле, украинская экономика находится при последнем издыхании, страна под властью режима Порошенко стремительно теряет управляемость, и в сердце Европы

образуется громадная «черная дыра». Тут уж любой мало-мальски здравомыслящий политик будет думать не о каких-либо военных победах, а о том, кому и во что обойдется «латание» этой дыры, грозящей превратиться в гигантскую воронку, которая может втянуть в себя всю Восточную Европу. И надежд на то, что этими проблемами могут озаботиться власти Евросоюза или США, практически нет. В последние месяцы транши оттуда, как и из контролируемого американцами Международного валютного фонда, поступают в Киев все более мизерными дозами – на Западе уже явно «списали» и нынешний киевский режим, и Украинское государство так таковое. Да и много ли дела англичанам, французам, итальянцам, скандинавам и, тем более, американцам до того, что там творится или может произойти в какой-то Восточной Европе? Так что оплачивать восстановление Украины из нынешних руин предстоит Германии, вкупе с Россией, – кроме них и самого украинского населения, это, по большому счету, не нужно никому.

Российские немцы: «двойная лояльность»?

В обозримом будущем, насколько я могу судить, Германии и России волей-неволей придется объединить свои усилия – хотя бы для спасения того, что еще уцелеет к тому времени на месте нынешней Украины. Однако таких плохих отношений между нами, как сегодня, на моей памяти еще не бывало. Такого не наблюдалось даже в период лютой вражды между К. Аденауэром и Н. Хрущёвым – тогда ведь существовала еще ГДР, тесно связанная с СССР узами «пролетарского интернационализма». Не могу припомнить и столь явного отчуждения между нашими странами. Некоторое время назад я разговорился на эту тему в тюбингенском Джоб-центре с нашей консультанткой по делам трудоустройства С. Гайслер. Желая подбодрить меня, она сказала: «Теперь, когда отношения между Германией и Россией так напряжены, у нас, наверное, опять появится запрос на экспертов по российской проблематике». Я ответил: «Нет, наши страны, к глубочайшему сожалению, хотят знать друг о друге все меньше».

В этой ситуации многие российские немцы закономерно задаются вопросом: «На чьей я стороне в нынешнем конфликте Германии и России?» Несколько десятилетий тому назад в ФРГ была даже издана книга, исследовавшая подобную «двойную лояльность» на примере истории немцев Украины в предвоенный и военный период. Не берусь судить, насколько правомерна такая постановка вопроса применительно к той ситуации, но сегодня многие наши переселенцы имеют два гражданства, германское и российское, и тут уже от проблемы «двойной лояльности» никуда не уйти. Я знаю, о чем говорю, поскольку к таким переселенцам принадлежим и мы с женой. Данное обстоятельство и побудило меня поделиться своими соображениями по этому непростому вопросу.

Сначала несколько слов о схожих, но все-таки иных понятиях, не имеющих прямого отношения к «двойной лояльности». Так, в США уже два столетия бытует известное изречение: «Права она или нет, но это моя страна» („My country, right or wrong“). Мне эта мысль чужда, она ассоциируется у меня не столько с патриотизмом, сколько с псевдопатриотической спесью, традиционно свойственной американцам. Другой пример: я не раз слышал от наших переселенцев, имеющих двойное гражданство: «Гражданство – гражданством, но Россия мне все равно ближе». Родившись в России и прожив в ней более полувека, я вполне разделяю это мнение, однако не оно определяет мое представление о гражданской лояльности.

На мой взгляд, лояльность или нелояльность гражданина определяется в первую очередь его отношением к национальным интересам своего государства. Интересы любых государств весьма многообразны, и я остановлюсь лишь на одном подобном примере – национальных интересах России в отношении так называемого постсоветского пространства. Бывшие союзные республики знакомы мне не понаслышке: во времена СССР я не раз бывал в Казахстане, навестил Грузию и Узбекистан, а после 1991 г. ездил на Украину, в Кыргызстан и тот же Казахстан. И ни одна из перечисленных поездок не

побудила меня усомниться в том, что Россия и эти республики взаимно тяготеют друг к другу и должны поддерживать интенсивные взаимовыгодные связи, даже будучи разделенными государственными границами. Обратные ощущения вызвали у меня лишь поездки в Латвию, где я бывал как в советские, так и в постсоветские времена.

Таким образом, у меня нет сомнений, что к первейшим национальным интересам России принадлежит поддержание тесных дружеских связей со странами бывшего СССР – не считая разве что республик Прибалтики. Как это ни чудовищно, но на Западе после распада СССР прочно утвердилось диаметрально противоположное мнение. Так, министр иностранных дел Великобритании Д. Милибэнд отрицал само существование постсоветского пространства, голословно постулируя несовместимость этого понятия с независимостью и суверенностью стран бывшего СССР. Посмотрел бы я на этого «всезнайку», если бы кто-то из российских политиков принялся растолковывать ему, например, с чем совместимо или несовместимо нынешнее Британское содружество наций! О необходимости противодействовать влиянию России на постсоветском пространстве не раз заявляла Х. Клинтон, один из основных претендентов на избрание президентом США в 2016 г. Не скупятся на подобные высказывания и германские политики – что называется, куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Так вот, будучи лояльным гражданином России, я считаю себя вправе иметь собственное мнение о ее национальных интересах и, разумеется, никогда не поддержу каких-либо посягательств на эти интересы или попыток формулировать их за нее. Однако, как лояльный гражданин Германии, я точно так же отношусь и к ее национальным интересам.

За весь постсоветский период мне не известно ни единого случая, когда бы Россия противодействовала национальным интересам Германии. Недавние российские контрсанкции, затронувшие и Германию, не в счет – это была ответная мера на драконовские экономические санкции в отношении России, уже многие месяцы практикуемые Евросоюзом и Германией под неприкрытым нажимом из Вашингтона. А вот примеров действий Германии вразрез с интересами России было с 1991 г., увы, в избытке – достаточно напомнить хотя бы о германском участии в расширении НАТО на Восток или в разжигании «Украинского кризиса». И в подобных случаях я, естественно, поддерживаю Россию, а не Германию. При этом мне представляется, что объективные интересы наших двух стран вполне совместимы. Необходимо лишь желание и умение согласовывать эти интересы, как и стремление руководствоваться именно ими, а не чьими-либо наущениями со стороны.

10. ГЕРМАНИЯ И ЗАПАД: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СЛОМ

Известный историк и культуролог А.Дж. Тойнби пришел к выводу, что в человеческой истории существовала 21 различная цивилизация, причем значительная часть из них уже исчезла с лица земли. Следовательно, цивилизации не вечны, хотя продолжительность их существования может быть очень велика. Одна из цивилизаций, выделенных Тойнби, – западная, к которой принадлежит и Германия. Эта цивилизация, исторически возникнув в Западной Европе, охватывает сегодня также США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. К западной цивилизации иногда причисляют и Россию, хотя сам Тойнби относил нашу страну к одной из двух ветвей православной христианской цивилизации.

Казалось бы, трудно усомниться, что западная цивилизация, как и любая другая, должна иметь не только начало, но и конец. Ан нет, на Западе была выдвинута альтернативная идея: дескать, конечность предполагает циклический характер развития цивилизаций, тогда как им может быть свойственна и иная, поступательная (трендовая) динамика. Не буду комментировать эти абстрактно-схоластические измышления. На мой взгляд, гораздо интересней и значимей конкретные аспекты нынешнего состояния и

перспектив стран Запада, включая и Германию. Например: как обстоят дела с теми идейными основами западной цивилизации, которые восходят к доктрине Просвещения? Этим вопросам и будет посвящен данный раздел моей работы.

От доктрины Просвещения – к «концу истории»

Начнем наше рассмотрение с религиозного постулата, известного с очень давних времен. В новое время он получил распространение благодаря немецкому богослову XVIII века, выходцу из наших вюртембергских краев Ф.К. Этингеру. А современный российский читатель знаком с этим изречением хотя бы по вышеупомянутой книге «Бойня номер пять» К. Воннегута: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество – изменять то, что могу, и мудрость – всегда отличать одно от другого».

Так издавна мыслили глубоко верующие люди. Однако деятели Просвещения XVII-XVIII веков принялись отвергать обветшавшие, по их мнению, религиозные догматы, уверовав вместо них во всемогущество человеческого разума. Увы, со временем стало выясняться, что эта безапелляционная нерелигиозная вера заводит человечество в тупик, поскольку оно перестает различать возможное и невозможное, осуществимое и неосуществимое. Согласно доктрине Просвещения, человеческий разум должен базироваться на «единственно верном» научном методе. Однако несколько столетий бурного развития науки привели ее в итоге к результатам, побудившим серьезно усомниться во всесилии научного познания.

В СССР были убеждены в безграничных возможностях человека и «передовой науки» ничуть не меньше, чем на Западе. В наши юношеские годы звучала даже подобающая советская песня: «Нам нет преград ни в море, ни на суше!» В то время я увлекался астрономией и, впервые узнав о возникновении Вселенной в результате «большого взрыва», испытал сильнейшее потрясение. Мало того, что эта картина напоминала не научную теорию, а, скорее, библейское сказание о сотворении мира, знакомое мне с детских лет. До «большого взрыва», как гласит эта теория, вместо Вселенной существовала лишь некая сверхгорячая и сверхплотная субстанция, совершенно недоступная для современных научных исследований. Чуть позже, заинтересовавшись математикой и физикой, я убедился, что на пределы научного познания наткнулись также математическая логика (теорема Гёделя о неполноте) и квантовая механика (принцип неопределенности Гейзенберга).

Однако наиболее очевидны эти пределы, на мой взгляд, в историографии, которой я вплотную занимаюсь последние десятилетия. Когда я вижу «научные» трактаты о жизни человечества тысячелетия тому назад, мне становится и смешно, и грустно. Как может поверить подобным опусам здравомыслящий человек, знающий о том, что письменные свидетельства таких давних времен либо вообще не сохранились, либо не поддаются точной датировке? Есть, конечно, разного рода остатки материальной культуры, но никакие глиняные черепки и каменные топоры не могут дать сколько-нибудь полного и целостного представления о жизни того общества, к которому принадлежали их изготовители. Можно как угодно относиться к «новой хронологии» Фоменко-Носовского или к аналогичным идеям, получающим все большее распространение в Германии, но факт остается фактом: давно сложившийся в литературе образ Древнего мира и Средневековья нуждается в глубоком переосмыслении, поскольку основан на домыслах в гораздо большей мере, чем на научном познании.

Западные политологи, социологи и прочие обществоведы, а тем паче действующие политики, как правило, имеют об историографии, не говоря уже о точных и естественных науках, весьма смутное представление. Да и их обращение к религии носит чаще всего чисто спекулятивный характер. Не удивительно, что вопрос о возможном и невозможном, достижимом и недостижимом в сфере, связанной с их деятельностью, посещает этих

персонажей разве что в случае крайней необходимости. Эта очевидная интеллектуальная ограниченность приверженцев доктрины Просвещения привела ее со временем в весьма плачевное состояние. Традиционные узловые идеи этой доктрины – прогресс, либерализм, демократия и др. – имеют все меньшее отношение к реальной действительности, а ущербность позднейших теоретических «изысков» такого рода – идей глобального общества, «однополярного мира» и т.п. – не составляла секрета с самого начала. Ниже мы подробно рассмотрим этот процесс неуклонного духовного оскудения западной общественной мысли, а пока что сосредоточимся на его итоговом результате – совершенно сумасбродном выводе о «конце истории».

Строго говоря, в этой идее нет ничего нового или оригинального: она присутствовала в том или ином виде в самых разных историософских концепциях – от христианского «вечного блаженства» до фантасмагорических конструкций социалистов-утопистов, приверженцев марксистского «мирового коммунизма» и нацистского «тысячелетнего рейха». Однако в конце XX века нашелся человек, который не просто счел «конец истории» желанным или достижимым итогом развития человеческого общества, но и возвестил о наступлении этого «конца». Это примерно то же самое, как если бы какой-нибудь недалекий читатель, вспомнив строки из гётевского «Фауста»: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!», удовлетворенно изрек: «Слава богу, остановилось!» Такой «мыслитель», как нетрудно догадаться, мог произрасти только в США, хотя он имеет японские корни, и зовут его Фрэнсис Фукуяма.

Основным «научным» трудом Ф. Фукуямы считается книга «Конец истории и последний человек», изданная в 1992 г., т.е. в разгар безумной эйфории, охватившей США и остальной Запад по случаю долгожданного исчезновения СССР. В этой книге провозглашается – ни много ни мало – достижение конечной точки социокультурной эволюции человечества и формирование «окончательной формы правительства» в результате распространения во всем мире либеральной демократии западного образца.

Правда, Ф. Фукуяма не претендовал на авторство концепции «конца истории» и скромно заявил, что всего лишь развивает идеи, заложенные еще Г.В.Ф. Гегелем и К. Марксом. Тот и другой действительно предвещали «конец истории» – по случаю торжества соответственно прусской монархии и мирового коммунизма. Вопрос только в том, причем здесь наука в каком-либо ее понимании. В свое время я проштудировал многотомные сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса от корки до корки, однако так и не обнаружил там ничего похожего на научное обоснование грядущего торжества коммунизма во всем мире. Таким образом, западная общественная мысль «доразвивалась» до того, что скроила свою ведущую современную теорию из обрывков даже не научных, а откровенно утопических идей полутора-двухвековой давности.

Интеллектуальный багаж Ф. Фукуямы красноречиво характеризуют также его научная карьера и политические взгляды. Одним из его учителей в Гарвардском университете был С. Хантингтон, впоследствии – автор знаменитого труда «Столкновение цивилизаций». Увы, Фукуяме не помогло даже научное руководство такого выдающегося ученого. Будущий глашатай «конца истории» защитил диссертацию по дежурной теме – о «советской угрозе на Ближнем Востоке» – и позднее проявил себя как активнейший подстрекатель американских интервенций в Ираке и Афганистане. В общем, в его лице мы имеем дело с псевдоученым и политическим авантюристом «в одном флаконе».

Прогресс

В годы моей юности даже сатирик А. Райкин вещал со сцены, что мы живем «в век прогресса и прогрессивки». Мысли на сей счет посещали тогда и меня: вскоре после прихода к власти Л. Брежнева я разразился двустишием о прогрессе в области высокой политики: «Раньше в России был царь безголовый, нынче – генсек без царя в голове». Пели мы и известную в ту пору советскую песню: «Будет завтра лучше, чем вчера!», а вот

вразумительно объяснить, с какой стати жизнь должна становиться все краше и краше, я бы, признаться, не смог.

Французские философы-просветители XVIII века, которые и ввели в обиход понятие прогресса, сомнениями на сей счет, похоже, не терзались. Как видно уже из названий соответствующих сочинений – «Замечания о непрерывном прогрессе всеобщего разума», «Рассуждения о последовательном прогрессе человеческого разума» и т.п., их авторы были убеждены, что человечество движется и будет двигаться вперед, коль скоро постоянно прогрессирует сам человеческий разум.

Впоследствии стало принято выделять несколько составляющих прогресса – социальную (приближение общества к свободе, равенству и справедливости), материальную или экономическую (все более полное удовлетворение человеческих потребностей на базе экономического роста), духовную (личностный рост, включая развитие системы ценностей человека), научную (непрерывное расширение и углубление познания окружающего мира). Социального аспекта прогресса мы коснемся ниже, когда речь у нас пойдет о либеральной демократии. Духовный аспект представляет собой, по-моему, слишком зыбкую материю, чтобы пытаться ее содержательно обсуждать. Можно ли, например, всерьез полагать, что западное или российское общество стало за последние два столетия духовно богаче? Судя по таким немаловажным критериям, как состояние художественной литературы или изобразительного искусства, здесь имел место не прогресс, а явный регресс. Не случайно на Западе предпочитают сегодня говорить о духовном прогрессе, ссылаясь главным образом на пресловутое «повышение толерантности». Мне же представляется, что это явление свидетельствует не столько о смягчении человеческих нравов, сколько о процессе духовной деградации и разложения современного общества. Поэтому мы сосредоточимся здесь на двух других составляющих прогресса – материальной (экономической) и научной.

Заметный экономический рост в странах Запада берет свое начало во 2-й половине XVIII века, т.е. во времена промышленной революции. Рост экономики повлек за собой постепенное повышение доходов на душу населения, и эти явления, вместе взятые, позволяют говорить об экономическом прогрессе. Характерной чертой этого роста был его циклический характер – экономические подъемы регулярно сменялись спадами и кризисами. Относительно устойчивый рост экономики западных государств, прерываемый лишь крупными войнами и серьезными экономическими кризисами, продолжался около двух столетий, вплоть до 70-х годов XX века, пока не наткнулся на фундаментальное ограничение, вызванное недостатком платежеспособного спроса. Как мы уже отмечали, западные страны попытались выйти из этого тупика на путях «рейганомики», т.е. искусственного подстегивания спроса с помощью непрерывного наращивания потребительского и прочего кредита.

На исходе XX века западная экономика столкнулась и с другим фундаментальным ограничителем – растущей конкуренцией со стороны Китая и стран Юго-Восточной Азии, так называемых «азиатских тигров». Ничего подобного Запад не испытывал уже несколько веков, с тех пор, как роль «мастерской мира» закрепилась за Англией. Впоследствии ее потеснили в этом качестве Германия, затем США, но до недавних пор экономическая конкуренция разворачивалась в основном внутри западного мира. В последние десятилетия это уже далеко не так, о чем свидетельствуют хотя бы западные, в т.ч. германские, супермаркеты, заполненные китайскими и восточноазиатскими товарами. Западная индустрия с ее дорогостоящей рабочей силой не смогла выдержать этой жесткой конкуренции, результатом чего стала стремительная деиндустриализация стран Запада. Это явление зашло так далеко, что президенту США Б. Обаме пришлось даже провозгласить специальную программу, направленную на восстановление американской промышленности.

Первым серьезным свидетельством глубокого кризиса западной экономики можно считать публикацию в 1972 г. нашумевшего доклада Римского клуба «Пределы роста».

После этого западные эксперты наперебой заговорили о том, что безудержный экономический рост порождает глобальную дестабилизацию климата, приводит к разрушению природной среды и исчезновению видов, обостряет конкуренцию за оставшиеся ресурсы. Подсчитано, например, что человечество потребляет сейчас ежегодно в 1,5 раза больше ресурсов, чем может воспроизвести за это время наша Земля. Не случайно именно в 1970-х годах на Западе стало все шире распространяться мнение, что необходим переход от индустриального общества, породившего перечисленные проблемы, к обществу постиндустриальному, в экономике которого преобладал бы инновационный сектор с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, высококачественными услугами. Иными словами, в условиях научно-технической революции (НТР) экономическая составляющая прогресса должна была основываться в первую очередь на его научной составляющей.

В те годы о современной научно-технической революции заговорили и в СССР: до этого советская идеология предпочитала термин «научно-технический прогресс», дабы не создавать впечатления, что революционные изменения в науке и технике позволяют обойтись без социальной революции, на которой настаивала марксистская доктрина. Между тем, к началу XXI века упования стран Запада на безграничный экономический рост в условиях НТР заметно поутихли. Более того, здесь все чаще раздаются голоса, что сама эпоха НТР уже осталась позади. Если 2-я половина XX века ознаменовалась такими эпохальными научно-техническими достижениями, как выход человечества в космос и появление компьютеров, то сегодня мы наблюдаем лишь рутинное продолжение этих пионерских прорывов, уже без революционных скачков (дальнейшее исследование космоса с помощью автоматических, а отчасти и пилотируемых аппаратов, все более широкое распространение информационных технологий).

Такое развитие событий связывают как с очевидными регрессивными тенденциями в области образования и науки, так и с тем, что для ускоренного научно-технического прогресса больше нет необходимых человеческих ресурсов – демографическая ситуация в развитых странах все более усугубляется в связи с резким падением рождаемости, а возможности пополнения рынка труда за счет притока населения из сел в города практически исчерпаны. Со всем этим трудно не согласиться, однако очевидно, что Китай и «азиатские тигры» от перечисленных препятствий научно-техническому прогрессу как раз не страдают. Стало быть, напрашивается вывод, что научная, а вместе с ней и экономическая составляющая прогресса по-прежнему не исчерпаны, но отныне этот прогресс будет наблюдаться не столько на Западе, сколько на Востоке.

Либеральная демократия

О либеральной демократии, считающейся формой общественно-политического устройства современной западной цивилизации, написаны бесчисленные тома, причем значительную часть этой писанины представляют собой откровенные мифы, имеющие очень отдаленное отношение к жизненным реалиям. Охватить на нескольких страницах хотя бы основные аспекты этой необъятной темы совершенно невозможно. Потому мы коснемся лишь нескольких основополагающих элементов «либеральной демократии», дающих, тем не менее, достаточно полное представление о ней, как о целостном феномене.

Начнем с излюбленного тезиса апологетов современной демократии, без конца внушающих всем и вся, что ее неоспоримые преимущества, якобы, отметил еще У. Черчилль. На самом же деле он в своей речи в Палате общин в 1947 г. всего лишь заявил: «Действительно, утверждалось, что демократия является наихудшей формой правления за исключением всех тех других форм, которые применялись время от времени», констатировав далее, что мнение о необходимости демократической формы правления распространено в его собственной стране. Заметим, что даже Черчилль, матерый апологет

британского империализма и колониализма, был не настолько обуреваем традиционным для своей среды «бременем белого человека», чтобы проповедовать необходимость демократии во всем окружающем мире, чему так истово предаются нынешние западные лидеры. Вспомним хотя бы их нескончаемые попытки «научить демократии» Россию или насадить эту форму правления повсеместно, включая Ближний Восток и Северную Африку, где ничего подобного никогда не было и в обозримом будущем явно не предвидится. Исключением из данного правила является разве что Израиль, но у этого государства особая судьба – оно, располагаясь на Ближнем Востоке, было создано в основном выходцами из Европы и бывшего СССР.

Важное место в западных «демократизаторских» потугах принадлежит насаждению представительной демократии – политического режима, при котором основным источником власти считается народ и управление государством делегируется различным представительным органам, избираемым самими гражданами. Это – не что иное, как попытка распространить прямую (непосредственную) демократию, практиковавшуюся еще в Древней Греции и средневековом Новгороде, на крупные территориальные образования, соответственно модифицировав ее.

История представительной демократии в западном обществе насчитывает уже не одно столетие, и реальные результаты ее развития хорошо известны. Коротко говоря, они тем более позитивны, чем меньше соответствующая территориальная единица. Например, для такого небольшого города, как наш Роттенбург, прямые всеобщие выборы бургомистра – вполне разумная процедура. Сами бургомистры, а отчасти и претенденты на это место известны многим горожанам, с этими должностными лицами можно при желании пообщаться лично, их деятельность в достаточной степени на виду. Увы, когда представительная демократия распространяется до уровня целых Земель, а тем более всей Германии, ситуация складывается совершенно иначе.

В последнее время с критикой представительной демократии, в особенности ее всеобщего и равного характера, выступают даже некоторые российские публицисты подчеркнуто либерального толка. Действительно, равные избирательные права добросовестных налогоплательщиков и людей трудоспособного возраста, откровенно паразитирующих на государственной социальной системе (таковых в Германии и вообще в Европе становится все больше), выглядят довольно странно. Кстати, традиционные либералы, в отличие от демократов, долго ратовали за сохранение на выборах имущественного ценза. Однако мнение нынешних «ультралибералов» по данному поводу столь же легковесно, как и всё их мировоззрение: представительная демократия имеет гораздо более серьезные недостатки, чем всеобщее равное избирательное право.

Как, скажем, рядовому избирателю определить, за какую политическую партию и какого кандидата в президенты (или канцлеры) ему следует голосовать? Программы большинства нынешних политических партий (к примеру, ХДС/ХСС и СДПГ в Германии) почти неотличимы, и кандидаты от этих партий стремятся не столько представить избирателям собственную политическую платформу, сколько посильнее опорочить своих конкурентов. Дело доходит до совершеннейшего абсурда: так, в теледебатах перед выборами в Бундестаг 2009 года друг на друга нападали А. Меркель и Ф.-В. Штайнмайер – соответственно действующий канцлер и вице-канцлер, ближайшие сотрудники по тогдашнему правительству «большой коалиции». В этих условиях избиратель вынужден руководствоваться чисто внешними критериями – в первую очередь умением кандидатов гладко и подолгу говорить. Не случайно все ведущие политики современной Германии – краснобаи, как на подбор. Этого никак не скажешь о их деловых качествах, да и оценить таковые в ходе избирательных кампаний крайне сложно.

Однако хуже всего в современных избирательных кампаниях то, что они целиком и полностью направляются основными СМИ, без устали обрабатывающими общественное мнение в интересах своих могущественных хозяев. Так, ведущие германские телеканалы ARD и ZDF формируют позиции зрителей главным образом в пользу СДПГ или,

соответственно, ХДС/ХСС. И пока существует эта «двухканальная» обработка, сохранится и нынешняя двухпартийная система, функционирующая в Германии уже почти 70 лет. Любая другая партия, не имеющая за собой влиятельного федерального телеканала, попросту не в состоянии составить конкуренцию этим «политическим китам» (или, скорее, «политическим акулам»).

Сегодня уже для многих очевидно, что представительная демократия в существующем виде формирует «политическую элиту» методом «негативной селекции». В итоге престиж политических лидеров неуклонно падает, да и как может быть иначе, если для успехов в «большой политике» нужны не столько профессиональные или деловые качества, сколько «телегеничность» и велеречивость? В этих условиях способные молодые люди, естественно, предпочитают более содержательные и престижные сферы деятельности. С другой стороны, этот отрицательный отбор закономерно понижает качество принимаемых политических решений. Вот чем оборачиваются на практике сладкозвучные идеи «представительной демократии»!

Другой важнейший атрибут либеральной демократии – свобода слова. Имеется в виду свободное выражение своего мнения, как в устной, так и в письменной форме, в частности – свобода печати и средств массовой информации. На Западе регулярно публикуются индексы свободы прессы, первые места в которых занимают, естественно, сами западные страны. Мне нет нужды обращаться к подобным рейтингам, дабы сопоставить, например, нынешний уровень свободы слова в Германии и России – состояние дел в этой сфере в наших двух странах я знаю не понаслышке.

Самым свободным средством информации в обоих случаях является, без сомнения, Интернет – власти двух стран пока что не находят нужным вводить здесь серьезные ограничения. Заметно хуже обстоит дело в остальных сферах, причем ни в одной из них Германия не имеет явных преимуществ. Скажем, ведущие телеканалы обеих стран распространяют главным образом пропаганду, а не информацию, и регулярно выражать по ним мнения, принципиально отличные от соответствующего «мейнстрима», попросту невозможно. В области радиовещания ситуация в России даже предпочтительней: одной из самых влиятельных столичных радиостанций здесь является подчеркнуто антирежимное «Эхо Москвы», тогда как в Берлине, насколько мне известно, ничего подобного не наблюдается. Ведущие печатные СМИ России также представляют более широкий спектр политических позиций – к примеру, «Известия» отличаются в этом плане от «Независимой газеты» в большей мере, чем консервативная «Ди Вельт» от либеральной «Франкфуртер Альгемайне». Ну, а плюрализм в области книгоиздания просто несопоставим: в крупнейших российских книжных магазинах предлагается несравненно более разнообразная общественно-политическая и историческая литература, чем в германских. Так в чем же, спрашивается превосходство германской «либеральной демократии» перед российским «авторитаризмом» в области свободы слова?

Еще одна характерная черта нынешней либеральной демократии – пристальное внимание к правам человека, в т.ч. разного рода меньшинств – от национальных до сексуальных и гендерных. Я уже писал, что заинтересовался первой группой проблем в 1992 г., когда у нас завязались контакты с Федералистским союзом европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ). В 1994 г. мы провели в Москве международную научно-практическую конференцию по данной тематике, где опытом решения проблем национальных меньшинств в своих странах поделились гости из Германии, Австрии, Румынии, Венгрии, Бельгии, Италии. В частности, с докладами выступили такие знатоки этой проблематики из Германии, как вышеупомянутый Р. Госсман и известный дипломат Х. граф Ламбсдорф. Так, Р. Госсман подробно рассказал о том, как в Германии защищены права конкретных национальных меньшинств – датчан, фризов, лужичан (лужицких сорбов). В 1995 г. мы издали материалы нашей представительной конференции на двух языках: «Российские немцы и национальные меньшинства Европы» („Russlanddeutsche

und europäische nationale Minderheiten“), Это были первые книги, подготовленные к печати мной.

После 2005 г. я не участвовал в деятельности ФСЕНМ, однако у меня создалось впечатление, что в последнее время в Европе и Германии этой проблематике уже не придается большого значения. В самом деле, где уж тут заботиться об исторических национальных меньшинствах, когда континент буквально наводнен совсем другими меньшинствами! Если в Европе и обсуждают сегодня проблемы меньшинств, то главным образом сексуальных, а также гендерных. Эта тематика, признаться, далека от меня. Я допускаю возможность возникновения определенных проблем на этой почве, но их значимость, на мой взгляд, чрезвычайно раздута – отнюдь не в интересах тех, кого они могут непосредственно касаться.

В частности, я отношусь без предубеждения к людям нетрадиционной сексуальной ориентации, однако мне совершенно непонятно, зачем нужно публично демонстрировать особенности своей интимной жизни. Я усматриваю в этом, в лучшем случае, проявление невоспитанности и дурновкусия. И то, что в современной Германии о своей сексуальной ориентации не чураются заявлять даже министр иностранных дел или обер-бургомистр Берлина, служит, на мой взгляд, лишним подтверждением формирования правящей верхушки страны путем «негативной селекции», о чем шла речь выше. Что же касается пресловутых «гей-парадов», то подобные явления давно известны под названием «эксгибиционизм» как в медицине, так и за ее пределами (в последнем случае этот термин означает «склонность к выставлению напоказ подробностей своей личной жизни»).

На термин «гендерный» я впервые обратил внимание лишь в 2006 г., когда был приглашен в Волгоград на международную научную конференцию, где обсуждались гендерные особенности сталинских репрессий в отношении российских немцев. С тех пор этот термин приобрел в России широкую известность – особенно после нашумевшего решения Европейского суда по правам человека, удовлетворившего жалобу российского военнослужащего, которому не был предоставлен положенный декретный отпуск по уходу за ребенком. В данном случае забота о правах гендерных меньшинств представляется мне вполне уместной. А вот к нескончаемым претензиям по данному поводу со стороны так называемых феминисток я отношусь весьма настороженно. Раздувание прав гендерных и, тем более, сексуальных меньшинств (включая право на так называемые однополые браки) может, на мой взгляд, лишь подтолкнуть процесс разложения семьи, и без того зашедший сегодня на Западе уже очень далеко.

Глобализация и глобальное общество

Под глобализацией понимают процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Этот термин получил широкое распространение лишь в последние десятилетия, хотя соответствующее явление, прежде всего в экономической сфере, привлекло к себе внимание уже давно. Так, К. Маркс еще в середине XIX века констатировал, что сформировался мировой рынок и, стало быть, глобализация свершилась. С тех пор глобализация экономики шла вперед семимильными шагами – международная торговля росла намного быстрее объемов производства, масштабы и темпы перемещения капиталов резко увеличились, возникли мировые финансовые рынки, в результате чего взаимозависимость экономик различных стран неизмеримо возросла.

Однако со временем стало ясно, что глобализация не только стимулирует экономический прогресс, но и ведет к ускоренному разорению экономически слабых стран, не выдерживающих жесткой всемирной конкуренции. Аналогичное явление мы уже отмечали на примере евроинтеграции, но там оно коснулось лишь пары десятков стран, где проживают в общей сложности несколько сот миллионов человек. В случае же глобализации экономики во всемирном масштабе речь уже идет о целых континентах с

миллиардами жителей. Катастрофический упадок экономики стран Африки, а отчасти и Азии в результате ликвидации колониальной системы и последующей глобализации представляет собой одну из серьезнейших проблем, вставших сегодня перед человечеством, которая едва ли может быть решена в рамках существующего миропорядка.

С конца XX века становится все более популярной и концепция единого глобального общества, состоящего из множества локальных обществ отдельных стран мира. Обычно констатируется лишь процесс становления такого общества, однако некоторые авторы приходят к выводу, что это общество уже реально существует. Но в таком случае выглядят вполне естественными и глобальные миграционные процессы, столь сильно досаждающие Европе в последние месяцы. Их, конечно же, нельзя считать неожиданностью и случайностью, симптомом чего является и появление книги Й. Ольтмера (Oltmer) «Глобальная миграция. История и современность» („Globale Migration. Geschichte und Gegenwart“), изданной в Германии еще в 2012 г.

К сожалению, автор посвятил современной глобальной миграции лишь несколько последних страниц своей книги. Более того, в своих публичных выступлениях после выхода книги он, в сущности, дезавуировал ее название, заявив о том, что нынешняя международная миграция ограничивается рамками отдельных континентов: в Европе подавляющее большинство мигрантов являются выходцами из самих европейских стран, в Африке – из африканских. Правда, Й. Ольтмер самокритично признал, что в Германии проблемами глобальной миграции еще никто толком не занимался, а в конце 2015 г., когда Европу захлестнул поток беженцев с других континентов, посетовал, что Евросоюз совершенно не представляет, как быть с этим явлением.

Конечно, не представляет: ведь до сих пор на Западе, обсуждая глобальные миграционные проблемы, ограничивались давно известными либерально-демократическими «мантрами», старательно обходя суть дела. Скажем: означает ли прогрессирующий процесс глобализации, что мир стал или становится единым целым, где каждый человек, в принципе, волен проживать там, где пожелает? Какое количество мигрантов реально готова принять Европа в обозримом будущем? Что произойдет с ней в результате наплыва многомиллионной массы азиатских и африканских беженцев? Уже постановка подобных вопросов свидетельствует о том, что современная иммиграционная проблематика несравненно серьезней, чем ее пытаются представить нарочито простоватые германские и европейские политики.

Убежден, что Европа никак не может с успехом вобрать в себя миллионы афро-азиатских мигрантов. И дело даже не в очевидных расовых, религиозных или культурных отличиях этих людей от подавляющего большинства нынешних европейцев. Мы живем с ними в разном историческом времени, и в этой ситуации массовое привлечение таких людей в Европу может иметь только пагубные последствия. Нынешние европейские лидеры вольно или невольно уподобляются авторам небезызвестной советской теории о «скачке из феодализма в социализм, минуя капитализм». Монголия и советские республики Средней Азии, которые обычно фигурировали в качестве таких лихих «скакунов», вполне закономерно вернулись в свое позднее Средневековье, как только исчез заботливый опекун в лице «большого социалистического брата». А в Афганистане попытка местных политических авантюристов, поддержанных вождями СССР, насадить «диктатуру пролетариата» в глубоко феодальном обществе, обернулась кровавой национальной трагедией, которой не видно конца до сих пор. Правда, справедливости ради следует отметить, что советским идеологам, в отличие от их европейских идейных последователей, все-таки не приходило в голову переселить монголов или узбеков в Центральную Россию и Сибирь, дабы эти народы быстрее приобщились к «строительству социализма».

Нынешний массовый прием афро-азиатских беженцев принято мотивировать необходимостью помочь людям, ставшим жертвами кровопролитных войн. На первый

взгляд, это звучит и убедительно, и гуманно, однако в действительности здесь явно «наводится тень на плетень». Сегодня от массы больших и малых войн в Азии и Африке страдают многие десятки, даже сотни миллионов людей, и ни у какой Меркель не повернется язык заявить, что Европа и Германия готовы принять их всех. Выходит, беженцев от войны придется делить по «сортам», отдавая совершенно произвольное предпочтение каким-то отдельным их группам перед остальными. Тут уже явно попахивает издевательством, а отнюдь не гуманизмом.

О людях, пострадавших от войны, нужно заботиться по мере возможности в регионах их проживания, а отнюдь не в Европе. И главное – надо не разжигать очаги потенциальных военных конфликтов, как это сделала Европа в Ливии и Сирии, а всячески способствовать урегулированию взрывоопасных ситуаций в непосредственной близости от границ ЕС. А то, что практикуется в Европе сегодня, фактически означает создание на ее территории многонаселенных феодально-средневековых анклавов, что в перспективе может способствовать только гибели современной европейской цивилизации.

Однополярный мир

Под однополярным миром понимают такое соотношение сил на мировой арене, которое характеризуется резким преобладанием одного из центров (полюсов) силы над всеми другими. В качестве исторических примеров можно назвать гигантские империи прошлого – от Персидской и Римской до Британской. Однако в те далекие времена мир был еще не настолько един, чтобы всерьез говорить о мировом господстве перечисленных империй. Первыми предъявили весомые претензии на такое господство не эти империи, не Александр Македонский, Наполеон или Гитлер, а современные США. И дело не только в том, что США лишились после распада СССР своего единственного серьезного конкурента на мировой арене, но и в глубоко укоренившихся идеях мессианства, собственной исключительности, присущих американскому национальному самосознанию, как ни одному другому.

Нынешние официальные лица США, конечно, не заявляют вслух о своих претензиях на мировое господство – это могло бы вызвать слишком нежелательные для глащатаев исторические ассоциации. А вот об американской исключительности не устает вещать даже Б. Обама, не самый рьяный поклонник американско-мессианских идей среди нынешней правящей верхушки США. Более того, в США широко распространено мнение о своей стране, как о «Сияющем граде на холме». Это выражение, восходящее к Священному писанию, распространили в XVII веке в только что образованных американских колониях Новой Англии пуритане, представители крайнего течения английского кальвинизма. После образования США поборники американской исключительности сделали вполне естественный для себя вывод, что страна, исконно призванная служить примером для всеобщего подражания, должна неустанно насаждать свою систему ценностей и свой образ жизни во всем остальном мире. Чему США и предавались с тех пор, насколько это было в их силах.

Многое тут, конечно, определялось тем, достаточно ли трезво оценивали в США свои силы и возможности. До поры до времени им это в основном удавалось, несмотря на всю их убежденность в американской исключительности. Однако в 1991 г. в США и вообще на Западе возомнили, что одержали победу в «холодной войне», и от былого американского и западного политического реализма не осталось и следа. В действительности СССР рухнул вовсе не из-за непосильного для него противоборства с Западом, а под тяжестью своих неразрешимых (точнее, вовремя не разрешенных) внутренних проблем. Но на Западе пришли к диаметрально противоположному выводу на сей счет, а потому решили, что им теперь доступно и позволительно абсолютно всё. Увы, уже в начале XXI века даже на Западе начали сознавать, что желанный «однополярный мир» явно не складывается: стали уверенно наращивать свою мощь Китай и в известной

мере Индия, все больше «признаков жизни» подавала опрометчиво «похороненная» Россия, да и многие региональные державы (Бразилия, Иран, Индонезия и др.) вовсе не проявляли желания подчиняться западному диктату.

Справедливости ради отметим и прохладное, если не критическое отношение к идеям «однополярного мира» со стороны ряда ведущих американских политологов. Так, уже упоминавшийся мной С. Хантингтон, автор нашумевшей книги «Столкновение цивилизаций», прямо утверждал, что кризисное состояние современной западной цивилизации во многом связано с ее глубоко ошибочной самооценкой. А именно, на Западе постулируют ее универсальность и в результате стремятся всюду насадить западный образ жизни – вместо того, чтобы осознать уникальный характер своей цивилизации, остро нуждающейся в защите, дабы она могла успешно существовать и впредь. Обратили ли на Западе должное внимание на эти мудрые мысли? Ничуть не бывало! Здесь клюнули только на «клубничку» в виде «неизбежного столкновения» западной и исламской цивилизаций, предвестником которого неправомерно объявили Хантингтона.

Для меня несостоятельность концепции «однополярного мира» была очевидна с самого начала. Идеи подобного рода интересовали и интересуют меня не столько в идеологическом или политическом, сколько в психологическом плане: что может побудить, казалось бы, разумных людей отстаивать и поддерживать такой вздор? Я имею в виду, конечно, не спесивых и наглухо зашоренных американцев, а энтузиастов «однополярного» (то бишь американского) мира в других странах, прежде всего – в Германии и России.

В этой связи я не могу не вспомнить о советской пропаганде, набившей мне когда-то дикую оскомину. Она проповедовала по большей части не советскую (и, тем паче, не российскую) исключительность, а неминуемое торжество мирового коммунизма, самого прогрессивного и справедливого общественного строя в истории человечества. В первые послереволюционные годы подобные словеса, возможно, и казались убедительными, но в хрущёвские и, тем более, брежневские времена они вызывали у мыслящих людей, в лучшем случае, недоумение. Более того, эта советская пропаганда зародила в нас, тогдашних молодых людях, стойкое отвращение к идеям любой исключительности – идеологической, политической или национальной. Потому, например, мы преклонялись перед «американским образом жизни» ничуть не больше, чем перед «мировым коммунизмом».

До Западной Германии тех лет советская пропаганда практически не доходила, ее население находилось под полным влиянием местной, насквозь американизированной пропаганды. Видимо, она умела воздействовать на публику лучше советской – иначе трудно объяснить, почему в Германии многие восприняли всерьез и идею американской исключительности, и миф об «однополярном мире».

Несколько иначе, но тоже вполне объяснимо обстоит дело и с нынешними российскими «фанатами» всего американского и западного. Среди них есть и мои ровесники, которые воспитывались, казалось бы, в тех же условиях, что и я. Однако на самом деле здесь была и существенная разница. Мои сибирские сверстники, не доверявшие советской пропаганде, формировались практически безо всякого пропагандистского воздействия – никакая другая пропаганда (не считая разве что китайской) до нас попросту не доходила. Совсем иное дело – Москва или Ленинград: здесь можно было при желании регулярно слушать западные радиоголоса, а также читать разного рода «тамиздат». Таким образом, наша тогдашняя столичная интеллигенция находилась под несомненным влиянием западной пропаганды, и следы этой пропагандистской обработки заметны, увы, до сих пор.

«Закат Европы»

„Der Untergang des Abendlandes“ («Закат Европы») – название нашумевшей книги немецкого философа Освальда Шпенглера, изданной почти 100 лет назад, в 1918 г. Шпенглер размышлял о судьбах различных культур и цивилизаций с самого начала своей научной деятельности, однако непосредственным побудительным мотивом к написанию главного в его жизни труда стала, видимо, Первая мировая война, которую он считал началом агонии европейской цивилизации.

В то время столь жесткие оценки далеко еще не были общепринятыми, однако сегодня, столетие спустя, ни один серьезный историк не возьмется отрицать, что та далекая война возымела катастрофические последствия для судеб Европейского континента. Мало того, что она смела с лица земли 4 из 5 европейских империй – Германскую, Российскую, Австро-Венгерскую, Османскую. Уцелела только Британская империя, но после Второй мировой войны, ставшей прямым продолжением Первой, развалилась и она. В итоге двух мировых войн в корне изменилось все соотношение сил в Европе. Бывшие европейские и мировые сверхдержавы, Великобритания и Франция, сегодня далеки от лидерства даже в Европе, не говоря уже об остальном мире. Свои ведущие позиции на континенте сохранила только Германия, населенная в основном немцами – сравнительно молодым, а потому более жизнеспособным народом, чем англичане или французы. Но и о германском лидерстве за пределами Европы говорить больше не приходится: на Западе остался только один претендент на ведущую роль в мировых делах – США.

В немецком языке, в отличие от русского или английского, принято различать понятия «культура» и «цивилизация». Так, О. Шпенглер называл «культурой» цивилизацию, находящуюся в стадии своего расцвета (в Европе этот период пришелся, по его оценке, на XV-XVIII века), и «цивилизацией» – стадию последующего упадка (с XIX века). Характерными чертами этой последней стадии Шпенглер считал, в частности, атеизм и материализм, радикальный революционизм и агрессивную экспансию вовне, находя тому более чем достаточно подтверждений в европейской истории XIX века. Итоговый вывод Шпенглера гласил: все культуры сходны по длительности существования (около 1000 лет), проходят в своем развитии одни и те же фазы, а потому исторические события, относящиеся к одной культуре, имеют свои соответствия во всех других.

Сегодня, после появления трудов А. Тойнби, С. Хантингтона или Л. Гумилёва, которых в той или иной мере можно считать последователями О. Шпенглера, эти далеко идущие выводы выглядят уже едва ли не банально, но столетие тому назад они вызвали настоящий шквал критики. Объемистый двухтомный труд Шпенглера – далеко не популярное и, тем более, не легкое чтиво, и мало кто осилил его от начала до конца. Однако возмущение «крамольными» идеями Шпенглера было чуть ли не всеобщим. Еще бы – ведь в его труде была впервые предпринята попытка научно обосновать, казалось бы, совершеннейший абсурд: давно привычная западная цивилизация не только не вечна, но и явственно клонится к своему закату.

Яростное неприятие многими западными интеллектуалами идей О. Шпенглера не смягчилось до сих пор, в чем мне однажды пришлось убедиться на собственном опыте. В середине 90-х годов я принимал участие в работе над проектом многотомной Энциклопедии «Немцы России». Вместе с нами в этом деле участвовали и зарубежные ученые, в т.ч. профессор-литературовед из Германии, которая изучала литературу российских немцев. Ее поселили в той же московской гостинице, где жил я, и поскольку по-русски она не говорила, то меня попросили помогать ей при необходимости. Моя помощь сводилась, в основном, к тому, что я каждое утро кормил профессоршу завтраком на своей кухне. И все шло «цирлих-манирлих», пока я однажды не ввернул за завтраком какую-то фразу о кризисном положении дел в современной Европе. Германскую профессоршу буквально передернуло, и она, едва сдерживая гнев, воскликнула: «Это что

же – Untergang des Abendlandes?» После этого профессорша, оскорбленная в своих лучших чувствах, не только перестала есть мои завтраки, но и едва здоровалась со мной при встречах. Почти как у древних греков: Платон мне друг, но истина дороже!

При всей значимости книги О. Шпенглера не будем забывать, что в момент ее появления упадок западной цивилизации еще находился на начальных стадиях и был заметен практически только в Европе. Отсюда и название работы: Abendland – это историческая, европейская территория западной цивилизации. Сегодня стремительно стареющая Европа по-прежнему остается самым уязвимым элементом этой цивилизации, однако кризисные процессы на Западе уже вышли далеко за европейские пределы. Этот кризис, как мы видели, затронул не в последнюю очередь совокупность всех тех идей, на которых традиционно зиждилась западная цивилизация – от христианства и до Просвещения. Но одновременно рассыпается в труху и вся общественно-политическая надстройка этой цивилизации. Это и означает колоссальный по своим масштабам цивилизационный слом, равного которому человечество не наблюдало многие века.

Я бесконечно далек от злорадства по данному поводу – уже потому, что этот исторический процесс не может не отразиться самым пагубным образом на судьбах многих миллионов людей. Можно и нужно критиковать ведущих европейских политиков за их явно неразумные действия и, тем более, за откровенную ложь. Однако не следует забывать, что излечению поддаются очень многие болезни, но только не старческая немощь, одолевающая Европу всё сильней.

11. ПРОЩАЙ, ГЕРМАНИЯ, ПРОЩАЙ?

Многие жители России еще помнят, где и когда впервые прозвучали слова, послужившие названием этой заключительной главы моих записок: в 1994 г., в торжественном марше, написанном по случаю завершения вывода российского (бывшего советского) военного контингента из Германии. Оркестр бил в литавры, многоголосый военный хор с подобающей торжественностью распевал слова прощального марша, а пьяный Ельцин нелепо размахивал перед этим хором дирижерской палочкой. Однако этот сюжет я, естественно, развивать не буду – он слишком далек от тематики моей книги.

Не хочу писать и о другом, гораздо более существенном в данном случае явлении – возвращении некоторых наших переселенцев, так и не прижившихся в Германии, в места прежнего проживания, главным образом – в Россию. Данный процесс, как к нему ни относись, в любом случае не может приобрести особо широких масштабов – уже потому, что основной массе выехавших российских немцев возвращаться, в сущности, некуда. Поэтому мне малопонятно стремление некоторых людей как-то подтолкнуть это «вялотекущее» возвращение. Я никого не агитировал выезжать в Германию и не собираюсь агитировать возвращаться назад. По-моему, такие процессы нуждаются не в агитации, а в создании для них неких реальных предпосылок. В случае с возвращением наших переселенцев в Россию я не вижу, как можно способствовать появлению этих предпосылок. Было бы странно ожидать от российских властей, так мало сделавших для возвращения в страну миллионов этнических русских, которые оказались за ее пределами не по своей воле, каких-то широких жестов в отношении немцев, уехавших из России – как ни крути – по собственной инициативе.

В отличие от многих наших переселенцев, я не испытываю сожаления по поводу своего выезда в Германию. В конце концов, здесь у меня появился досуг, благодаря которому мне удалось написать или завершить целый ряд работ о прошлом нашего народа, до которых у меня не доходили руки в Москве. Я по-настоящему жалею только об одном – о том чувстве отчуждения к Германии, которое, увы, резко усилилось во мне в последние годы. И это, и другие мои чувства к исторической родине имели свою предысторию, которой я здесь также коснусь.

Как видно из написанного мной о моем детстве и ранней юности, я испытывал тогда к Германии интерес в сочетании с сочувствием к этой замордованной стране, которую день ото дня обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Поездка в ГДР в 1970 г. впервые вызвала во мне чувство близости к Германии, без чего я едва ли решился бы посвятить изучению ее истории последующие полтора десятилетия своей жизни. Это занятие, конечно, позволило мне узнать о Германии гораздо больше, однако чувства близости к ней оно не укрепило. Я не мог не понимать, что между нами, российскими немцами, и нашей исторической родиной – громадная временна́я и событийная дистанция, которая с годами только нарастает.

Поэтому то, что власти ФРГ приступили в конце 80-х годов к крупномасштабному приему наших переселенцев, стало для меня большим сюрпризом. Чем бы ни было продиктовано это неожиданное решение, боюсь, что в ФРГ не отдавали себе должного отчета в самом главном: современные российские и германские немцы – родственные, но далеко не идентичные народы. Не сознавали этого, как правило, и сами переселенцы. Наши немцы традиционно видели главный смысл своей жизни в непрестанном труде, были глубоко привержены семейным и религиозным ценностям. В нынешней Германии подобное мировосприятие сохранилось разве что у людей старшего поколения. Остальное население Германии воспитывалось уже в условиях глубоко американизированного «общества потребления», исповедующего практически прямо противоположные ценности. Младшая часть наших переселенцев еще могла вписаться в такое общество, но для основной массы российских немцев оно было и остается совершенно чуждым.

При переселении в Германию я уже не питал на этот счет никаких иллюзий. Не до конца ясным оставался мне лишь один частный, но для меня лично очень существенный вопрос. А именно, насколько в Германии реализуется § 96 Федерального закона об изгнанных и беженцах, согласно которому государство и его Земли должны «сохранять культурные ценности регионов изгнания в сознании изгнанных (…) и всего немецкого народа. (…) Они должны поддерживать науку и исследования при решении задач, вытекающих из изгнания и интеграции изгнанных». Я посвятил соответствующим исследованиям несколько десятков лет своей жизни, а потому мне не могло быть безразлично, как в действительности относится к этому делу Германское государство. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы прийти ко вполне определенному выводу: мои многолетние исследования этому государству абсолютно не нужны. Такое государство я, естественно, не могу признать своим в каком бы то ни было смысле этого слова.

В свое время я уже высказывался по поводу германских и российских горе-политиков, предпочитавших «искать союзников вдалеке от своих границ, соответственно, плодя противников и врагов в непосредственной близости», имея в виду политику Вильгельма II и Николая II. Сегодня к ряду этих политических банкротов примкнула А. Меркель, строящая свою внешнюю политику на угодливости перед далекой Америкой и санкциях в отношении близкой России. Тут мне опять приходят на ум строки Марины Цветаевой, но совсем не те, с которых я начал свои записки:

О, мания! О, мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь.

Март 2016 г.